

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Горно-Алтайский государственный университет»

Киндикова Н.М.

**ЛИТЕРАТУРЫ СИБИРИ:
ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Монография

Горно-Алтайск
РИО Горно-Алтайского государственного университета
2014

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Горно-Алтайского государственного университета

Работы выполнены в лаборатории «Алтайская филология» факультета алтаистики и тюркологии Горно-Алтайского государственного университета и учебно-научной лаборатории художественного наследия и сравнительного литературоведения Северо-Восточного Федерального университета

**ББК83.3(253)
К41**

Киндикова Н.М.

Литературы Сибири: опыт исследования: монография / Н.М. Киндикова. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. – 180 с.

Рецензенты:

Садалова Т.М., д.ф.н., главный специалист Министерства культуры
Республики Алтай

Майнагашева Н.С., к.ф.н., старший научный сотрудник сектора литературы
ГБ НИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»

Работа посвящена исследованию проблем национальных литератур Сибири: алтайской, тувинской, хакасской, якутской. Автор обращается к актуальным вопросам современности: от периодизации этих литератур до индивидуальности отдельных писателей. При этом важным в изучении родственных литератур народов Сибири является историко-типологический подход к каждой из них и выявление этнокультурного своеобразия в художественном переводе. Монография предназначена не только литературоведам и преподавателям вузов и школ, но и студентам, магистрантам и аспирантам.

© Киндикова Н.М., 2014

© Горно-Алтайский государственный университет, 2014

Оглавление

Введение	4
1. Литература народов Сибири	5
Литература тюркских народов в научном освещении	5
Литературы региона в жанровом разнообразии	9
2. Проблема периодизации литературы в сибирском регионе	30
Вопросы периодизации в алтайском литературоведении	30
Периодизация тувинской литературы: историография вопроса	35
Вопросы периодизации в хакасском литературоведении	39
Проблемы периодизации в якутском литературоведении	43
3. Опыт создания литературной биографии писателя	51
Трагическая судьба Г.И.Чорос Гуркина	51
Слово о А.Н.Каланакове	54
Павел Кучияк: драма личности	55
Судьба родного народа в прозе летописца И.В.Шодоева	60
Михаил Кильчичаков – поэт и драматург (Н.С. Майнагашева)	69
Литературное наследие А. Адарова: проблемы изучения	82
Феномен личности: о писателе разностороннего дарования	86
Материалы к созданию литературной биографии писателя	98
Творчество О.К. Саган-оола (С.С. Комбу)	106
Личный архив Ш.Шатинова: проблемы публикации (в соавторстве с А.В. Киндиковой)	116
Слово о поэте П. Самык	124
4. Проблемы типологии отдельных произведений	129
Алтайский и хакасский рассказ: типология тем, образов и поэтика переводов ...	129
Алтайский и башкирский роман: типология тем, образов, мотивов	138
Сокровенный Алтай: типология культур, открытость миру	150
5. Проблемы взаимоперевода тюркских литератур	154
Взаимоперевод тюркских литератур: сохранение этнокультурных особенностей	154
Китайская литература на алтайском языке: история и поэтика переводов	163
Переводная лирика Б.Укачина: проблема идентичности	170
Сборник Л. Юсуповой в переводе: сравнение с оригиналом	175
Первоисточники	179

Введение

Создание исследовательской работы о литературе народов Сибири - идея многолетней деятельности литературоведов сибирского региона. Однако задумка оставалась недосуществленной, поскольку первоначально предполагалась подготовка хрестоматии для студентов, магистров, бакалавров, затем написание монографических исследований. Оказалось, что для взаимного исследования недостаточно переводных произведений по современной литературе Сибири.

Впоследствии планировали написание персоналия одного или трех писателей по республикам, к сожалению, и эта задумка оставалась неосуществимой. И наконец, мною апробирована рукопись раздела «Литература народов Алтая и Сибири» для вузовского учебника «Литература народов России» (Москва, 2014). Эта статья натолкнула нас к мысли о создании монографии, куда частично вошли персоналии тюркских писателей сибирского региона. Отдельные статьи, наверняка, вызовут научный интерес, так как во всех республиках ученые-литературоведы сталкиваются с теми же проблемами, которые стоят перед алтайскими, тувинскими, хакасскими, якутскими исследователями.

В монографию автора вошли также статьи, апробированные на Всероссийской научно-практической конференции «Литература народов Сибири: портреты писателей», которая состоялась 13 мая 2014 года. Свои статьи прислали к.ф.н. Н.С. Майнагашева из Хакасии и к.ф.н. С.С. Комбу из Тувы. Литературоведы из Якутии предлагают включить литературный портрет Саввы Тарасова. Возможно, данное издание продолжится, поскольку это всего лишь первый опыт подобного исследования.

1. Литература народов Сибири

Литературы тюркских народов Сибири в научном освещении

Литературы тюркских народов Сибири до настоящего времени не были предметом специального исследования, хотя в монографических и обобщающих трудах отечественных литературоведов этот вопрос частично рассматривался. К их числу относятся работы Ч.Г. Гусейнова (1978), Р.Г. Бикмухаметова (1983), И.В. Стеблевой (1998) и других [1]. Традиционно в трудах местных исследователей рассматривались такие вопросы как роль фольклора в развитии литератур региона, влияние русской литературы на становление национальных литератур, значение художественного перевода и т.д.

Литературу алтайцев, тувинцев, шорцев, хакасов, саха-якутов объединяет не только историческая, но и языковая и этнокультурная общность тюркских народов. По языковому признаку они считаются близкородственными. До недавнего времени в трудах востоковедов игнорировались письменные истоки и традиции каждой из названных литератур, корни которых восходят к орхоно-енисейским письменам. Исключение составляет монголоязычная литература в Сибири – бурятская.

Впервые о тюркских народах Сибири и их литературе упоминалось в трудах О.Н. Бетлингга (1848), В.В. Радлова (1866), энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (1890), Н.Ф. Катанова (1907) и других. В книге «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи» (Санкт-Петербург, 1866) В.В. Радлова отмечается: «Нет на земном шаре ни одного наречия, которое бы распространялось на столь огромное пространство, как Тюркское. Племена, говорившие тюркским языком, живут в трех частях света, начиная от северо-восточной части Африки и Европейской Турции до южной полосы Сибири и самой степи Гоби» [2, с.50].

Исследователь не только собрал и опубликовал фольклорные материалы тюркских народов Сибири, но и включил в свою книгу первое художественное произведение алтайского писателя М.В. Чевалкова «Жизнь Чевалкова» (1860), которое получило положительные отзывы в XIX - начале XX столетий. К примеру, Н. Ядринцев охарактеризовал автора «образованным инородцем, сохранившим связи со

своим племенем и пожелавшим посвятить себя его развитию» [2, с.182]. Переводчик Макарий Бийский писал: «Нельзя было предполагать, что алтайское наречие может дать глубоко поэтические картины жизни Алтая в звучных стихах, может излагать священные события увлекательным образом. Но отец Михаил нашел в своем духе способности придать сравнительно бедному родному языку и образность, и звучность так, что его стихи и рассказы сделались любимым чтением на Алтае, сделались народным достоянием» [4, с.296]. Благодаря этим высказываниям тюркоязычный мир узнал о существовании алтайской литературы, литературного наследия М.В. Чевалкова в частности.

В книге О.Н. Бетлингга «О языке якутов» обнаружены воспоминания А.Я. Уваровского (1800-1861), написанные на якутском языке. По словам Ю.И. Васильева, в них «автор подробно рассказывает о своей жизни, работе, природе Якутии, о жизни, нравах и обычаях якутов того времени, о своих поездках ... в Иркутск и Петербург» [4, с.131]. Не случайно Н.Н. Тобуроков внес коррективы в «Историю якутской литературы», назвав А.Уваровского зачинателем, а А. Кулаковского основателем якутской литературы.

Тридцать четвертый том энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона посвящен турецкому наречию и литературе (Санкт-Петербург, 1890) и характерно то, что в них конкретно указываются истоки тюркских литератур, а именно орхоно-енисейские памятники У1-УШ вв. [6].

Литературоведческие исследования в Сибири начались в начале XX столетия. Причем основное внимание уделялось вопросам тюркского стихосложения. В трудах Н.Ф. Катанова (1862-1922), к примеру, исследована метрика тувинского стиха, а статьи якутского литератора П.А. Ойунского посвящены особенностям якутского стихосложения (1925, 1928). В 1937 году издана «История якутской литературы», написанная Н.М. Заболотским. В ней «впервые было дано более полное представление о дореволюционных писателях А.Е. Кулаковском, А.И. Софронове, Н.Д. Неустроеве, В.В. Никифорове и поставлена задача научного изучения их творчества» - пишет исследователь якутской литературы А.Н. Мыреева [7, с.51]. В 30-40-е годы обзорные и критические статьи о литературах сибирского региона публиковались также на страницах журнала «Сибирские огни».

Монография Н.А. Баскакова под названием «Алтайский фольклор и литература» (Горно-Алтайск, 1948) стала теоретической и методологической базой многих тюркских литератур. Литературоведческие статьи издавались также в «Ученых записках», издаваемых в регионах во второй половине XX века. Одновременно готовились очерки истории национальных литератур Сибири. Впоследствии эти материалы вошли в фундаментальный труд «История советской многонациональной литературы» (М.: Наука, 1970-1974), изданный Институтом мировой литературы им А.М. Горького РАН.

В дальнейшем литературоведы углубленно изучают жанровые разновидности национальных литератур в сравнительно-сопоставительном плане с русской и мировой литературой. Это - монографии по прозе А. Кызласовой и В. Карамашевой в Хакасии, Д. Васильевой и А. Мыреевой в Якутии, Р. Палкиной на Алтае, З. Самдан в Туве, а также книги А. Кошелевой и Н. Таскараковой, Н. Тобурокова, П. Сивцевой-Максимовой, М. Дьячковской Н. Киндиковой, С. Комбу по лирике. За короткий период преодолен региональный подход к литературе, заметно расширились рамки литературоведческих исследований. Этому способствовало проведение научных конференций в сибирском регионе: «Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока» (Новосибирск, 1983), «Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока (Горно-Алтайск, 1986), «Методологические проблемы изучения истории литератур народов Сибири» (Кызыл, 2006). Наряду с проблемами исследования истории и теории тюркских литератур, особое внимание в ней уделялось вопросам изучения современного литературного процесса.

В постперестроечное время литературоведам региона удалось вернуться к историческим корням – древней поэзии тюрков, включить ее в периодизацию национальных литератур Сибири, по-новому осмыслить фольклорные и письменные истоки тюркских литератур, раскрыть этнокультурные особенности литературных жанров.

В энциклопедический словарь - «Литературы народов России. XX век». (М.: Наука, 2005) - включены алтайская, тувинская, хакасская, саха-якутская литературы. Не вошла в словарь шорская литература, которая представлена ныне 8 писателями. И что характерно, в истории этих литератур уже упоминаются древнетюркские корни. В частности, С.Н. Майнагашева пишет: «Многие черты и художественные особенности слова древних авторов тесно связаны с фольклором

хакасов, на основе которого впоследствии получит развитие современная литература» [8, с.310].

В тюрко-монгольский период алтайская литература существовала в устном виде, тувинцы вынуждены были создавать произведения на старомонгольском языке. В истории якутской литературы основоположником считается А.Е. Кулаковский (1877-1926). Имя алтайского писателя М.В. Чевалкова (1817-1901), известное во второй половине XIX века, вошло в историю родной литературы только в 50-е годы XX столетия. Шорцы уже в XXI веке гордятся именем писателя-миссионера И.М. Штыгашева (1861-1915), творившего в XIX веке.

Другими словами, в постперестроечное время тюркологи Сибири пересматривают литературу XX столетия, возвращают в историю тюркских литератур имена незаслуженно забытых, а также репрессированных в суровые 30-е годы писателей. К таковым относятся исследования Н.Н. Тобурокова (1993), В.А. Карамашевой (1996), Н.М. Киндиковой (1998, 2001) и многих других. В них отмечается новый взгляд на развитие тюркских литератур Сибири.

Одновременно созданы в республиках очерки истории тюркских литератур: в Хакасии (1985), на Алтае (2004), в Якутии (2005) и др. Это связано с тем, что недостаточно полно исследована история тюркских литератур Сибири. Отрадно то, что литературоведы подводят итоги исследования национальных литератур и намечают пути дальнейшего изучения. Таковы статьи тюркологов о развитии критики и литературоведения в Туве, на Алтае, в Якутске (Самдан 1995, Куулар 2002, Билюкина 1981, Дьячковская и Романова 2005, Киндикова 1998, 2008). Все это способствует развитию научной мысли в регионе, выходу исследований за пределы региона[9].

Литературоведы своевременно ставят вопросы взаимного перевода художественной литературы не только на русский язык, но и на другие близкородственные языки народов России. Углубленной разработки требуют такие проблемы современного литературоведения, как язык и стиль художественной литературы, мастерство национальных писателей и т.д. Не исследованной остается современный литературный процесс, который охватывает почти последнее двадцатилетие.

Подводя итоги полувекового развития тюркского литературоведения, следует подчеркнуть, что созданы в регионе очерки истории национальных литератур на родном и русском языках, изданы эн-

циклопедический словарь литератур народов России и словари литературоведческих терминов в Хакасии, Туве, на Алтае, написаны литературные портреты отдельных писателей в контексте развития тюркских литератур. Здесь имеется в виду издание «Научной биографии А.Е.Кулаковского. Личность поэта и его время» (2008)[10]. Судьба одной личности раскрыта на фоне исторической судьбы якутского народа. Эта работа Л.Р.Кулаковской написана на высоком научном уровне. Об этом свидетельствуют архивные, документальные материалы. Нам остается перенять опыт якутских коллег по созданию монографических трудов о писателях. В заключение хотелось бы подчеркнуть, что литературоведение Сибири за последнее десятилетие выросло профессионально и получило самостоятельное развитие наряду с литературоведением других регионов России.

В сибирском регионе работают квалифицированные специалисты, исследующие собственные национальные литературы в жанрово-тематическом, историко-типологическом плане. Появились даже научные школы, в частности, стиховедческая школа Н.Н.Тобурокова, эдиционный проект С.Ж. Балданова и др. В настоящее время собран интересный архивный материал для научного осмысления творческого наследия знаковых личностей Сибири. Небезынтересно исследование творческого наследия ведущих литературоведов региона в контексте развития науки о литературе.

Литературы региона в жанровом разнообразии

В Сибири проживают разные народы: тюркские и монголоязычные. Одни имеют глубокие литературные корни, другие вновь возникшие или из-за утраты родного языка возрождающиеся только в последние годы. К таковым, к примеру, относятся шорцы и туфалары. К монголоязычным относится бурятская литература. У каждой из литератур есть богатые фольклорные и письменные традиции. В литературе народов Сибири существуют многообразные формы связи, общения, взаимодействия и взаимовлияния. Но самыми распространенными формами межлитературной коммуникации являются генетически-контактные связи.

Согласно периодизации тюрко-монгольских литератур развитие литературы народов Алтая и Сибири соответствует к пяти основным периодам: **первый** период, называемый древнетюркской литерату-

рой, охватывает VI-VIII-XII века; **второй** соответствует тюрко-монгольскому периоду, когда тюркская литература существовала в устной форме (XIII-XV-XVIII вв.). На рубеже XIX-XX веков зарождаются новые литературы народов сибирского региона: алтайская, бурятская, хакасская, якутская, в том числе тувинская. Исходя из сказанного, попытаемся проследить процесс развития художественной литературы в регионе. Но прежде чем приступить к истории литературы, необходимо несколько слов сказать об устном творчестве тюркских народов Сибири, которое является не только предысторией, но и неиссякаемым источником профессиональной художественной литературы.

Фольклор алтайских, бурятских, хакасских, шорских, тувинских, якутских народов богат жанровым разнообразием, начиная с колыбельных песен и, кончая, причитаниями. В особый жанр следует выделить шаманские мистерии и благопожелания, которые нередко обладают магической силой слова. Историко-познавательную и художественную ценность представляют исторические предания и героический эпос вышеупомянутых народов, исполняемый особым горловым напевом под аккомпанемент национального двухструнного инструмента - топшуура. Отдельным изданием опубликовано на родных языках несколько томов героических сказаний. Якутское олонхо, бурятский «Гесер», алтайский эпос «Маадай-Кара», хакасский «Алтын-Арыг», тувинский «Кезер-Мерген» изучаются не только в школах и вузах, но исследуются на международном уровне. По справедливому мнению Н. Тобурокова, «элементы художественного выражения восходят к народным пословицам, поговоркам, загадкам, обрядовой поэзии, шаманским мистериям, поэмам, сказкам, преданиям и т.д. При формировании того или иного литературного жанра существенную роль сыграл тот или иной жанр фольклора»[1].

К письменным источникам алтайской, хакасской, тувинской, якутской литературы, кроме монголоязычной бурятской литературы, относятся древнетюркские памятники У1-УШ-XII веков, именуемые в науке орхон-енисейскими надписями. Они найдены на берегу рек Орхон, Селенга (Монголия) и Енисея (Хакасия, Тыва). Первые точные сведения о тюркских рунических надписях появились более двухсот пятидесяти лет назад, в начале XVIII века. Надписи в честь Куль-тегина и Бильге-кагана были обнаружены Н.М. Ядринцевым в 1889 году, надпись в честь Тоньюкука найдена Е.Н. Клеменц в 1897 году.

По мнению тюрколога И.В. Стеблевой: "Малая и Большая надписи» в честь Куль-тегина и надпись в честь Тоньюкука посвящены описанию, с небольшими различиями, одних и тех же событий со времени возникновения Тюркского каганата, которое представлено в надписях как идеализированное прошлое тюркского народа, и по первую треть VIII в. Это - история становления и укрепления Восточно-тюркского каганата, освобождения тюрков от китайского ига и военных походов, предпринятых несколькими поколениями каганов; правящим каганом, его братом полководцем Кюль-тегином, а также советником и предводителем войск Тоньюкуком..."[2]. В жанровом отношении их можно рассматривать как историко-героические поэмы. Енисейские надписи написаны в жанре эпитафии.

Вместе с тем эти тексты являются принадлежностью уже письменной литературы, поскольку нам известны их авторы. Малую и Большую надписи в честь Кюль-тегина, а также надпись в честь Бильге-кагана создал его родственник Йюлык-тегин, надпись в честь Тоньюкука предположительно сочинена им самим. В истории тюркских литератур они являются первыми из известных в современной науке авторами художественных произведений. Большая надпись в честь Кюль-тегина замечательна еще и тем, что в своей заключительной части, после описания военных подвигов Кюль-тегина, она переходит в собственно эпитафию, сочиненную, как и весь текст в целом, от лица его брата, правящего Бильге-кагана, скорбящего о кончине героя. В жанровом отношении эта часть надписи представляет собой образец эпитафийной лирики. В целом в орхоно-енисейских надписях обнаружены зачатки многих литературных жанров: макталы (слава), песня-гимн, ода, посвящение, послание и т.д., которые получили дальнейшее развитие в профессиональной литературе. Таким образом, в древности на обширном пространстве Центральной и Средней Азии, Южной Сибири был распространен обещетюркский литературный язык и существовала длительная письменная традиция.

В тюрко-монгольский период литература существовала в изустной форме. Особо отличаются исторические предания, летописи, родословные, которые относятся и к фольклору, и к письменной литературе. Оказавшись в составе Золотой орды, просвещенные личности владели не только тюркским, но и монгольским языком - «тодо» (ясное письмо). Бурятская литература этого периода представлена летописями, описаниями путешествий, переводными произведениями

с индийского, тибетского, русского языков. Тувинские племена на протяжении веков находились на стыке трех цивилизаций – китайской, монгольской тибетской, что наложило отпечаток на развитие тувинской культуры и зарождении литературы в частности. Неслучайно, литературовед З. Самдан дает характеристику тувинской литературе как одной из «тюркоязычных литератур Южной Сибири, испытавшей влияние монголоязычных литератур, развивающаяся в контексте шаманско-буддийского религиозного синкретизма и устоявшихся устно-поэтических традиций»[3,с.113].

Зарождение алтайской художественной литературы связано с именем писателя-просветителя М.В. Чевалкова (1817-1901), который в 1860 году по просьбе В.В. Радлова написал первое автобиографическое произведение под названием «Жизнь Чевалкова» (СПб,1866) и его продолжение «Памятное завещание» (1894-1896), а также он известен как переводчик на алтайский язык сатирических произведений И. Крылова. В его творчестве отмечаются также такие жанры, как поучительные и нравоучительные стихи, басни и поэмы. Произведения М.В. Чевалкова в свое время издавались в Санкт-Петербурге, Казани (1872, 1881), Томске (1893 г.) и с конца 50-х годов XX столетия в г. Горно-Алтайске (1958, 1980, 1990).

На рубеже двух веков появились новые имена на небосклоне литератур Сибири: А.Е.Кулаковский, П.Ойунский, С.Яковлев-Э.Эристин из Якутии, Д.Абашев, И.Берлуков, Ч.-Л.Базарон из Бурятии, И.М. Штыгашев, Г.И.Чорос-Гуркин из Алтая и т.д. Некоторые из них творили на двуязычной основе. Мировоззрение писателей формировалось на стыке языческого, буддийского и христианского религиозных начал, поскольку первоначальное образование они получили в миссионерской школе. В жанровом отношении обнаруживаются необычные формы. В частности, литературные опыты в жанре путешествия прослеживаются в наследии **И.М. Штыгашева (1861-1915)**, шорца по национальности. Его наследие относится и к шорцам, и алтайцам, и хакасам. Таковы его произведения: «Путешествие алтайца в Киев, Москву и ее окрестности» (Казань, 1884); "Поступление в училище и продолжение учения шорца (алтайца) Ивана Матвеева Штыгашева" (Казань, 1885). Имя известного алтайского художника **Г.И. Чорос-Гуркина (1870-1937)** впервые восстановлено в 90-е годы XX столетия. Известны его произведения "Алтай: Плач алтайца на чужбине", "Алтай и Катунь", «Озеро Кара-кол» и др., написанные в жан-

ре стихотворения в прозе и очерка. Лидер алтайского народа Г.И. Чорос-Гуркин, был обеспокоен судьбой своих сородичей. В своем чистосердечном заявлении он писал: «В жизни своей я был кровным защитником всех интересов своей родины: самоопределения и автономии алтайского народа. За его законное право быть равным и свободным в семье великих народов, за сохранение его национальной культуры, языка и быта. За его новое создание и развитие в области своей экономической жизни, искусства и науки» [4, с. 138]. Подобные мысли обнаружены в обращении к якутской интеллигенции у **А.Е.Кулаковского (1877-1926)**. К сожалению, они подверглись к незаконному обвинению в национализме.

Литература XX столетия охватывает 20-80-е годы. В 20-30-е годы на Алтае, в Бурятии, Хакасии, Якутии, Туве впервые издаются на родном языке местные газеты и школьные учебники, в которых публикуются стихи и рассказы национальных писателей: Н.А. Каланакова (1888-1963), М.В. Мундуса-Эдокова (1879-1942), А. Толтока (1906-1937), А. Чокова (1908-1938), А. Тозыякова (1892-1938), П.А. Чагата-Строева (1887-1938) и др.; хакасских писателей А. Топанова, В.Кобякова, М. Кокова; якутских писателей П. Ойунского, А.Софронова-Алампа, С. Яковлева-Эрилик Эристина, А. Иванова-Кюндэ; бурятских - Б.Барадин, Солбон Туя, Д. Дашинимаев и др., творческая деятельность многих из них, к сожалению, прервана в годы массовых репрессий.

Тем не менее, в эти годы активно развивается **поэзия**. Наряду с агитационными, призывно-лозунговыми стихами, продиктованными временем, появились лирические стихотворения, пейзажного, любовного характера. Таковы стихотворения А.Топанова из Хакасии, А. Каланакова из Алтая, П. Ойунского из Якутии, Солбонэ Туя (П.Н.Дамбинова) из Бурятии. Новаторство алтайского поэта М. Мундус-Эдокова, к примеру, заключается в умении возвышать обычные явления действительности до поэтически законченных образов, тонко и психологически достоверно передать мироощущения героя. В лирике П.В.Кучияка (1897-1943) четко прослеживается становление национального художественного мышления и образа. Лирический герой осознает себя частицей своего народа, гордится достижениями страны, глубоко верит в силы и возможности человека труда. Его сердце переполнено чувством свободы и счастья, он готов поделиться с другими своими радостями. В эти годы особенно ярко развивается **лиро-**

эпические поэмы, основанные на героических сказаниях. Таковы, к примеру, поэмы П.А. Чагат-Строева «Мудрый богатырь» (1926), «Кара-Корум» (1927), Солбонэ Туя «Ангара», написанные на тему о героических событиях гражданской войны и становлению советской власти на Алтае, в Бурятии.

Проза этих лет представлена в автобиографическом жанре А.А. Сыркашевым («О себе»), рассказами М.В. Мундус-Эдокова, повестями и романом П.В.Кучияка. В прозаических произведениях П. Кучияка достоверно раскрыт характер и психология раскрепощенного человека. Ведущими героями его рассказов, повести «Долина дьявола»(1936) и незаконченного романа "Адыок" (1943) выступает молодежь. В них рассказывается о том, как она воспринимает новую жизнь, как борется за коллективизацию.

Заметное место в литературе народов Алтая и Сибири занимает **драматургия**: «Новая жизнь» А.А.Каланакова, «Невестка», «Прежде и теперь» М.В.Мундус-Эдокова, более девяти пьес П.В.Кучияка на Алтае; драма «Кузнец Кюкюр» якутского писателя Д.К. Сивцева (Суорун Омоллоон), многоактные пьесы Б.В.Барадина (историческая драма «Госпожа Чойжит» и стихотворная трагедия «Великая сестрица шаманка») и других, посвященные гражданской войне, установлению советской власти в Сибири, коллективизации и ликвидации неграмотности населения. Драмы этих лет носили просветительский характер, направлены против невежества, темноты, суеверий, пьянства («Смерть» Д. Абашева, «Виновато вино» И. Берлукова, «Два мира» М. Салтыкова и др.). В прозаических и драматических произведениях писатели высмеивали проповедников христианства, а также деятельность алтайских шаманов. Эти идеи отражены в пьесах М.Мундус-Эдокова "Невестка" (1927), "Прошлое и настоящее" (1928). Его сборник на двуязычной основе переиздан под названием «Зерно - по всходу» (2006).

Так же как Платон Алексеевич Ойунский из Якутии, поэт Павел Александрович Чагат-Строев (1887-1938) был членом ВЦИК в Москве. В 1924-1926 годах он состоял в переводческой комиссии, работал в издательстве, редакции областных газет. На русском языке издан сборник «Мудрый богатырь»(1987), в котором кроме его стихов имеются и стихи М.В.Чевалкова, М. В. Мундус-Эдокова.

В 30-е годы практикуется переводческая деятельность национальных писателей (П. Кучияка, И. Эдокова, А. Чокова и др.), произ-

ведения писателей сибирского региона активно переводятся на русский язык (переводчики Е. Стюарт, А. Смердов, И. Мухачев, В. Непомнящих). В свою очередь, писатели-сибиряки (И. Ерошин, И. Мухачев, А. Коптелов, И. Зазубрин и др.) непосредственно обращаются к алтайской проблематике.

Художественная литература народов Сибири на латинском алфавите (1928-1938) и в переводе на русский язык издавалась в Новосибирске, так как они до 1937 года входили в состав Западно-Сибирского края, отдельные произведения печатались в областных и краевых газетах, в журнале "Сибирские огни", в сборниках "Молодой Алтай", "Песни Ойротии" и других изданиях.

В годы Великой Отечественной войны в литературе сибирского региона преобладают песни, очерки и пьесы. Известны имена хакасских писателей М. Аршанова, Н. Доможакова, И. Котюшева, М. Кильчичакова, бурятских – Х. Намсараева, Ц. Галсанлова, Ж. Тумунова, якутских – В. Протодьякова, Н. Мординова, С. Ефремова и многих других. Большим успехом пользовались, к примеру, стихи и песни алтайских писателей Ч.И. Енчинова (1914-1967) и Я.Т. Бедюрова (1907-1961). Секрет популярности стихов Чота Енчинова - в мелодичности и насыщенности строк традиционными образами. Немалый интерес представляет обычная форма стихотворений, будь это гимн ("Алтай баатырлар" - "Алтайские богатыри") или призыв ("Аргымак" - "Аргмак", "Шонкорым" – "Сокол мой", "Кайран кооркий" - "Дорогая моя"). Однако произведения Ч.Енчинова не переведены на русский язык. В стихотворении "Аргмак" лирический герой ведет душевный разговор со своим спутником жизни - верным хозяину конем-аргамаком. В народной песне, как уже выше отмечалось, определяющую роль играли образы птиц, символизирующие печаль или грусть, тоску или мечту человека. В поэзии Ч. Енчинова традиционные образы обрели новую жизнь: образ крылатого коня придает бойцу силу духа и храбрость в бою, улетающая птица может унести с собой мысли человека на расстояние. В стихотворении "Мой сокол" лирический герой обращается к лунокрылой птице, чтобы та передала его песни жене. Герой таким путем готовится к предстоящей борьбе с врагами. По глубине поэтической мысли, по силе изобразительно-выразительных средств, по образной насыщенности стихотворения Ч. Енчинова занимают одно из достойных мест в истории алтайской лирики. Неслучайно, его лучшие произведения, ставшие в свое время песнями, не теряют своего значения по настоящее время.

Рукописи Я.Т. Бедюрова, сохранившиеся в семейном архиве, увидели свет лишь в 80-е годы XX столетия. Его произведения соответствуют определенным периодам Великой Отечественной войны. В творческом наследии Я. Бедюрова имеются стихи, написанные перед отъездом на войну, во время войны и после войны. Основная их тематика - раздумья о Родине, тоска по родным и близким т.д. В типологическом отношении к поэзии Я. Бедюрова весьма близки стихотворения якутского поэта С.Р. Кулачикова-Элляя, тоже участника Великой Отечественной. Совпадают даже названия произведений: "Отправка на фронт", "Слово война", "Прощание" и т.д. и их общий смысл. Высокая поэзия заключена в последнем из названных стихотворений. "Если кто-нибудь спросит: А где ваш отец?"

— Отвечайте: Дорога его увела.

Чтоб в огонь превратился,

- Сливаясь с огнём,
- Слившись с громом глухим,
- Превратился бы в гром,
- И, с орлами дружа,
- Превратился в орла" (перевод Ю. Дюрфеля).

Стихотворения Я. Бедюрова, написанные непосредственно на войне, отражают внутренний мир лирического героя, драматизм его переживаний. Призывы и отклики уступают здесь место рассказам о фронтовой жизни ("Конный отряд кавалериста", «Если завтра война», "Разговор двух крупных рек России - Волги и Дона", «Разговор бойца с девушкой» и т.д.), посланиям и лирическим письмам, адресованным любимой, близким друзьям и народу. Они проникнуты гражданскими и патриотическими чувствами. Таковы стихотворения "Когда наступит победа", "Дай мне силу, Родина", «Письмо другу» и другие.

Жанр лирических писем проникнут чувствами любви и верности, Мыслями о разлуке с любимой и скором возвращении домой, тоской по Родине, ожиданием победы. Во всех поэтических строках Я. Бедюрова возникает образ лирического героя, осознающего свою ответственность и долг перед народом, Родиной.

С точки зрения эмоционального воздействия выделяется также послание "Бойцу" тувинского поэта С. Пюрбю. Обратим внимание на поэтически ёмкие сравнения: "Враг жесток, беспощаден и дик. /Злее волка, коварней змеи. /Если встретишь врага - не щади, /Пусть метки будут пули твои» (перевод А.Бобковой).

Героем стихотворений поэтов-фронтовиков часто является не только отдельная личность, но и коллективное "мы": бойцы, воины, солдаты. Поэтика произведений близка поэтике народной песенной лирики. Он использует формы песни, благопожелания, заклинания, проклятия, а также мотивы и обряды родного фольклора и традиционные обращения, повторы, риторические вопросы, восклицания, что создаёт поистине народную основу его стихов; высокий стиль придаёт стихотворениям героическое звучание. Произведения М. Кокова, М. Аршанова из Хакасии, Х. Намсараева, Ц. Галсанова, Г. Цыдынжапова из Бурятии, Ч. Енчинова, Я. Бедюрова отличаются глубоким лиризмом, драматизмом, патриотическим и интернациональным пафосом.

Особого внимания заслуживает творческая деятельность писателей-фронтовиков А.Ф. Саруевой (1914-1983), С.С. Суразакова (1925-1980), И.П. Кочеева (1912- 199?), И.В. Шодоева (1914-2006) из Алтая, Н.Г.Доможакова, М.Е. Кильчичакова из Хакасии. Интересны стихи, очерки, рассказы, автобиографическая повесть «Мундузак»(1962) Ч.А. Чунижекова (1898-1973). Ряд писателей обратились к исторической теме. Таковы романы бурятских писателей «Степь проснулась» Ж. Тумунова, «На утренней заре» Х.Намсараева, Доржи, сын Банзара» Ч.Цыдедамбаева», якутских - «Неувядающие ветры» А. Федорова, «Пока бьется сердце» С. Данилова, «На водоразделе рек» В. Яковлева, «Беда» Н.Мординова и другие.

Наиболее видными представителями литературы 60-80-х годов XX столетия являются выпускники Литературного института им. А.М. Горького в Москве А.О. Адаров (1932-2005), Л.В. Кокышев (1933-1975), Э.М. Палкин (1934-1991), Б.У.Укачин (1939-2003), П.Самык (1938), Ш.Шатинов (1938-2009), К. Телесов (1937-2000), Д. Каинчин (1938-2012), Б.Суркашев (1939-2010), Б. Бедюров (1947) и др. Продолжая традиции предшественников, каждый из них внёс весомый вклад в развитие литературы второй половины XX столетия.

В бурятской литературе известны имена Д. Батожабая, А. Ангархаева, В. Митыпова и многих других, в хакасской - Н.Г. Доможаков, М.Е. Кильчичаков, М.Р. Баинов, в якутской – И.М. Гоголев, С.Данилов, С.Р. Кулачиков, В.Новиков (Урастыров), П.Н.Тобуроков, М. Ефимов и др.

Этот период знаменателен тем, что активно развиваются все роды и жанры литературы. Перенимая опыт европейских и восточных литератур, писатели пишут в жанрах элегии, романса, сонета, станса,

оды и т.д., в 70-е годы они возвращаются к краткости стиха – миниатюрам. В своих стихах поэты Д.Улзытуев, М.Самбуев, Д.Эрдынеев из Бурятии, С.Данилов, И.Гоголев, С.Тарасов из Якутии размышляют о таких проблемах, как человек и природа, поэт и поэзия, жизнь и смерть человека, зарубежные страны и континенты и т.д. В центре внимания ведущих поэтов – человек с его думами и переживаниями о себе и Вселенной. Лирический герой Л. Кокышева, к примеру, чутко улавливает движение времени, ясно видит созревание хлебных колосьев при сверкании молний, отчетливо слышит шумное возрождение трав после ночного дождя. Все эти звуковые и зримые образы непосредственно связаны с мировосприятием народа.

Аналогичные чувства вызывают произведения **тувинского** поэта А. Даржая, в поэтике которых активно функционируют сказочные, мифологические и реальные образы. Так, к примеру, в стихотворении "Сказочный вечер" лирический герой воображает, будто он летит по небу: "Волшебные краски дымятся, /нисходят ко мне, /И я, очарованный ими, /лечу в высоту/По радуге звонкой на белом крылатом коне/За свадебным даром к владыке небес Курбусту". Во многих других стихотворениях А. Даржая отмечается та же насыщенность стихотворной строфы фольклорными образами, мифологическими персонажами. В стихах Л. Кокышева и А. Даржая вырисовывается целостная картина мироздания.

"Эркемен Палкин - один из талантливых людей, которых я встречал за время моей работы в институте. Необыкновенная наблюдательность, образная мощь, широта раздумий заставляют меня считать этого совсем молодого поэта зрелым литератором" - писал в свое время поэт В. Луговской. Большим успехом пользуются лирические поэмы Э. Палкина «Амыр», «Черный огонь», «Голубое небо» и другие, в которых удачно прослежены становление личности, взаимоотношение молодых.

"Борис Укачин - повествователь, почти каждое его стихотворение, даже короткое - какая-то история, случаи из жизни, он тяготеет к жанру поэмы, некоторые свои большие стихотворения называет "маленькими поэмами" или "рассказами в стихах" - пишет переводчик И. Фоняков. По словам исследователя Г. В. Кондакова, "стихи Б. Укачина отличались гражданским пафосом, публицистичностью, свежей мыслью". Главный смысл лирики Ш. Шатинова можно определить как духовное созревание лирического героя, утверждение его харак-

тера. Важным для поэта является самовыражение, самораскрытие и, наконец, самопознание своего героя. Переводной сборник стихов Ш. Шатинова под названием «На каждой росинке звезда» издан в 2013 году. Лирический герой П. Самыка, как и герои А. Вознесенского, П. Севака, Е. Евтушенко, Р. Рождественского, Э. Межелайтиса и многих других поэтов, живет думами и мыслями, страданиями и переживаниями всего человечества.

В эти годы прочно утвердились **прозаические жанры: рассказ, повесть**. Судьба многих современных писателей совпала с военными трудностями, не случаен их интерес к теме Великой Отечественной войны. Таковы рассказы А. Адарова ("Возвращение". "Сын, погибший на войне"), повести Э. Палкина ("Жеребенок ржет", "Алан"), Б. Укачина ("Убить бы мне голод", "До смерти еще далеко"), К. Телесова ("Где та дорога?"), Д. Каинчина ("Дорогой отцов") и др. Б. Укачин опубликовал ряд прозаических произведений: "Горные духи" (1971), "Горы останутся горами" (1985) и другие, герои которых - активно мыслящие люди, жаждущие глубоких перемен в духовной и материальной жизни народа.

В публицистических статьях Э. Палкина, А. Адарова Б. Укачина, Б. Бедюрова - актуальные проблемы современности: взаимосвязь человека и природы, соблюдение обычаев и традиций народа, бережное отношение к родному языку, осознание своей родины и т.д. В прозаических произведениях Дибаша Беруковича Каинчина отмечается новый взгляд на судьбу народа. К примеру, повесть «Увидеть бы мне горы алтайские», роман «Над нами Белуха» и др. В повести "Дорога отцов" причудливо переплетаются два образа: образ коня Кер-Бее и Садака. Кер-Бее чудом возвращается с полей войны на Алтай, Садак тоже хотел бы вернуться домой, но он должен выполнить свой долг перед Отечеством. Он так и не возвратился с фронта, а его земляк Кыдыр оказался дезертиром. В эпилоге повести сын фронтовика, известный художник Бабыш Садакович, рисует философски осмысленную картину с предположительными названиями "Жизнь" или "Вечность", что олицетворяет процветание жизни наперекор войне, неистребимость человеческого рода. В литературе сибирского региона наряду с лирикой бурно развиваются эпос. Особый интерес представляют исторические романы. Писатели осмысливают жизнь своего народа на разных этапах его истории. Таковы, к примеру, романы алтайских писателей Л. Кокышева ("Арина", "Цветок степей", "Созвез-

дие Орион"), И.В.Шодоева («Трудные годы» «На заре»), якутских писателей С.Данилова, В. Яковлева-Далана, Н. Мординова и других, тувинских писателей С.Тока, О. Саган-оола, М. Кенин-Лопсана, С.Сюрюн-оола, романы-эпопеи К.-Э. Кудажи, Э. Донгак и др., посвященные исторической судьбе малочисленных этносов.

В 80-90-е годы писатели обратились к запретным темам: судьба репрессированных, новый взгляд к истории XX столетия, события древнетюркского времени и т.д. Таковы романы и повести алтайских прозаиков К.Телесова «Катунь весной»(1986), А.Адарова "Синяя птица смерти" (1993), «Сердце, опалённое огнём» (2001), «Божественный Алтай, вечная любовь», «Над нами Белуха»(1986), Увидеть бы мне горы алтайские» Д.Каинчина и другие.

В тувинской литературе появились романы-эпопеи, трилогии и тетралогии эпохального значения: «Улуг-Хем неугомонный», «Черный том», «Красный том», Серебряный том», «Золотой том» К.Кудажи, трилогия «Юрта Табунщика», состоящая их 4-х романов М. Кенин-Лопсана., «Старые стойбища», «Маралье заклинание» Э.Донгак, повесть «Яма» А. Даржая. В якутской литературе известны имена И. Гоголева (роман «Черный стерх»), В. Яковлева-Далана («Тыгын Дархан») и др. Особый интерес представляют повести «Незримый всадник»(1992-1993) А. Халларова, «Синий потоп. Где ты, мать-река» (2014) хакасского писателя С. Карачакова, «Владыки»(1984) тувинского прозаика В. Бузыкаева.

Роман "Синяя птица смерти" написан в А. Адаровым в 1988-1990-е годы и опубликован в 1993 году. Основой произведения послужили, во-первых, архивные и исторические материалы, появившиеся в годы перестройки, во-вторых, ощущение собственной свободы творчества и, в-третьих, опыт перевода на алтайский язык романов и повестей инонациональных писателей.

В романе показана правдивая картина века, страдание целого народа. Действия разворачиваются на протяжении двух лет, однако, изображенные в них события охватывают не только человеческий возраст, но и века и времена. Особенно убедительно показаны годы репрессии. Представители "органов" арестовывали людей без обоснованных причин. Причем, брали по несколько десятков человек из каждой деревни, района. Им приписывали обвинения не столько политические, сколько бытовые: сплетни, доносы. Кто-то не так высказался о начальнике, а кто-то сводил личные счета и т. д. Обвиняли как

"врага народа", "японского шпиона", "националиста". Самое страшное то, что арестованных избивали, изуродовали до тех пор, пока они не подпишут сфабрикованный документ.

Люди не сопротивлялись при аресте: считали случайной ошибкой; надеялись, что скоро их оправдают и выпустят из тюрьмы. Однако, "система" делала свое, исполнители были безразличны к судьбе арестованных. Им необходимо было выполнить план "засады" или "расстрела". Так пропадали самые доверчивые, честные, совестливые лидеры народа. К их числу относится и бывший работник обкома, арестованный в 1936 году Эрел Миронович Яприн, главный герой романа. Нельзя сказать, что он - случайный человек: полиглот, музыкант, художник, а в настоящее время работает печником.

Действия происходят на стоянке Чанкырлу, где поселился в последние годы Эрел Яприн. Это уже середина 80-х годов XX века. Герой романа постарел настолько, что осознанно готовится к своей смерти. Однако его беспокоят воспоминания прошлого. В памяти Эрела Яприна все перепуталось: и прошлое, и настоящее. Особенно не дают покоя годы массовой репрессии. 15 лет он просидел в тюрьмах Красноярска, Колымы, Магадана. Все видел своими глазами.

Композиционно автор не ограничивается во времени и пространстве: от показа прошлых событий легко переходит к сегодняшнему, реальное переплетается с ирреальным, как сон и явь. Герой разговаривает с самим собой, иногда души умерших людей участвуют в диалоге как реальные собеседники. Произведение написано в жанре исторического романа, доказательством чему служат исторические события и факты жизни, использование документальных материалов, а также упоминание конкретных лиц. Помимо главного героя действуют видные общественные деятели, известные писатели Горного Алтая. Удачно передано переплетение судеб героев, встречи и расставания друзей, потери и обретения "врагов народа" в годы сталинской репрессии.

Характеры героев изображены полно, выпукло. Судьба каждого из героев - законченная картина. В целом в романе показано испытание человека на прочность. Жизнь человека измеряется продолжительностью века. Точнее, в романе изображена судьба не одного человека, а целого народа.

В прозаических произведениях Дибаша Беруковича Каинчина (1938-2012) отмечается новый взгляд на судьбу народа. К примеру, в

повести «Увидеть бы мне горы алтайские» Мызыл с тремя малыми детьми возвращается домой на Алтай из ссылки через бескрайние казахстанские степи. Эта неграмотная женщина выдержала непосильные лишения и трудности, но не потеряла веру в жизнь, надежду на возвращение на родину, любовь к Алтаю. В самые трудные минуты жизни (а возвращалась она на родину, домой пешком и неизвестно, сколько времени) Мызыл в отчаянии обращалась к Алтай-кудаю (божеству — Н. К.) и по пути шептала одно и то же: пусть глазам моим покажутся родные алтайские горы! Такие же слова она заставляла твердить своим детям, не ведавшим родины предков.

Подобная участь выпала казахской семье, приютившей ненадолго бездомных "изгнанников". Бездетная семья (их сын тоже погиб на войне) уговорила было оставить у себя младшего ребенка Мызыл, взамен отдав им лошадь для благополучного возвращения домой. Однако Мызыл, непримирившаяся с отлучением собственного ребенка, отказалась от доброй услуги. Повесть обрывается неожиданно, а из эпилога читатель узнает, что в день похорон Мызыл на Алтае рядом с могилой стоят ее повзрослевшие дети и внуки. Такова судьба многострадальной, но терпеливой и стойкой алтайской женщины, на долю которой выпали несправедливости репрессии.

В повести «Яма» А. Даржая, что удивительно, изображена судьба отрицательного героя по имени Боражык. В свое время он принимал участие в расстреле репрессированных, точнее, выполнял приказ вышестоящих чиновников. Всю жизнь мучился тем, что он подписал бумагу о неразглашении данной информации. Повесть построена на переживаниях главного героя, даже во сне ему снятся кошмары. «Больше пятидесяти лет Боражык хранил в себе секрет ямы... Он про себя не на шутку опасался, что за прошлые деяния его призовут к ответу, привлекут к уголовной ответственности. Припомнят, как Боражык с пристрастием допрашивал людей и сажал их в тюрьму». И, наконец, сын одного из заключенных заставил его заговорить. В ушах Боражык звучали слова Конгар-оола: «Прошу вас под старость лет, когда смерть дышит вам в затылок, сделайте хотя бы одно доброе, благое дело!». И он показал место захоронения репрессированных.

Подобно **тувинскому** писателю Э.Донгак, обратившемуся к морально-этическим проблемам современности, в рассказе "Дочь тайги черневой" Д. Каинчина изображена судьба алтайской женщины, вытесненной леспромхозом из среды естественного обитания. Пред-

приниматели не только выкорчевывали вечнозеленые кедры, вывезли ценную пушнину, но и довели село до полного исчезновения с лица земли. Население, не определившись чем заняться, в поисках работы подалось в чужую, непривычную им среду — город, а многие вовсе спились беспробудно. Среди тех, кому удалось выжить, оказалась Моронот. Она потеряла все: и односельчан, и родственников, и даже единственную дочь, которая уехала на Камчатку и ни разу не провела мать. Сумеет ли спасти она свою душу? Ведь осталась у нее родная песня, человеческая совесть, с которой она уйдет в иной мир. Таков художественный мир прозаика Д. Каинчина.

Таким образом, прозаиков Сибири интересуют не только историческое прошлое народа, но и современные проблемы, в частности, взаимоотношение человека и природы, связь поколений, вечные вопросы жизни и смерти и т.д. По мотивам прозаических произведений ставятся спектакли на сцене национального драмтеатра: «Месяц малой жары», Б. Укачина, "Голова жеребца» Д. Каинчина, "Странный человек" А. Адарова. Наряду с другими драматургами писатели сибирского региона активно принимают участие в обновлении репертуара национального драматического театра. А.Адаровым написаны пьесы "Странный человек" (1983), "Женитьба Абайыма" (1986), "Месть" (1992) и трагедию "Письмо, посланное из каганата» (2000). Тем не менее, **алтайская драматургия** пока не получила своего развития. С большим успехом пользуются переводные произведения, такие, как трагедия "В ночь лунного затмения" М. Карима в переводе Ш. Шатинова, "Материнское поле" Ч. Айтматова в переводе Т. Торбокова, «Медвежий лог» М. Кильчичакова, "Изобретательная влюбленная" Лопе де Вега в переводах П.Самыка, "Отелло" В. Шекспира в переводе Ш. Шатинова и др. В других республиках, наоборот, наблюдается расцвет драматургии. Особый интерес представляют пьесы М.Е. Кильчичакова, В.Г. Шулбаевой, Г.В. Казачиновой в Хакасии; И.Гоголева, И.Семенова, И.Алексеева в Якутии; О.Саган-оола, С.Сарыг-оола, Ч.Ондар в Туве. В Бурятии, Туве, Хакасии, Якутии по произведениям национальных авторов ставятся спектакли, написаны интересные киносценарии, кинофильмы.

Современная литература народов Алтая и Сибири охватывает 90-е годы XX столетия и начало XXI века. В эти годы в каждой из названных республик появились новые имена, свежие произведения, достойные подробного анализа. Новое поколение остро ставит

вопросы эпохального значения: что происходит с человеком в сегодняшнем не всегда справедливом мире? Сохранится ли Сибирь в первоначальном виде? В поэзии важное место занимает тема экологии, историко-философское размышления о судьбе родного языка, истоках национальной культуры малочисленных этносов. В Хакасии известны имена Г. Кичеева, Ф. Тохтобина, двуязычного С. Тома, а также русскоязычных поэтов Н. Ахпашевой, А. Кыштымова, в Якутии – В. Потаповой, Н. Харламповеой, в Туве - Черлиг оол Куулар, М. Ховалыг, С. Комбу, Е. Танова и др.

В алтайскую литературу пришли довольно зрелые, с большим жизненным опытом поэты (А. Самунов, К. Кергиллов, В. Кертешев, А. Тадинов) и прозаики (С. Адлыков, В. Бахмутов, Р. Тодошев и др.), кому небезразличны судьба человека и малой родины. Они, по существу, поднимают в своих произведениях наиболее острые вопросы, о которых невозможно молчать. А именно: экология и этика, этнос и его язык, традиции, судьба человека и малой родины, вопросы войны и мира в современных условиях и т.д.

Традиционно начинающие поэты воспевают природу Алтая. У Виктора Кертешева, к примеру, это не любование красотой земли, а осознание им древности и вечности Алтая. Поэтому ряд произведений посвящен наскальным рисункам, каменным изваяниям, которые разрушаются на глазах незадачливых туристов. Лирический герой В. Кертешева обеспокоен памятниками старины, оставленными нам предками в стихотворениях «Калбак Таш», «Моя молитва и др. В лирическом герое противопоставлены два чувства: гордость и разочарование. Второе оттого, что новое поколение недооценивает древнее искусство предков. Причем, одни зарабатывают на этом деньги, другие пытаются спасти древние письмены. Потому автор заканчивает свое стихотворение публицистическими строками: «Дух Калбак Таша, ты в беде! /Твои полотна могут сгинуть под скалой./И не успеть узреть, понять, и так везде, /Где «заколачивают бабки» и «хрустят деньгой». Это, по сути, своего рода крик души современника.

Поэт видит мир, как бы со стороны, глазами постороннего человека. Поэтому ему больно за «грехи» своего поколения, которое «не знает толком родного языка» и не соблюдает обычаи и традиции предков. Лирический герой обращается «молитвой к святым небесам,/ К душам живым, и усопшим мощам: «Помоги в беде! Не оставьте в нужде/ Алтай мой жемчужный и Катунь в бирюзе!» (стихотворение «Моя молитва»).

Первое, что удивило в стихах Виктора Кертешева - начитанность, эрудиция молодого автора. Не случайно, он, отлично владея родным – алтайским языком, начал творить по-русски. Во-вторых, его своеобразное мышление и образное видение, а также необычное стихосложение. Можно встретить двусложный, трех- или четырехсложный, а нередко и вольный стих. В-третьих, у В.Кертешева свой слог, свой ритм, свой стиль, давно отработанный, но не подражательный. В-четвертых, четко определена тематика стихотворений.

Анчи Самунов, оказавшись в родной языковой среде, он оттачивает свой стих, соизмеряя начальную и конечную рифму. Об этом свидетельствует его очередной сборник стихов, названный автором как «Наследство мудрого ойрота» (2006). А. Самунову, как профессиональному поэту, характерно, прежде всего, осознание исторического пути алтайского народа, глубокое знание им его обычаев и традиций («Уч-Курбустан», «Сила древних камней», «Я – ойрот»). В его стихах четко прослеживается преемственность поколений («Мой дед», «Я – сын твой», «Моему народу»). В нем самом легко уживаются история и современность.

Алексей Тадинов – автор трех поэтических сборников: «Монолог горного ветра»(2001), «Песнь синего волка» (2009) и «Танго падающей воды» (2010). Его имя часто упоминается в прессе, о нем заговорила современная молодежь. Достаточно назвать полюбившиеся многим стихотворения «Песнь Синего Волка», «Пьяная женщина», «Притча про картошку, про Антошку и еще кое о чем немножко» в авторском исполнении и музыкальном оформлении. Поэтически сильно, если можно выразиться, «надрывно» написано второе выше-названное стихотворение. Поэт негодует тому, что женщину - «незнакомку», «мадонну», «невесту», а в совокупности просто человека довели до такого отчаянного состояния. А реальность жизни, судьба этой пьяной женщины такова:

Муж в тайге из-под снега встанет...
Дочь счастливую долю найдет...
Сын, оставшийся в Афганистане,
Не во сне, наяву придет...

В заключение поэт открыто обращается к чиновникам («власть держащим»), точнее, просто мужчинам: «Эй, начальнички!/ Политиканы! /Джентльмены и мужики!/ Нашей сильности грош в стакане,/ Коль так женщину довели!».

В шуточной форме написаны стихотворения: «Дело было вечером», «Во что верим?» и другие. Вся наша сегодняшняя жизнь запечатлена в детских рассуждениях о «занятости своих родителей, о приобретенных ими «профессиях». А в целом – это печальная история нашего общества, картина ныне существующей действительности. Однако есть в человеке вера в светлое начало, которое спасает его от всех бед и несчастий (стихотворения «Верю женщине моей», «Как ни было горестно» и др.). Лирический герой А. Тадинова «умоляет» современников проснуться ото сна (стихотворения «Пожар успокоет, быть может, дожди», «Люди, спасите меня!» и др.). Глубоко личными, а потому лирическими являются стихотворения «У могилы матери», «Отчий дом», «Художник» и др.

В лирике сибирского региона раньше не было проблемы по отношению к языку творения. Все начинающие поэты писали на родном языке. Нынче время выдает нам свои сюрпризы. Причем одни возвращаются к истокам; другие, оказавшись во вне языковой среды, сочиняют на приобретенном ему языке – русском; третьи же, отлично владея родным языком, свободно творят на русском, точнее, пишут стихи на чужом ему языке. Не стоит придирается к тому, какими средствами выражаются знакомые и незнакомые нам поэты. Важно то, что они хотят быть услышанными.

Рустам Тодошев дебютировал сборником рассказов «Пока луна не состарилась» (2008). Сразу оговоримся, книга написана на русском языке. Автор, отлично владея несколькими языками, творит на русском языке. Рассказ «Пока луна не состарилась» написан на основе исторического, этнографического материала. В действительности, в годы советской власти были случаи массового сжигания камов-шаманов. Души некоторых улетучились в небеса, необычный дар других передался по наследству. Этот этнографический материал послужил сюжетом к рассказу. Насколько правдоподобно «перетекание сущности» одного человека в другого судить трудно. Однако камы-шаманы существуют по сегодняшний день. И если возможно такое, то перенимают дар шаманства особо одаренные люди, а не случайные «шариковы», такие как главный герой этого рассказа по имени Сем. Неслучайно, в конце рассказа он выкрикивает фразу: «Я - Эрлик», что означает подземное существо, а не Великий Кам.

Композиционно рассказ начинается с испытания студентов, которые пытаются удачно сдать семестровые экзамены. У одного из

них проявился дар ясновидения. Он хочет передать его своему другу за то время, пока не состарилась луна. У алтайцев есть поверье о том, что все начинания совершается в новолуние. Вот и герой рассказа Р.Тодошева хочет успеть осуществить «передачу» своего дара именно в новолуние. В целом в рассказах Р. Тодошева запечатлен портрет молодого поколения XXI века.

Вышеупомянутые авторы в своих произведениях пересматривают традиционные взаимоотношения природы и человека, личности и общества, власти и народа. Происходит новое осмысление национальных традиций.

В прозе Сергея Адлыкова затронута проблема войны и мира в современном мире. В его рассказах «Реквием по невинным», «Белая кобра» прослеживается судьба призывников, по воле службы оказавшихся на чужбине – в Афганистане. Прежде всего, поражает необычный стиль автора, нетрадиционная подача материала, сочетание жуткого натурализма и художественного изображения действительности. Неслучайно, подзаголовок рассказа «Реквием по невинным» назван автором «документальным». Здесь запечатлены реальные события, увиденные глазами самого художника. Приведем лишь тезисно отдельные отрывки из рассказа: «Голову Канату (имя главного героя рассказа – Н.К.) духи отрезали прямо на мосту. По всей видимости, они подошли со стороны заброшенных огромных глиняных печей для обжига кирпича, перешли через неглубокий ров, по дну которого медленно текла замусоренная, вонючая вода арыка, и затаились в камышах, наблюдая за постом» и т.д.

«...Теперь стриженная голова Каната была водружена на железной, покрытый ржавчиной столб, поддерживающий колючую проволоку, Полуприкрытые узкие глаза смотрели на мир отстраненно и безучастно». Жуткая, в то же время суровая картина армейского мира. А далее разворачиваются пояснения автора: «Убитый на посту Канат Кайсенов был вторым погибшим в нашем батальоне за последние сутки». Первого звали Игорем. Тело их лежало рядом. Автор задается вопросом: о чем они могли переговариваться? «Один, окончивший два курса Саратовского университета, эрудит и остроумник, а второй, с трудом досидевший в интернате до восьмого класса, и всю жизнь проведенный с отцом в горах, молчун и еле-еле говоривший по-русски – говорили друг другу их измученные, истерзанные души? Разделенные тысячами километров, они встретились здесь, в чужой стране и теперь лежат рядом. Они будут всегда вместе. Скоро в Саратове обе-

зумевшая мать Игоря будет бросаться на его могилу, а в Киргизской степи седой старик сам будет читать Коран над телом сына». Эти строки не требуют комментария[6].

Новейшая драматургия представлена именами якутских драматургов В.Васильева-Харысхала, Н. Лугинова, А. Борисова, тувинских - Э. Мижит, Ондар Чылгычы, хакасских – Г.Казачинова, К.Чако, М.Оола (Ю.Топоева), алтайских - Д. Белекова, Н. Паштакова и других. В основном они обращаются к исторической теме. Особый интерес представляют философские размышления героев.

Таким образом, в современной литературе Сибири четко прослеживаются основные тенденции развития лирики, прозы, драмы, для которых характерны необычная тематика и проблематика. Новые авторы продолжают художественные традиции своих предшественников на качественно новом витке развития, в своих произведениях смело ставят проблемы экологии и этики, этноса и его традиций, суицида молодого поколения, вопросы войны и мира в современных условиях и т.д. В целом литература народов Алтая и Сибири заметно отличается жанровым разнообразием, актуальностью тем и проблематики. В настоящее время в жанре романа активно сочиняют якутские и тувинские писатели, драматургия хорошо развита в Хакасии и Туве. К сожалению, произведения национальных писателей существуют в оригинале. Проблемой остается взаимоперевод современной литературы региона.

Список литературы к 1 разделу

1. Гусейнов Ч.Г. Формы общности советской многонациональной литературы. – М.: Мысль,1978; Бикмухаметов Р.Г. Орбиты взаимодействия.- М.:Наука,1983; Стеблева И.Я. Изучение тюркских литератур России. XX век.- М.:Восточная литература,1998

2. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи.- СПб,1866; Горно-Алтайск,2006

3. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония.- СПб.,1892.-С.182

4. Невский М (Макарий Бийский) Православный Благовестник.- М., 1902, т.1,№7.- С.296

5. Васильев Ю.И-Дьяргыстай. Автор первого памятника якутской художественной литературы // Тобуроков Н.В., Васильев Ю.И.-Дьяргыстай. О жизни и деятельности Афанасия Уваровского Статьи. Якутск.- С.62-71

6. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб., 1890

7. Мыреева А.Н. Многонациональный роман 1960-1980-х годов. Типологические аспекты.- Новосибирск: Наука,1997.-159с.

8. Майнагашева Н.С. Хакасская литература//Литературы народов России. XX век. - М.:Наука,2005.-С.310-317

9. Самдан З.Б. Развитие тувинского литературоведения //Тезисы научной конференции, посвященной 50-летию ТНИИЯЛ-Кызыл,1995; Куулар Д.С. Современное состояние тувинского литературоведения // Куулар Д.С. История и современность. - Кызыл, 2002, с. 116-120; Билюкина А.Якутское литературоведение // Развитие гуманитарного исследования в Якутии.- Новосибирск, 1981; Дьячковская М.Н., Романова Л.Н. Художественное наследие XX века в литературоведческой науке: опыт ретроспекции. // Якутия в российском научном пространстве XX - начале XXI вв.: гуманитарные исследования. - Якутск, 2005, с.181-208; Киндикова Н.М. Алтайская литература в новом прочтении (на алт языке). - Горно-Алтайск,1998, с.183-194; Ее же. Алтайская литература в контексте тюркоязычных литератур Сибири. – Горно-Алтайск, 2001; Киндикова Н.М. Алтайская литература: проблемы и суждения.- Горно-Алтайск: ГУ Книжное изд-во «Юч-Сюмер-Белуха» Республики Алтай, 2008, с.166-176

10. Кулаковская Л.Р.Научная биография А.Е.Кулаковского. Личность поэта и его время.- Новосибирск: Наука, 2008

Список литературы ко 2 разделу:

1. Тобуроков Н.Н. История якутской литературы. - Якутск,1993.- С.13-40

2. Стеблева И.В.Древняя поэзия// Поэзия древних тюрков У1-Х11 веков.-М.: Раритет, 1993.- С8-10

3. Самдан З.Б. Самдан З.Б. Наследие А.К. Калзан и проблема переосмысления истоков тувинской литературы в новой «Истории тувинской литературы»//Журнал тувинских писателей. - Кызыл: редакция ж. «Улуг-Хем»,2010,№3(59) 134, май-июнь. – С.108-115.

4. Цит.: по кн.: Эдоков В.И. Возвращение мастера. – Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 1994.-238с.

5. Литературы народов России. XX век.- М.: Наука,2005.- 365с.

6. Киндикова Н.М. Типологическое исследование тюркских литератур.- Саарбрюккен: Lambert (Германия), 2013. - 197с.

2. Проблема периодизации литератур Сибири

Вопросы периодизации в алтайском литературоведении

Вопрос о периодизации тюркоязычных литератур Сибири до 90-х годов XX столетия специально не рассматривался. В литературоведении этого региона он разрабатывался по мере необходимости. При этом зарождение многих литератур принято было начинать с установления Советской власти в республиках. Отсюда в отечественном литературоведении сформировались традиционные понятия - «дореволюционный» и «послереволюционный» периоды в развитии литератур Сибири.

В 80-е годы XX столетия многие литературоведы начали отодвигать границы зарождения национальных литератур еще на одну ступеньку назад, точнее, вглубь истории, традиционно обозначив ее «дореволюционным периодом» и очень робко, как бы мимоходом, упоминая при этом о своих древних истоках. Исследователей стали интересоваться, прежде всего, этно-генетические корни тюркоязычных литератур. Так незаметно расширились рамки исследования литератур не только сибирского региона, но и других тюркских литератур России.

В 90-е годы XX века литературоведы Сибирского региона одновременно заговорили о пересмотре традиционной периодизации тюркоязычных литератур. Предлагались разные варианты, в которых рассматривались роль фольклора в зарождении собственно национальной литературы, влияние других, более развитых литератур на формирование тюркских литератур и т.д. Однако до сих пор данная проблема находится в стадии решения, единые критерии периодизации не были еще выработаны.

Как известно, начало периодизации тюркских литератур Сибири предложено тюркологом Н.А. Баскаковым в его монографии «Алтайский фольклор и литература» (1948). Он впервые предлагал начать изучение истории тюркских литератур с древнетюркских памятников [1, с.3]. Этой же мысли придерживались исследователи С.С. Суразаков (1962), И.В. Стеблева (1965), Р.Ф. Юсуфов (1996) и др. [2,3] В полемике с тюркологом И. Стеблевой профессор С. Суразаков отстаивал народную основу письменных памятников древних тюрков. Первоначально И.Стеблева полагала, что на поэзию тюрков оказала влияние письменная поэзия Китая, Ирана и даже Византии. Сопос-

тавляя стиль героического эпоса и письменных памятников, С. Суразаков убедительно доказал, что «стиль орхонских памятников сближает его именно с народной поэзией, в частности, с героическим эпосом, который, конечно, не испытал влияния письменной поэзии Китая, Ирана и Византии»[4, с.86]. В статье «Сходные черты стиля в орхонских надписях и эпосе тюркоязычных народов» (1975) исследователь особо подчеркивал существование письменных памятников наряду с эпосом. Он писал: «...в орхонский период тюрки Алтая уже имели свой сложившийся богатый эпос и он оказал влияние на стиль письменных памятников, во-вторых, дошедший до нас эпос племен Алтая имеет генетическую связь с эпосом древних тюрков Алтая, о чем свидетельствует сохранение до наших дней того же эпического стиля, влияние которого мы обнаруживаем в орхонских памятниках»...[5]. Далее он отмечал, что «...единым стилевым источником для памятников и эпоса стала высокая, торжественно приподнятая патетическая речь, которая сложилась еще в глубокой древности и которая существовала до последнего времени»[5, с.150-160]. Все эти мысли автора в свое время не получили дальнейшего развития в алтайском литературоведении.

И только в 90-е годы удалось вернуться к этой проблеме в алтайском литературоведении. В частности, один из крупных специалистов по литературе народов России Р.Ф. Юсуфов в книге «Историко-софия и литературный процесс: средние века и новое время» (1996) упомянул о периодизации алтайской литературы дореволюционного периода. При этом он четко выделил три периода в истории алтайской культуры и письменности: 1) древнетюркский, отраженный в памятниках енисейской письменности; 2) монгольский период, зафиксированный в монгольско-ойротских текстах; 3) алтайская письменность, созданная на основе христианского мировоззрения и русской графики [6, с.278]. Все это легло в основу новейшей периодизации алтайской литературы. Древнетюркский период достаточно изучен в отечественном литературоведении с 90-х годов XX столетия. В одном из последних монографических исследований И.В.Стеблева предлагает поэтапно рассмотреть этот период в контексте эволюции тюркских поэтических форм с УШ-XX вв.. Исходя из этого данный период подразделяется на древнетюркский (УШ-Х вв); раннеклассический (IX); период рассвета классической тюркоязычной поэзии (ХУ-ХУI) и современный этап (вторая половина XX в.) [3]. Мы бу-

дем придерживаться данной периодизации, однако применительно к конкретной национальной литературе отмечаются некоторые расхождения, в особенности относительно к поэзии XX века.

Монгольскую эпоху Н.А. Баскаков подразделял на ранний (XIII-XV вв.) и более поздние периоды (Ойратского союза и Джунгарского ханства XV-XVIII вв.) [1, с.4-5]. В последующие века (с XVI по XIX вв.) из общетюркской литературы зарождаются новые литературы: татарская, башкирская, казахская и другие, в том числе литературы сибирского региона. Их становление непосредственно связано с формированием национального самосознания тюркоязычных народов России. В этом смысле бесценными являются труды башкирского академика Г.Б.Хусаинова, которому исполнилось 85 лет. В них он предлагал ввести в научный оборот термин «общетюркский» применительно ко всем тюркским литературам. Исследователь писал: «говоря о культуре и литературе этого периода, когда тюркские племена еще не выделились в самостоятельные объединения, можно вести лишь об общетюркских литературных памятниках» [7, с.4].

Так, в алтайском литературоведении вопрос о периодизации впервые был поставлен тюркологом Н.А. Баскаковым, его мысли продолжил профессор С.С. Суразаков в книге «Алтайская литература» (1962), написанной на алтайском языке.

Затем к вопросу о периодизации алтайской литературы обратился литературовед С.М. Каташев. В его статье «О некоторых проблемах алтайского литературоведения» восполнены недостающие звенья периодизации алтайской литературы [9]. В частности, он предлагал вторую половину начинать не с 50-х годов XX столетия, а с 60-х годов, так как именно в эти годы повысился художественный уровень алтайской литературы, создана писательская организация на Алтае (1958), появились достаточно зрелые художественные произведения, в том числе первый алтайский роман. К их числу следует отнести произведения Л. Кокышева, А. Адарова, Э. Палкина и многих других. Отличительной особенностью литературы этих лет, по мнению С. Каташева, является изображение судьбы алтайского народа в историческом пространстве, психологический показ характеров героев. Об этом свидетельствуют рассказы, повести алтайских писателей Б. Укачина, К. Телесова, Д. Каинчина и др.

Продолжая мысли упомянутых выше исследователей, литературу XX века следует отнести к четвертому периоду. Однако в виду того,

что это столетие насыщено историко-культурными событиями, в нем можно обозначить ряд этапов: 1) литература 20-30-х годов; 2) 40-50-х годов; 3) 60-80-х годов. В связи с тем, что художественный уровень литературы военных лет с высоты сегодняшнего видения и осмысления особо не отличается от 20-30-х годов, то литературу XX века мы подразделяем на две половины: первая, которая охватывает 20-50-е годы и вторая (60-80-е годы).

Литературу 90-х годов по сегодняшний день целесообразно определить «новейшей литературой», что соответствует переосмыслению исторического прошлого и переоценке литературных ценностей в годы перестройки с включением литературы начала XXI века. В монографиях автора данной статьи неоднократно ставилась проблема периодизации тюркских литератур, в частности, о периодизации алтайской литературы [8].

В целом в рамках этой периодизации легко прослеживаются единство литературного процесса и постоянное взаимодействие национальных литератур. При этом учитываются историко-типологические аналогии литературного развития, с одной стороны, и, с другой - отмечается взаимодействие не только тюркоязычных, но и монголоязычных и европейских литератур, в частности, с русской.

В настоящее время в связи с переоценкой новых литературных явлений и заполнением белых пятен в истории алтайской литературы встала необходимость рассмотрения этого вопроса в контексте развития тюркоязычных литератур Сибири. Эта задача решается автором этих строк и в многочисленных статьях имеются попытки уточнения рамок новой периодизации [10].

В последние годы коллективом ученых и преподавателей созданы две «Истории алтайской литературы» (2004, 2008) [11]. В первой - древнетюркский период лишь упомянут, во второй раскрыт более подробно, однако вторая работа написана на родном языке и недоступна для широкого читателя. Тем не менее, проблема периодизации в алтайском литературоведении ныне считается решенной.

В настоящее время, в истории алтайской литературы четко выделяется четыре основных периода: 1) древнетюркский; 2) тюрко-монгольский; 3) литература второй половины XIX-начала XX века; 4) литература XX-XXI веков. Вторым период первоначально был назван монголо-ойратским, в последующие годы внесены коррективы в связи с тем, что письменность оставалась тюркской, хотя просвещенные алтайцы писали на языке «тодо». Помимо этого в «Сокровенном

сказании монголов» имеются сведения не только о монгольских, но и тюркских племенах. Третий период охватывает литературное творчество М.В. Чевалкова, И.М. Штыгашева, Г.И. Чорос-Гуркина, М.В. Мундус-Эдокова. Имена некоторых из них включены в историю алтайской литературы только в 90-е годы XX века, полнее раскрыты в книге «Судьба и литературное наследие репрессированных: взгляд из XXI века» (2010).

Литература второй половины XX столетия пересматривается с точки зрения жанрового и художественного своеобразия, богатства языка и стиля. Наряду с исследованием творчества отдельных писателей прослеживается специфика алтайского литературного процесса на современном этапе, поскольку изучение новейшей литературы невозможно без учета богатого опыта восточной и европейской литературы через переводы их на русский и алтайский языки. Возможно, литература XXI века в дальнейшем выделится в отдельный период.

Таким образом, у каждой литературы есть свои корни, традиции и связи с другими литературами, рассмотрение которых приведет к интересным результатам. Нам представляется наиболее плодотворным историко-типологическое исследование алтайской литературы в контексте тюркских литератур России.

Литература.

1. Баскаков Н.А. Алтайский фольклор и литература. – Горно-Алтайск, 1948.-24с.
2. Суразаков С.С. Алтайская литература.- Горно-Алтайск, 1962
3. Стеблева И.В. Поэзия тюрков У1-УШ вв.- М.: «Наука», 1965: Стеблева И.В. Тюркская поэтика: этапы развития: УШ-XX вв.- М.: Восточная литература, 2012.-200с.
4. Суразаков С.С. Алтайский героический эпос.- М.: «Наука», 1985
5. Суразаков С.С. Сходные черты стиля в орхонских надписях и эпосе тюркоязычных народов// Типология народного эпоса. - М.: «Наука», 1975.-С. 250-260
6. Юсуфов Р.Ф. Историсофия и литературный процесс: средние века и новое время.- М.: «Наследие», 1996.- 300с.
7. Хусаинов Г.Б. Истоки и традиции.//Хусаинов Г.Б. Литература и наук. Избранные труды.- Уфа: «Гилем», 1998.-С.351-369
8. Киндикова Н.М. К вопросу о периодизации тюркоязычных литератур Сибири.// Актуальные проблемы сохранения и развития языков, культур и истории народов Саяно-Алтая. – Абакан, 2001.- С.125-128

9. Каташев С.М. О некоторых проблемах алтайского литературоведения в свете современных требований науки о литературе. // Каташев С.М. Вопросы алтайского литературоведения и фольклористики (Из научного наследия С.М. Каташева.- Горно-Алтайск: «Юч-Сумер-Белуха», 2009.- С.103-110

10. Киндикова Н.М. Алтайская литература в контексте тюркских литератур Сибири.- Горно-Алтайск, 2001.- 203с.

11. История алтайской литературы.- Горно-Алтайск: «Юч-Сумер-Белуха», 2004.- 400с.; Алтай литературанын түүжизи. (История алтайской литературы на алтайском языке) - Горно-Алтайск, 2005.- 467с.

Периодизации тувинской литературы: историография вопроса

Как известно, до 90-х годов историки тувинского литературоведения придерживались традиционной периодизации, о чем свидетельствует содержание очерков истории тувинской литературы, изданные на родном языке (1953, 1964, 1975) [1]. В них история тувинской литературы подразделялась на два этапа: 1) от октябрьской революции до 30-х годов называлась «внутриутробным» развитием литературы и 2) развитие тувинской литературы с 30-х годов.

В коллективном труде «История тувинской советской литературы» (1975) авторы попытались восполнить историю развития тувинской литературы новыми именами писателей. Помимо основоположника тувинской литературы С. Тока, С. Пюрбю, С. Сарыг-Оола, Б. Ховенмея, В. Кок-оола и других в специальном разделе раскрыто творчество Ю.Кунзегеш и последующих писателей[2].

Вопрос о новой периодизации в тувинском литературоведении впервые поставлен Г.О. Туденовым. В 80-е годы он попытался внести некоторые изменения в периодизацию истории тувинской литературы, заговорив о существовании литературы дооктябрьского периода, которая функционировала на старомонгольском языке. Он писал: «Все дореволюционные тувинские памятники на старописьменном монгольском языке носят отчетливые признаки средневековой синкретичности. ...

С литературоведческой стороны наибольший интерес представляют, исторические хроники и летописи, официальная и частная переписка, содержащие явные признаки литературных произведений: сюжетность, единый образ автора, эмоциональность и словесная красивость» [3,с.259].

В 90-е годы тувинские литературоведы, традиционно связывая исторический путь тувинской литературы с фольклора, все же задумались о новой периодизации. Так, в статьях литературоведов Д.С.Куулар, З.Б. Самдан, У.А. Донгак, Л.С. Мижит, М.С. Маадыр и других ставятся методологические проблемы исследования тувинской литературы.

По словам З.Б. Самдан, к примеру, в целях выработки новой методологии в изучении истории национальных литератур народов Сибири в Туве были проведены две научно-практические конференции по литературоведению – в 1992, 2005 гг. . .

Общий пафос выступлений участников сводился к тому, чтобы в изучении духовной культуры и литературы в частности, отказаться от односторонних евроцентрических подходов и агрессивного антропоцентризма, обратиться к евроазиатскому синтезу, к восточным нравственным принципам и к космоцентристским методам исследования»[4, с.112]. Это было смелым открытием для литературоведения XXI века.

При этом З. Самдан опиралась на теоретико-методологические разработки историка литературы Р.Ф. Юсуфова о том, что «сложение любой литературной общности своими корнями уходит вглубь истории народов, такая литературная общность вызревает в недрах историко-культурной общности того или иного региона». Относительно новой периодизации он писал: «назрела потребность глубокого осмысления истории литературы в культурно-философском контексте отечественной и всемирной истории». Исходя из вышесказанного, З.Самдан четко определила особенность тувинской литературы в отличие от других тюркских литератур Сибири. По ее мнению, «тувинская литература – это «тюркоязычная литература Южной Сибири, не испытывавшая арабо-персидского влияния, а испытывавшая влияние монголоязычных литератур, развивающаяся в контексте шаманско-буддийского религиозного синкретизма и устоявшихся устно-поэтических традиций» [4, с.113]. Вот из чего необходимо было отталкиваться литературоведам не только тувинской литературы.

Исследователь акцентирует свое внимание на роли религиозно-мифологических воззрений в развитии самобытной литературы тувинцев или роли памятников древнетюркской и старомонгольской письменности в расширенном и углубленном изучении истоков литературы [4, с.115]. В качестве основной концепции в исследовании ис-

тории литератур она правомерно выбирает преемственность, непрерывность и устойчивость устного поэтического творчества народа.

В статье «Древнеенисейские эпитафии и лирическая поэзия тувинцев» (1992) У.А. Донгак впервые рассматривает взаимосвязи современной тувинской литературы с древней поэзией тюрков [5]. Тем самым исследователь смело заявила о существовании древнетюркского периода в истории развития тувинской литературы. Конечно, здесь большую роль сыграли и исследования лингвистов-рунологов. Вслед за ней Л.С. Мижит в своих статьях выявляет древние истоки тувинских лирических миниатюр [6].

Относительно древней поэзии тюрков З.Б. Самдан пишет: «Если раньше зарождение древнетюркской литературы исчислялось с XI в., со времени издания знаменитых «Кудагту билиг» Юсуфа Баласагунского и «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашкарского, то с выходом «Поэзии древних тюрков» время отсчета древнетюркской литературы отодвигается на 300 лет раньше. Это говорит о том, что тюрки имели литературу 1200 лет назад.

Надписи в честь Куль-тегина были написаны на 300 лет раньше «Слово о полку Игореве», на 400 лет раньше «Сокровенного сказания монголов» (1240). Поэтические переложения этих надписей должны стать настольной книгой каждого учителя и школьника, стать таким же сокровищем мировой литературы и культуры, как вышеназванные произведения» [7, с.50]. С одной стороны, это высокая оценка исследователем роли и значения древней поэзии, с другой – осознание существования ее в истории литератур тюркских народов, в том числе у тувинцев. Помимо прочего, заметим, именно Хакасия и Тува имеет достаточное сосредоточие каменных надписей древнетюркского периода по сравнению с Алтаем.

А в XXI веке тувинцы провели очередную конференцию, посвященную именно пересмотру периодизации истории литературы народов Сибири (2006). К сожалению, алтайские литературоведы в то время не были осведомлены в ее проведении и непростительно оказались в стороне от этого важного события в регионе. По результатам исследований им удалось издать бесценный сборник статей под названием «Методологические проблемы изучения истории литератур народов Сибири» (Кызыл, 2006). В нем определен историко-культурологический подход в исследовании периодизации национальных литератур Сибири.

В статье «История тувинской литературы: состояние изученности» литературовед М.С. Маадыр в корне пересматривает историю развития родной литературы и ставит проблему разработки новой периодизации [8]. К сожалению, история тувинской литературы пока не написана. Тем не менее, выработана общая методология исследования, литературоведы задумались о включении древней поэзии и монгольского периода в периодизацию родной литературы.

В постперестроечное время тувинские литературоведы сумели разрешить и спорные вопросы относительно зачинателей и основоположников тувинской литературы и литературоведения. В этом вопросе наиболее осведомленным и правомерным оказались слова аксакала тувинской фольклористики и литературоведения, д.ф.н., профессора Д.С. Куулар (1932-2005). Именно ему удалось обоснованно доказать место и роль каждого, даже молодого писателя, в истории национальной литературы [9].

Литература

1. Краткий очерк тувинской литературы. – Кызыл, 1953; Очерк тувинской литературы.- Кызыл,1964; Очерки истории тувинской литературы.- Кызыл,1975

2.Очерки истории тувинской литературы.- Кызыл, 1975

3. Туденов Г.О. О тувинской литературе дооктябрьского периода на старописьменном монгольском языке.// Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока.- Новосибирск,1983.- С. 257-262

4. Самдан З.Б. Наследие А.К. Калзан и проблема переосмысления истоков тувинской литературы в новой «Истории тувинской литературы»./Журнал тувинских писателей. - Кызыл: редакция ж. «Улуг-Хем»,2010,№3(59) 134, май-июнь. – С.108-115.

5. Донгак У. А. Древнеенисейские эпитафии и лирическая поэзия тувинцев.// Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность.- Казань,1992, т.2.-С.41-4; Донгак У.А. Этапы становления и развития тувинской литературы (Типология в построении истории тувинской литературы).// Методологические проблемы изучения истории литературы народов Сибири (Материалы региональной научной конференции).- Кызыл,2006.- С.43-50

6. Мижит Л.С. Древнетюркские истоки поэтической формы «Ожук дажы»./Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 280-летию открытия древнетюркской письменности.- Абакан,2002.- С.101-106

8. Маадыр М.С. История тувинской литературы: состояние изученности (К постановке Проблемы). // Методологические проблемы изучения истории литератур народов Сибири. - Кызыл, 2006.- С.99-102.

7. Самдан З.Б. К проблеме публикации памятников орхон-енисейской письменности под эгидой ТЮРКСОЙя. // Материалы международной конференции, посвященной 280-летию открытия древнетюркской письменности.- Абакан: изд.-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2002.- С.47-51

9. Куулар Д.С. Тувинская литература на пороге нового века.// Куулар Д.С. История и современность.- Кызыл, 2002.- С.128-141

Вопрос о периодизации в хакасском литературоведении

Общеизвестно, что земля Хакасии, Тувы, Алтая богата руническими письменами. Мир узнал о существовании древних надписей в Сибири еще в ХУШ веке [1]. В статье «О значении енисейских рунических надписей» известный рунолог И.Л. Кормушин отмечал: «Открытие 280 лет назад в степях нынешней Хакасии первых стел с надписями на неизвестном тогда руноподобном письме стало событием поистине эпохальным для народов Центральной и Северной Азии, но в особенности для многочисленных народов, говорящих на языках тюркской языковой семьи...Енисейские надписи впервые научно были изданы в 1889 году усилиями финских ученых, прежде всего И.Р. Аспелина. Финский атлас, как его называют тюркологи, благодаря тщательности, проведенной тогда фиксации знаков памятников не потерял своего значения и поныне» [2,с.33].

Однако в XX веке литературоведы не смогли связать их с развитием хакасской литературы. Во всех очерках истории литературы, созданных в 60-80-е годы, хакасские литературоведы придерживались традиционной периодизации литературы и утверждали, что литература берет свое начало с 20-х годов XX века [3]. Между тем фольклористы все же пытались рассмотреть взаимоотношения хакасского фольклора с древней поэзией [4,5], лингвисты изучали язык древнего письма [6,7]. Литературоведы Сибири приходят к мысли о том, что настала пора сменить традиционные методологические установки и разработать новые критерии оценки художественных произведений в контексте развития национальных литератур.

И только в 90-х годах XX столетия археологии, историки, этнографы сумели связать литературу XX века с древней поэзией тюрков. Так появилась статья археолога, историка Л.Р. Кызласова о литературе и фольклоре древних хакасов. Он утверждал, что у древних хакасов существовала самобытная поэзия и, следовательно, многолетняя художественная традиция. В полемике с ведущим тюркологом страны И.В. Стеблевой он доказывал мысль о том, что язык древних хакасов отличается от языка орхонских тюрков [8,с.71.]. Помимо этого Л.Р. Кызласов утверждал, что «в государстве древних хакасов были своя литература, книги и, несомненно, устное народное творчество, а также переводная литература». Далее исследователь подчеркивал: «Эпитафии на каменных стелах написаны стихами, что позволило лучшему их знатоку, тюркологу С.Е. Малову предположить, что это «кладбищенская поэзия». Благодаря специальному литературоведческому анализу сохранившихся древнехакасских эпитафий, написанных на тюркоязычной енисейской письменности, недавно было показано, что у древних хакасов существовала самобытная поэзия и, следовательно, многолетняя художественная литературная традиция. Сохранившиеся тексты оказались высокими образцами эпитафийной лирики» [8,с.111]. Все это позволило по новому рассмотреть на проблему периодизации хакасской литературы, на неравномерность стадияльного развития художественной литературы.

И, наконец, литературоведу А.Л. Кошелевой удалось написать монографическое исследование о генезисе хакасской литературы [9]. Этому способствовало изучение периодизации хакасской литературы в контексте тюркских литератур Сибири. Неслучайно в «Истории хакасской литературы» (2011) уже четко обозначен древнетюркский период в развитии хакасской литературы [10].

Так, в очерках истории хакасской литературы (1963), а также в «Очерках истории хакасской советской литературы» (1985) ни слова не было сказано о древней поэзии тюрков. По определению А.Л. Кошелевой, «хакасская литература – это одна из новописьменных литератур сибирского региона Российской Федерации. Она принадлежит по своему типу к литературам, основой которых стало художественное сознание, не прошедшее полного стадияльного развития. Первые писатели могли опереться лишь на духовное наследие своего народа, которое сложилось в древнейшие эпохи и сохранилось почти в первоизданном виде на протяжении многих столетий. Духовная культура

хакасского народа устойчиво сохраняет традиционализм сознания: мифологические традиции, традиции раннего фольклора (ыры, тахпахы), сказочного фольклора (нымахи) [11, с.30]. В этой же статье дана оценка «Очерков истории хакасской литературы» 1986 года издания. По мнению А.Л. Кошелевой, «обзорные главы в сочетании с персоналиями создали достаточно полное представление о литературном процессе Хакасии, начиная с 20-80-х годов XX века. Исчерпывающая научно-теоретическая глубина, методологическая основательность отличает первый раздел очерков о фольклорных истоках хакасской литературы, написанный известным фольклористом-тюркологом В.Е. Майнагашевой. Эмоционально, научно аргументировано раскрывает творчество хакасских писателей П.А.Трояков. Однако в основу анализа произведений и в этих очерках все еще положены принципы социалистического реализма: художественные произведения оцениваются с точки зрения их социальной востребованности, значимости и актуальности [11, с.33].

А.Л. Кошелева впервые предложила методологические принципы изучения хакасской литературы. Она пишет: «Для решения поставленных задач необходим эстетический подход к изучению хакасской литературы, который предполагает комплексное использование таких методов литературоведческого исследования как историко-генетического, историко-функционального, сравнительно-исторического и сравнительно-типологического» [11, с.33]. Эти принципы исследования лежат в основе написания новой истории хакасской литературы 2011 года издания.

В XXI веке в Абакане, Кызыле проводились научно-практические конференции международного уровня, на которых рассматривались истоки хакасской литературы [12]. В упомянутой выше истории уже четко обозначена история зарождения хакасской литературы, впервые рассмотрены особенности памятников тюркоязычной письменности, включена статья Л.Р. Кызласова о литературе и фольклоре средневековых хакасов. В этой же главе рассмотрена творческая деятельность И.М. Штыгашева (1861-1915), который имел непосредственное отношение и к шорской, и к алтайской литературе. В дальнейшем хакасские литературоведы придерживаются традиционного подразделения литературы XX столетия на 20-30-е и 40-60 годы. При этом развитие литературы прослежено в жанрово-родовой последовательности: лирика, эпос, драма. И это им удалось в плане эволюции национального художественного мышления. Однако про-

блема периодизации в хакасской литературе, думается, не до конца разрешена. По определению Е.Е. Балданмаксаровой, «периодизация – это способ структурирования и, тем не менее, ее нельзя превращать в какую-то схему. Однако, членение историко-литературного отрезка на эпохи, этапы, периоды, вехи, срезы и др., богатого в содержательном плане, многосоставного и многоуровневого, способно внести упорядочность в темпоральную непрерывность, где каждый временной отрезок обусловлен предыдущими и предопределяет последующий. В каждом из периодов важно обозначить генерализующую тенденцию, специфическую как для данного объективного времени, так и для анализируемого процесса в целом» [13, с.191]. В этом смысле предстоит обогатить содержание каждого из периодов хакасской литературы в целом.

Современные литературоведы А. Кошелева, В. Карамашева, С. Майнагашев, Н. Майнагашева, Н. Таскаракова и другие придерживаются нового взгляда на литературный процесс и исследуют хакасскую литературу как «одно из ярких и своеобразных проявлений литературного процесса эпохи в системе братских литератур России во всем ее объеме, в неразрывной связи с эволюцией национального художественного мышления» [11, с.36].

Литература.

1. Кызласов И.Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии.- М.: «Наука»,1990
- 2 Кормушин И.В. О значении енисейских рунических надписей// Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 280-летию открытия древнетюркской письменности. Научное издание. – Абакан, 2002.-С. 33-39
- 3.Трояков П.А. Очерки развития хакасской литературы. – Абакан,1963; Очерки истории хакасской советской литературы. – Абакан: Хакасский НИИЯЛИ,1986
- 4.Унгвицкая М.А. Памятники енисейской письменности и песенный фольклор хакасов/М.А. Унгвицкая// Советская тюркология, М.,1971,№5;Унгвицкая М.А.Хакасские героические сказания и памятники енисейской письменности// Советская тюркология.- М.: «Наука»,1973,№2
5. Трояков П.А. Орхоно-енисейские памятники в свете возникновения эпоса// Вопросы советской тюркологии. Ч.2.-Ашхабад: «Ылым»,1988.- С.113-118

6. Щербак А.М. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения// Тюркологический сборник, 1970.-М.:Наука, 1970.- С.111-134; Субракова О.В., Батманов И.А. Древние письмена Хакасии. – Абакан, 1970

7. Васильев Д.Д. Корпус рунических памятников бассейна Енисея.- Л.1983

8. Кызласов Л.Р. Литература и фольклор древних хакасов: исторические основы формирования младописьменных литератур народов Сибири/Л.Р.Кызласов// Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и центральной Азии.- Красноярск, 1992.- С 109-118; 187-195

9. Кошелева А.Л. Лирический мир хакасской поэзии в контексте духовных памятников евразийской культуры: генезис, поэтика, типология.- Абакан: Хак.кн. изд., 2008

10. История хакасской литературы. - Абакан, 2011.-276с.

11. Кошелева, А.Л. Хакасская литература в ареале национальных литератур народов России/ А.Л.Кошелева// Этнолитературоведение, этнолитературное образование, этнокультура. Межвузовский научно-методический сборник. – Улан-Удэ: ГУП ИД «Буряад унэн», 2009. – С.30-36

12. Материалы научно-практической конференции, посвященной 280-летию открытия древнетюркских письменности. – Абакан, 2001.- С.33-39; Письменное наследие тюрков. Материалы международного симпозиума, посвященного 110-летию дешифровки орхоно-енисейской письменности и 100-летию выхода в свет труда Н.Ф.Катанова «Опыт исследования урянхайского языка» Тезисы. – Кызыл, 2003.- 107с.

13. Балданмаксарова Е.Е., Кошелева А.Л. Проблемы периодизации средневековой монгольской литературы//Вестник Бурятского государственного университета.- Улан-Удэ: изд-во БГУ. - С.190-195

Проблема периодизации в якутском литературоведении

Николай Николаевич Тобуроков принадлежит к той когорте ученых, чей неповторимый голос слышен далеко за пределами своей республики. Таковыми были алтайские ученые С. Суразаков, С. Каша, В. Чичинов, бурятские - А. Соктоев, В. Найдаков, тувинские – А. Калзан, Д. Куулар, хакасские П. Трояков, К. Антошин и многие другие. Имя Николая Николаевича Тобурокова известно в сибирском регионе, прежде всего, как ведущего теоретика – стиховеда [1]. Им создана школа стиховедов: С. Майнагашев из Хакасии, У. Донгак из

Тувы и другие [2]. Исключение составляет книга «Об алтайском стихосложении» (1974) стиховеда С.М. Каташева, написанная на родном языке. Тем не менее, в своей монографии «Проблемы сравнительного стиховедения» (1991) Н. Тобуроков рассматривает особенности и алтайского стиха.

В 90-е годы он выступает в качестве историка литературы. Это не означает, что он до этого не занимался исследованием якутской литературы в историческом аспекте. Были книги, литературные портреты, в которых он глубоко и всесторонне рассматривал творчество известных и неизвестных ранее якутских писателей. При этом их произведения анализировались в контексте литературного развития той или иной творческой личности. Таковы, к примеру, его литературно-критические статьи о творчестве ведущих якутских писателей (Эрилик Эристин, А.Е.Кулаковский, Савва Тарасов и др.), в том числе писателей других национальностей [3]. Все это было подступом к исследованию истории якутской литературы второй половины XIX – начала XX –го столетий.

В данной статье речь пойдет об «Истории якутской литературы», изданной в 1993 году коллективом ученых при участии писателя Н.А. Габышева [4]. Период, обозначенный в заглавии данной «Истории», охватывает половину целого столетия. Это в основном неизученный ранее материал, состоящий из документальных и личных архивов. В ее форзаце кратко написано: «Это книга является первой попыткой рассмотрения истории возникновения, развития и становления якутской литературы. Литературный процесс в ней наблюдается в контексте произведений, посвященных теме о земле Саха. Раскрываются общие закономерности формирования жанров поэзии, прозы и драматургии. Дана характеристика жизни и деятельности авторов, чье творчество сыграло значительную роль в истории литературы» [4, с.4].

Во введении «Истории...» имеется научно обоснованная историография вопроса, точнее, сведения о создании предыдущих историй якутской литературы. Таковы литературоведческие труды А.А. Иванова-Кюндэ (1931), Н.М. Заболотского (1937), Г.У. Эргис, Г.М. Васильева, Н.П. Канаева (1955), «Очерки истории якутской советской литературы» (1975) .

Коллективом авторов отмечено: «Оценка многих произведений писателей порою и целых этапов развития литературы Якутии долгое время оставалась упрощенной и искаженной» [4, с.5]. А значит, авто-

ры поставили перед собой задачу - пересмотреть историю якутской литературы в историческом плане, точнее, в новом осмыслении. Так исследована якутская литература второй половины XIX столетия - начала XX века.

Чем привлекателен этот труд? Во-первых, четко обозначен период исследования литературы. Во-вторых, впервые представлены в истории якутской литературы предпосылки зарождения литературы на фоне фольклорных произведений; в-третьих, выявлены этноэстетические особенности первых литературных памятников. Литература начала XX века рассмотрена в жанрово-родовой последовательности: лирика, драма, эпос.

Создан ли подобный труд в других республиках не только сибирского региона? Таковыми можно считать монографии «Алтайская литература» (Горно-Алтайск, 1962) алтайского исследователя С.С. Суразакова, «Калмыцкая дореволюционная литература» (Элиста, 1975) А.Н. Бадмаева, «Становление, развитие и распад бурятской литературы (1917-1995)» (Улан-Удэ, 1996) В.Ц. Найдакова и другие, написанные на родном или русском языках. Якутская литература изучена исследователями в связи с формированием якутского народа как этноса. Особое внимание уделено языку якутов, корни которого связаны с древнетюркским языком и в своем развитии подвергался монголоязычному влиянию. При этом отмечается также заимствование из эвенского и эвенкийского языков.

Далее, авторы «Истории» проследили истоки якутской литературы, которые восходят к устной поэзии народа. Своеобразие исследования Н.Н. Тобурокова в том, что фольклорный материал рассмотрен им с точки зрения литературоведения. Такой подход к литературе наблюдается очень редко, применительно к якутской - впервые. По мнению Н. Тобурокова, элементы художественного выражения восходят к народным пословицам, поговоркам, загадкам, обрядовой поэзии, шаманским мистериям, поэмам (тойук), сказкам, преданиям и т.д. Особо рассмотрено в книге истоки сказания «Олонхо». При формировании того или иного литературного жанра существенную роль сыграл тот или иной жанр фольклора.

Таким образом, авторы «Истории» заключают: «До присоединения Якутии к России саха-якуты создали хорошо развитую систему образного художественного отражения действительности, что было результатом многовекового развития словесного искусства народа, которое менялось, усовершенствовалось, дополнялось под воздействием исторических условий и всей эволюции человеческого созна-

ния» [4, с.30]. В «Истории» большое внимание уделено также влиянию русской литературы на развитие якутской литературы XIX века, церковной литературы в том числе.

Духовный мир якутов богат и разнообразен. «Одним из первых результатов этого развития стало появление памятников литературы – художественного очерка «Воспоминания» (1848) А. Уваровского и олонхо-поэмы М. Андросовой-Ионовой, созданных на якутском языке» – считают исследователи [4, с.40]. Так, в целом прослежен исторический путь якутской литературы. Уже позднее историк литературы Н.Н. Тобуроков задался вопросом: какой периодизации придерживаться якутским исследователям при создании академической «Истории»?

Вслед за вышеупомянутыми «Историями» опубликованы очерки «Литература Якутии на современном этапе» (Якутск, 2001), «Литература Якутии. XX века (Якутск, 2005). Свою лепту с необычными поисками и находками внес в историю якутской литературы стиховед и историк литературы Н.Н. Тобуроков.

Зададимся вопросом: написана ли история национальных литератур Сибири? Если она написана, то какие проблемы стоят перед литературоведами? Перечислим лишь последние издания в алфавитном порядке. У алтайцев имеется «История алтайской литературы» в 2-х книгах (Горно-Алтайск, 2004), в том числе подготовлена «История алтайской литературы» (2008) в двух частях на родном языке; у бурят имеются - «История бурятской литературы 1917-1955 годов». Часть 1. Становление бурятской литературы (1917-1940гг).- (Улан-Удэ, 1995) и часть 2. Бурятская литература военных лет и послевоенного десятилетия (1941-1955гг). - (Улан-Удэ, 1997); у тувинцев написаны на родном языке «Очерки истории тувинской советской литературы» (Кызыл, 1975); у хакасов существуют «Очерки истории хакасской советской литературы» (Абакан, 1986) и «История хакасской литературы» (Абакан, 2011).

Из всего сказанного следует вывод о том, что, во-первых, некоторые истории написаны на родном языке; во-вторых, написанные на русском языке «Истории» считаются очерками. В-третьих, отмечается ограниченность исследований рамками собственной литературы. Значит, литературоведы все еще находятся в поиске оптимального разрешения спорных вопросов в написании истории национальных литератур. Прежде всего, спорным остается вопрос об истоках этих литератур. Раньше указывались лишь фольклорные истоки, в последние два десятилетия литературоведы опираются на письменные исто-

ки, зафиксированные в древнетюркских памятниках, названными в науке орхоно-енисейскими надписями. Таковы, к примеру, исследования У. Донгак (1992), Н. Киндиковой (2001,2003), А. Кошелевой (2008) и др.

В этой связи спорным остается вопрос о периодизации литератур Сибири. При этом по замечанию Н.Н.Тобурокова, «каждая литература обязана учесть национальную специфику истории своего народа» [10, с.101]. В истории тувинской литературы У.Донгак предлагает выделить шесть периодов в XX веке [6, с.46]. Насколько он оправдан, судить историкам тувинской литературы, но эстетическим критерием остается все же художественный уровень созданных в том или ином периоде произведений литературы. Деление на десятилетия не дает положительных результатов. В этом смысле Н. Тобуроков предлагает следующий проект создания новой «Истории якутской литературы»:

1. литература дооктябрьского периода (вторая половина XIX-начала XX вв.)

2. литература 1917-1956гг.

3. литература 1957-1995гг.

4. литература современного периода (1996-2006). Если опустить традиционное понятие о дооктябрьском периоде, то четко выстраиваются периоды якутской литературы [10, с.102].

Мы склонны придерживаться мнения ведущего историка литературы Н.Н. Тобурокова, однако в алтайской, да и в хакасской и тувинской литературах прослеживается древнетюркский период развития литератур. Литературовед З.Б. Самдан, к примеру, считает, что «начальный этап зарождения и бытования тувинской словесности необходимо переосмыслить с новых позиций. Речь должна идти о возвращении к более полному изучению собственных истоков культуры, которые раньше замалчивались. Это, например, роль религиозно-мифологических воззрений в развитии самобытной литературы тувинцев или роль памятников древнетюркской и старомонгольской письменности в расширенном и углубленном изучении истоков литературы и т.д.» [7, с.115].

Коллеги из Хакасии успели включить в свою «Историю» новый раздел «Памятники тюркоязычной письменности» [13, с.14-15]. В периодизации алтайской литературы крупным планом выделено пять основных периода. Из них второй период считается мало изученным. При этом литературу XX столетия мы подразделяем на две половины:

первую (20-50-е) и вторую (60-80). Последнее десятилетие (90-е годы) и начало нового столетия относятся к современной литературе. При такой раскладке, в первую очередь, учитывается художественный уровень литературы. Раньше мы тоже разбивали историю литературы на десятилетия: литература 20-х, 30-х, 40-х годов и т.д. Однако художественный уровень литературы не всегда соответствовал обозначенному периоду. Литература второй половины XX столетия заметно отличается от первой. В этом смысле мы солидарны с якутскими и бурятскими коллегами, которые охватывают одновременно особенности прошедшего столетия. Выделяются этапы «оттепели» (1957-1965), застоя (1966-1984), перестройки (1985). А вот постперестроечные годы мы относим к современному периоду (с 90- годов по настоящее время). Со временем литературу XXI века можно выделить отдельным периодом.

Литературовед А.Л. Кошелева в своей монографии «Лирический мир хакасской поэзии в контексте духовных памятников евразийской культуры: генезис, поэтика, типология» (Абакан, 2008), опираясь на труды хакасских исследователей, сумела связать хакасскую литературу XX столетия с ее древнетюркскими корнями. Алтайские литературоведы их выделили, однако все это пока написано на родном языке, потому другие литературоведы вряд ли осведомлены в этой разбивке литературы на периоды. Пробелы в периодизации можно восполнить за счет поисков и находок исследователей соседних литератур.

К примеру, в тюрко-монгольский период алтайская литература существовала в устном виде, так как в течение пяти веков алтайские племена находились в составе Золотой Орды. Образованные тюрки осваивали монгольское письмо «тодо бичик», отдельные личности знали тибетскую грамоту. Но поскольку большая часть населения оставалась неграмотной, литература развивалась по образцу древнетюркской литературы. Таковы, к примеру, поэтические изречения алтайского предсказателя Боора, проучившегося в Тибете 18 лет. Таковы высказывания исторических личностей Шуну, Амыр-Санаа и др. Они дошли до XX столетия благодаря этногенетической памяти народа. Яркий пример изустного существования литературы – историческое предание «Сыновья Солтона», посвященное родословной кара майман (название рода – Н.К.). Найденные на территории республики Алтай буддийские трактаты, рукописные записки на языке «тодо» ждут своего исследователя [11, 12.] Литературовед З. Самдан дает точную характеристику тувинской литературы как одной из «тюркоязычных литератур Южной Сибири, испытавшей влияние

монголоязычных литератур, развивающаяся в контексте шаманско-буддийского религиозного синкретизма и устоявшихся устно-поэтических традиций» [7, с. 113]. Возможно, алтайские литературоведы тоже будут придерживаться такого же определения литературы.

Бурятский историк литературы С.Ж. Балданов справедливо предлагает считать литературными памятниками «то, что было создано до возникновения собственно художественной литературы» [8,с.46]. По его мнению, обязательными для собственно художественной литературы являются «обобщение, типизация и индивидуализация, сюжетно-композиционная структура, художественный вымысел, образная система, т.е. тот художественный мир, который создается с помощью фантазии художника наряду с реальным миром и на основе этого реального мира» [с.49]. При создании новой истории литературы нам стоит прислушиваться к его замыслам и идеям. В последние годы проблему периодизации якутской литературы активно изучает и развивает литературовед, к.филол.н. Л.Н. Романова.

Таким образом, литературоведы Сибири до сих пор заняты проблемой переосмысления и написания новой академической истории национальных литератур. При этом важно не ограничиваться собственно национальной литературой, а рассматривать развитие той или иной литературы в контексте других тюркских литератур, в том числе монгольской. Как справедливо замечает З.Самдан, «через монгольскую литературу тувинцы воспринимали и творчески усваивали памятники центрально-азиатских художественных культур, в частности, индийско-тибетские памятники» [9, с.7]. После создания академических историй национальных литератур нам предстоит подготовить и региональную «Историю литератур Сибири».

Литература.

1. Тобуроков Н.Н. Якутский стих. - Якутск,1995. – 159с.; Проблемы сравнительного стиховедения.- М,1996; Хакасский стих. - Абакан,1991.- 105с.

2. Майнагашев С.А. Становление и развитие системы хакасского стихосложения.- Абакан, 2003. -127с.; Донгак У.А. Тувинское стихосложение. – Кызыл,2007

3. Тобуроков Н.Н. Эрилик Эристин. Очерк жизни и творчества.- Якутск, 1963; Изучение жизни и творчества А.Е.Кулаковского. - Якутск,2001; Вечный поиск волшебства.- Якутск,1981.-136с.; Сибирью рожденные.-Якутск,1992.- 152с.

4. Тобуроков Н.Н., Сыромятников Г.С., Габышев Н.А., Михайлов М.Г. История якутской литературы (середина XIX– начало XX века)- Якутск: Якутский научный центр СО РАН, 1993.- 195с.

5. Киндикова Н.М. Алтайская литература в контексте тюркоязычных литератур Сибири. - Горно-Алтайск, 2001; Киндикова Н.М. Проблемы алтайской лирики. Генезис, поэтика, искусство перевода. - Горно-Алтайск, 2003
6. Донгак У.А. Этапы становления и развития тувинской литературы // Методологические проблемы изучения истории литератур народов Сибири.- Кызыл, 2006.- С.43-50
7. Самдан З.Б. Наследие А.К.Калзана и проблема переосмысления истоков тувинской литературы в новой «Истории тувинской литературы» // Улуг-Хем. Журнал тувинских писателей. – Кызыл: «Тываполиграф», 2010.- С.108-116
8. Балданов С.Ж. Аксиология и онтологичность форм литератур народов Сибири // Проблемы литератур народов Сибири: национальное своеобразие, тюркское стихосложение, традиции и новаторство. Часть 1.- Якутск, 2009. – С.49-51
9. Самдан З.Б. Методологические вопросы изучения тувинской литературы // Методологические проблемы изучения истории литератур народов Сибири.- Кызыл, 2006. - С.32-42
10. Тобуроков Н.Н. Методологические проблемы создания новых историй национальных литератур Сибири // Методологические проблемы изучения истории литератур народов Сибири.- Кызыл, 2006.- С.13-19; Тобуроков Н.Н. Методологические проблемы создания истории якутской литературы // Художественное наследие национальных литератур XX века в общероссийском культурном пространстве: проблемы взаимодействия.- Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2007.-С.99-103.
11. Киндикова Н.М. Историко-типологические аналогии «Сокровенного сказания монголов» и алтайского предания «Сыновья Солтона» // Киндикова Н.М. Алтайская литература в контексте тюркоязычных литератур Сибири.-Горно-Алтайск, 2001.- С.26-38
12. Киндикова Н.М. Корни родства в тюрко-монгольской литературе // Киндикова Н.М. Алтайская литература: проблемы и суждения. – Горно-Алтайск, 2008. - С.17-21

3. Опыт создания литературной биографии писателя

Трагическая судьба Г.И.Чорос-Гуркина (О последних днях художника)

До настоящего времени мы не располагали точными сведениями о последних днях, о месте захоронения репрессированных, в том числе Г. И. Чорос-Гуркина (1870-1937). Тем не менее, попытаемся восстановить в памяти последние месяцы, дни, часы известного художника, лидера алтайского народа, политического деятеля, мыслителя и литератора Г.И. Чорос-Гуркина. При этом мы будем опираться, прежде всего, на архивные материалы, документы, книги ведущих исследователей В.И Эдокова и Р.М. Еркиновой, журналистов В.Э. Кыдыева и Ю.В. Туденева и многих других[1,2,3].

Г. И. Чорос-Гуркина арестовали 12 июня 1937 года в селе Онос Эликмонарского района (ныне Чемальский район Республики Алтай – Н.К.). Как пишет Ю.Туденева: «За ним пришли двое в штатском
- Григорий Иванович, мы за вами.

Гуркин молчал, застигнутый внезапностью, а может быть обыденностью их прихода...В этот день Гуркин ждал экскурсию учителей из Ойрот-Туры (ныне – г. Горно-Алтайск).

Наконец он спросил:

- А что с моими картинами?

- Мы их примем согласно акту обыска.

Заметим сразу, он не думал о себе, а заботился, прежде всего, о своих картинах. Вспомним, что в 1919 году Чорос-Гуркин тоже был обеспокоен своими картинами. Ради их спасения он эмигрировал тогда в Монголию.

Понятыми при обыске был Александр Петрович Марков (директор Бийского краеведческого музея, приехавший заказать художнику несколько картин для музея) и еще кто-то из сельсовета [Туденева, с.151]

«Опись картин продолжалась до глубокой ночи – пишет далее Ю.Туденева. - Утром Григория Ивановича увезли, как арестованного. Бричка остановилась у сельсовета. Григорий Иванович долго находился в помещении, пока уполномоченные решали какие-то вопросы. По воспоминаниям Клавдии Петровны Манеевой (дочь Агафьи Алексеевны- Н.К.). Соседке Агафье Алексеевне он сказал: «Не горюйте

обо мне, я прожил хорошую жизнь». Агафья Алексеевна, придя домой, сказала с горечью: «Хорошо хоть увезли по-человечески, посадили рядом между собой, я не сзади, как арестанта...»

Как известно, весной 1936 году Григорий Иванович был вызван в числе других алтайцев органами КГБ как бывший член Алтайской Горной Думы. Пробыл в Новосибирске 2 недели. По воспоминаниям художника И.И. Тютикова, настроение у него было убийственное. Помню, что некоторые дни он уходил утром, приходил к обеду и вечером опять уходил, а возвращался уже только ночевать. В один из вечеров он сказал, что допросы закончены, он свободен и может отправляться домой» [3, с.144].

Однако Г.И.Чорос-Гуркина с этого времени ожидал другой арест. Поводом послужили статья Толуша Енчинова о контрабанде в ойротской литературе от 24 мая, 1936 года и некоторые разногласия его с художником Н.И.Чевалковым.

Итак, дело № 18255 начато с 5 апреля 1937, санкция на арест датирована 31 мая 1937, постановление об избрании меры пресечения написано 11 июня, утверждено 18 июня. Записано привлечь к ответственности по ст. 58 п.2-4-11 УК РСФСР и направить спецконвоем в Новосибирск. А его арестовали, как известно, 12 июня. Даты не совпадают. После ареста он находился в Эликманарском душном сарае - завозне. Это была пересыльная тюрьма на пустыре.

По воспоминаниям 90-летней ветерана труда Веры Федоровны Тозыяковой: «В том же 1937 году был арестован и мой отец Федор Сергеевич Тозыяков (учитель начальной школы с. Узнезя). Моя сестра Нина Федоровна ходила к нему с передачей. У дверей, где находились репрессированные, стоял один охранник. Нина Федоровна умоляла его вызвать отца, папа вышел в нижней рубашке и кальсонах, весь в поту. В помещении сарая от скопления народа была страшная духота. Отец только одно сказал: «Тяжко, но вынесу. Здесь находится Григорий Иванович Чорос-Гуркин. Нас скоро этапируют...». Значит, это был июнь-июль 1937 года. После допроса на районном уровне арестованные пешком добрались до Ойрот-Туры (ныне г. Горно-Алтайск – Н.К.). В районе нынешней гардинно-тюлевой фабрики их заставили построить временную тюрьму из осины (скорее всего это были тополя – Н.К.). Об этом рассказывала в свое время 80-летняя ветеран труда Н.В. Суразакова. Однако заключенных было так много, что они не помещались в этой тюрьме. Люди спали стоя. Их по одно-

му вызывали на допрос, заставляли подписывать сфабрикованные дела. Дверь сарая резко открывалась и выбрасывали туда «обессиленные тела допрошенных». Одного, потом второго... Было уже 5 часов утра.

В третьем заключенные узнали Г.И. Чорос-Гуркина. Его, как впоминали свидетели, мы положили на руки, чтобы тот отдохнул горизонтально. Очнувшись, он просил своих земляков подписывать сфабрикованные листы бумаг для того, чтобы выжить. Он говорил: «Я грамотный, потому не подписываю, а вы неграмотные, поэтому лучше подписывайте, сохраните свою жизнь» (По рассказу Н.В. Суразаковой, услышанному от свидетелей). В 7 утра его снова забрали на очередной допрос[4].

Алтайск Толток, не выдержавший грубых издевательств (ему нарочно сломали пальцы рук об косяк двери), вынужден был подписать сфабрикованную бумагу. Бакияков Ефим, работавший ранее бухгалтером, каждый раз рисовал знак зет на листочке и только после этого ставил свою подпись, так он выжил и вернулся из ссылки уже в 1945-е годы вместе с фронтовиками[5].

Один из ссыльных вспоминал, что Г.И.Чорос-Гуркин передал записку Агафье Алексеевне такого содержания: «Передайте моим детям, что я написал письмо В.И. Сталину. Думаю, он меня примет». Возможно, он писал с надеждой, что его все-таки оправдают.

Тот же заключенный рассказывал, что когда вели его на очередной допрос по коридору, то в полутьме он увидел в открытой комнате подвала или кладовой яловые черные сапоги Григория Ивановича (с. 155). А где это было? В Ойрот-Туре или Новосибирске неизвестно. Его, Чорос-Гуркина, по документам, расстреляли 11 октября 1937 года. А сына его Геннадия - 14 октября 1937 года. До сих пор нам неизвестно точное место захоронения художника, политического лидера алтайцев Г.И Чорос-Гуркина. Документально значится в Новосибирске, а точнее, возможно, его умутили в Ойрот-Туре.

Литература.

1. Эдоков В.И. Возвращение мастера.- Горно-Алтайск, 1994 – 240 с.
2. Прибытков Чорос-Гуркин. – Горно-Алтайск, 2000. - 186 с.
3. Туденева ЮВ. «Здесь все еще о нем напоминает...».- Горно-Алтайск, 2005.- 287 с.
4. Оноские встречи - 2006 – Горно-Алтайск, 2006. – 164 с.

5. Судьба и наследие репрессированных: взгляд из XXI века.- Горно-Алтайск: Алтай полиграф,2010.-189с.

6. Киндикова Н.М.Литературное наследие Г.Чорос-Гуркина: история создания произведений// Киндикова Н.М.Алтайская литература: проблемы и суждения.- Горно-Алтайск,2008.-С.22-26

Слово о Н.А.Каланакове

Николай Андреевич Каланаков (1888-1963) – один из первых образованных интеллигентов из среды алтайцев, составитель первых букварей для детей и взрослых, книг для чтения, автор собственных произведений, переводчик. В суровые 30-е годы его имя было вычеркнуто из истории алтайской литературы.

Родился он в с. Паспаул Чойского района, проживал в г. Ойрот-Тура. Закончил Бийский катехизаторскую школу, шесть лет работал дьяконом, затем учителем начальных классов. В 1928 году участвовал в создании Горно-Алтайского педагогического техникума, был назначен его первым завучем. Будучи преподавателем, он читал курсы алтайского языка и методики его преподавания[1].

В 30-годы его по линии КРАЙОГИЗ и КрайОНО направили в г. Новосибирск по составлению школьных учебников для алтайских школ на латинском алфавите. Из Хакасии прибыл Г.П. Бытотов, из Горной Шории -Г.М. Токмашев. Одновременно они задумали создать единую терминологию на родном языке. К сожалению, их мечте не было суждено осуществиться. Осведомленные органы обвинили их в национализме, будто бы они хотели организовать «Союз сибирских тюрок». Их арестовали и незаконно отправили в ссылку по ст. 58-12 УК РСФСР на 3 года. Н.А.Каланаков скоро вернулся, однако его снова забрали по невыясненным причинам. Так он репрессирован дважды. После возвращения Николай Андреевич примерно работал корректором в типографии и умер в нищете в 1963 году. По заключению Прокуратуры Новосибирской области от 08.06.1992 года Николай Андреевич Каланаков реабилитирован.

В 2000-е годы мы искали его фотографию, но нами найден цветной портрет, созданный в 40-е годы его двоюродным братом, художником А.А.Каланаковым. Он, в свою очередь, участвовал в Великой Отечественной войне и не вернулся с фронта. Проблемой остается изъятие портрета из частной коллекции и хранение его в архиве государственного музея.

В материалах ФСБ нами установлена дата рождения Николая Андреевича Каланакова и ответы на допрос осужденных. В частности, там имеются сведения о том, что он женат на Тозыяковой Екатерине Александровне 30 лет и есть ребенок по имени Ойрот. Для того чтобы оградить сына от очередной репрессии, мать сменила его фамилию на собственную и переехала в самый отдаленный район области - Кош-Агач, как в свое время действовала жена тувинского писателя Сергея Пюрбю [3].

Каланаковы были из рода «јүс». Они проживали в г. Ойрот-Тура по улице Круговая №13. С его слов, «имущества не имел и не имею, кроме дома, все время служил учителем и 6 лет дьяконом». На вопрос о национальности и гражданстве он отвечал: «алтаец, поданный РСФСР». Кроме букваря для взрослых под названием «Кызыл күн» (Барнаул, 1921) Н.А.Каланаковым составлен букварь «Алтайдын эн баштап үүренер бичиги» (М., 1924) и ряд книг для чтения, переизданный в 2012 году[2].

Таким образом, доброе имя Н.А. Каланакова, наконец-то, восстановлено в истории алтайской литературы и культуры. В свое время он писал детские стихи, прозу и для взрослых драму

Литература.

1. Киндикова Н.М. Автор алтайского букваря (на алтайском языке); Киндикова Н.М. Алтайская литература: проблемы и суждения.- Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 2008.- С. 64-65

2. Киндикова Н.М. Восстановлено имя поэта (на алтайском языке)// Киндикова Н.М. Алтайская литература: проблемы и суждения. - Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 2008.- С.66-70

3. Тобуроков Н.Н. Кто он, Платон Ойунский? – Якутск: Бичик, 2014.-С.124-148

Павел Кучияк: драма личности

В те далекие 30-е годы на Алтае, да и в Сибири не было человека равного по дарованию П.В.Кучияку(1897-1943). Он был сказителем, сказочником, певцом-импровизатором, собирателем фольклора, переводчиком, поэтом, прозаиком, драматургом, актером. В свое время о нем писали в центральных газетах («Правда», «Известия», «Советское искусство», «Литературная газета», «Литературная Россия» и

др.) и журналах («Сибирские огни», «Знамя», «Дружба народов», «Октябрь» и др.), что свидетельствовало об известности его имени за пределами Алтая. О нем писали не только на Алтае, но и в Барнауле, Новосибирске, Москве. Однако о драматических сторонах его жизни мало кто знает. Об этом пойдет речь в данной статье.

Как всякая творческая личность алтайский писатель Павел Васильевич Кучияк подвергался необоснованной критике, порой несправедливой, а нередко и суровой. Первая критика связана с его прошлым. Как известно, в силу исторических обстоятельств по своей неосведомленности он в качестве обозника сопровождал отступающий отряд белогвардейцев и вскоре попал в плен. После освобождения он опять, не разобравшись, за что воюют красные и белые, оказался в числе беженцев. И только за чистосердечное признание его оправдали [1,с.21-22].

Другая критика связана с его биографией: в 1934 году его исключили из рядов коммунистической партии за то, что он был сыном шамана. А тогда ему было всего 9 лет, когда умер отец.

П. Кучияк творил в 30-е годы, естественно, не обошлось без обвинений его в национализме. Достаточно упомянуть статьи в газетах «Красная Ойротия» и «Кызыл Ойрот» за 1936 год[2]. После прочтения этих статей П. Кучияк, будучи в Москве в доме творчества, записывает в своем дневнике: «Если можно было вывернуть мое нутро или угадать потаенные мысли мои, то я не отказался бы (от этого эксперимента- Н.К.). Во сне мне не приснилось, днем я не додумался до «национализма»... [1,с.104]. Или в другом случае он высказывается народной пословицей: «Јизе де бөрү, јибезе де бөрү деген бирүзи», что переводится так: «Причастен или не причастен, все равно мне прикололи значок контрреволюционного националиста»[1,с.162]. И четвертое – самое суровое наказание творческому человеку – отстранение его от всех дел.

В письме к А.Л. Коптелову за 15 мая от 1938 года он пишет: «Понимаете, Афанасий Лазаревич! Эти мои «критики», с позволения сказать, все-таки подкачали мой авторитет. После их выступлений на читательской конференции, на страницах газеты, по радио и с трибуны (областного - Н.К.) съезда Советов знакомые люди от меня отвернулись. Издательство сидит, скрипя сердце, со мной не хочет разговаривать, мои новые вещи никого не интересуют, никто их не читает. Этого еще мало, с новыми то кадрами работа из рук вон плохо, никто

с ними не занимается. Я летом работал в редакции «Кызыл Ойрот», начал было работу налаживать с начинающими поэтами – «сократили» меня. Просился я в театр – тоже молчаливый отказ. Значит, мне остается или тротуар чистить, или из Ойротии (Горно-Алтайская автономная область – Н.К.) куда-нибудь выезжать.

Вот из Барнаула я написал большое заявление в президиум ССП СССР, изложил все, что есть налицо. Если бы действительно был враг народа, то на советской земле свободно не ходил бы. С Москвой дело заглохло. Из редакции «Колхозника» ответа наверняка отказались. С. Детгизом (издательство детской литературы –Н.К) то же самое» [1,с.128].

Творческой личности непосильно перенести такое отношение к себе. Однако его поддержали коллеги по перу, друзья из Новосибирска, Москвы, в частности, С. Кожевников, В. Непомнящих, А. Коптелов, А. Гарф и другие. Именно они помогли издать его произведения в Новосибирске, оценить по достоинству его творчество. К примеру, Савва Кожевников отмечает: «Впервые мы почувствовали подлинный Алтай в произведениях П. Кучияка. Он показал его нам не со стороны. В рассказах, пьесах и стихах П. Кучияка – Алтай, который видит, слышит, чувствует сам алтаец» [3,с15].

Первые отзывы окрыляли П. Кучияка, в то же время он чувствовал свою ответственность перед литературой. «Моя задача - пишет он в дневнике 1935 года, - создавать качественные в художественном отношении произведения, полезные народу»[1,с.104-105].

С. Кожевников не только восхвалял первые произведения П. Кучияка, но и отмечал их недостатки. В частности, он пишет: «В стихах Кучияка есть еще много недостатков. Темы их не совсем конкретны, материал иногда подавляет образ, в некоторых стихах чувствуется растянутасть, не всегда удачные и изобразительные средства, которыми он пользуется». По поводу переводов он замечает: «Переводы не равноценны. Да и стихи ваши не равноценны. Наряду с хорошими есть весьма слабые. Многие страдают растянутастью, некоторые очень не конкретны. Ряд стихов построен примитивно, на основе сопоставления старого с новым. Часто из художественной ткани обнажено выпирает публицистика. В общем, над культурой стиха Вам надо серьезно и много поработать. Проза у Вас лучше. Но надо работать и над литературной техникой прозы»[1,с.180].

Как же относился сам П. Кучияк к критике? Он радовался как ребенок, он нуждался в ней, был благодарен «критикам», а нередко сам напрашивался на отзыв. Вот, к примеру, Е.Чистякова-Дружинина пишет П.В. Кучияку по поводу повести «Долина дьявола»(1936): «Несмотря на то, что сюжет знаком, рассказ читается с захватывающим интересом. Он написан так, что все время хочется знать, что будет дальше...

Поговорки, сказки – подлинно народные – очень обогащают изложение. Всегда вводите их по больше! По таким рассказам можно изучать быт народа, можно почувствовать дух его. А кто побывал на Алтае, переносится туда, читая: так живо вспоминается все виденное. У вас чувствуется в изложении большая искренность, вы вкладываете в рассказ, мне кажется, максимум пережитого, а вымысла вносите совсем немного. И рассказу веришь, из него, несомненно, узнаешь о вещах, происходивших в действительности...»[1,с.203-204].

Большой друг и советчик, почти «личный критик» П. Кучияка, писатель с большим опытом А.Л. Коптелов, сравнивая первые стихотворения со зрелыми, отмечал: «Теперь его стихи были совсем иными, чем первые годы: он все дальше и дальше уходил от традиционных форм фольклора и, приобретая поэтическую самостоятельность, впитывал в себя все лучшее из русской поэзии» [5,с.4].

Все это способствовало творческому росту начинающего писателя П.В. Кучияка. После смерти писателя А. Гарф напишет: «В 1936-1937 годах положение Кучияка на Алтае как писателя было тягостным. Тогдашние руководители алтайским литературным движением объявили прекрасные лирические стихи П.В. Кучияка ненужными, бесполезными и даже вредными. Сам он неоднократно подвергался оскорбительным выпадам. Ему ставили в укор его прошлое, которого он сам никогда не скрывал»[6,с164].

В книге Н.А.Баскакова «Алтайский фольклор и литература» (1948) впервые определены место и роль писателя в развитии алтайской письменной литературы. П. Кучияк назван «крупнейшим поэтом, драматургом и прозаиком». Автор подверг обстоятельству анализу произведение П. Кучияка и дал им положительную оценку. По мнению тюрколога, «наиболее удачными и яркими являются драматургические произведения» [7,с21-22].

Более значительными являются его поэтические произведения, и он подразделяет их на три основные группы: лирику, в которой пре-

обладают произведения, воспевающие природу Алтая; вторую группу составляют стихи на производную тематику; третью он относит к социально-политической тематике. Менее удачным, по мнению Н.А.Баскакова, являются его прозаические произведения.

Вслед за первыми исследователями о жизни и творчестве П. Кучияка писали С.С. Суразаков, Т.С. Тюхтенов, З.С. Казагачева и другие [8]. В монографиях С. Суразакова впервые исследуется личность писателя в связи с его творчеством. Его работа основана на богатом фактографическом и аналитическом материале. Особое внимание исследователь обращает на художественные достоинства произведений. Тем не менее, работа не лишена идеологического налета, присущего исследованиям тех лет.

В книге «Зарождение алтайской литературы» (1962) З. Казагачевой более подробно исследуется жанровое своеобразие творчества П.Кучияка: эпос, лирика, драма. Одновременно отмечается некоторая заданность отдельных тем. По поводу пьесы «Ямы», в частности, она замечает, что «вследствие отражения в литературе ложной концепции об усилении классовой борьбы в период укрепления социалистического строя, автор увлекается искусственным нагнетанием конфликта» [9,с.124].

С тех пор сделано не так уж много, но отдельные грани творчества писателя освещены полнее и глубже. В частности, в работах Г.В. Кондакова отражены взаимосвязи П. Кучияка с русскими писателями, влияние русской литературы на творчество писателя и т.д.

В книге «Литература народов Южной Сибири» (1979) Р. Палкиной произведения П.Кучияка рассмотрены в типологическом сопоставлении с произведениями хакасских, тувинских писателей [10].

Мы благодарны З. С. Казагачевой за публикацию книги «Павел Кучияк. Воспоминания. Дневники. Письма» (1979), где удалось достойно представить каждодневный труд писателя, глазами зарубежных деятелей культуры увидеть и оценить многогранный мир художника. Читая «Воспоминания, письма, дневники», мы, совместно с писателем, сумели заново пережить то время, в котором жил и творил П.В. Кучияк. Даже удалось восстановить историю создания незаконченного романа «Безымянный»- «Адыйок» П.Кучияка [11].

В дальнейшем предстоит продолжить эту поисковую работу, подготовить альбом писателя в фотографиях и воспоминаниях дочерей и сыновей, издать неопубликованные произведения, сравнить из-

данные с неизданными произведениями, короче, предстоит по-новому оценить все его творчество, и если можно, подготовить биографа, текстолога по творчеству П. Кучияка. В этом деле нам, литературоведам, должны помочь, в первую очередь, историки.

Литература.

1. Павел Кучияк. Воспоминания. Дневники. Письма. - Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алт.кн.изд.-ва, 1979.-
2. Енчинов Т. О буржуазно-националистической пропаганде //газ. Красная Ойротия.- Горно-Алтайск, 1936,№72, за 24 мая
3. Коптелов А.Л. Вступительная статья // Кучияк П.В. В горах Алтая, М., 1947.- 48с.
4. Гарф А.Л. Павел Кучияк /Воспоминания/ К 10-тилетию со дня смерти// Сибирские огни. 1953, №3, за май – июнь, 164
5. Кожевников С.Е. Первые страницы алтайской литературы // Кучияк П.В. В родных долинах. – Новосибирск, 1939
6. Кожевников С.Е. Сибирские огни, 1939 №4
7. Баскаков. Н.А. Алтайский фольклор и литература. - Горно-Алтайск: Типография облисполкома, 1948.- 23 с.
8. Суразаков С.С. Павел Васильевич Кучияк. - Горно-Алтайск, 1957;Суразаков С.С. Алтайская литература.- Горно-Алтайск, 1962.- 200с.
9. Казагачева З.С. Зарождение алтайской литературы.-Горно-Алтайск, 1972
10. Палкина Р.А. Роман в литературах народов Южной Сибири.- Горно-Алтайск,1979
11. Киндикова Н.М. Первый роман: замыслы и их воплощение// Киндикова Н.М.Статьи об алтайской литературе.- Горно-Алтайск, 2010. – С.87-90

Судьба родного народа в прозе летописца И. В. Шодоева

Нынче исполняется 100 лет со дня рождения трем алтайским писателям-фронтовикам: И.В. Шодоеву (1914-2006), А.Ф. Саруевой (1914-1981), Ч.И. Енчиновичу (1914-1988). В историко-культурной жизни республики Алтай это событие эпохального значения, поскольку они были не только свидетелями прошедшего века, но и непосредственными участниками событий исторического характера,

творцами документальных и художественных произведений. Александра Федоровна Саруева в годы Великой Отечественной войны, оказавшись студенткой первого курса литературного факультета педагогического института им. А.И. Герцена, по собственному желанию пройдя трехмесячные курсы медсестры, активно участвовала в обороне Ленинграда. Когда вернулась домой контуженная, родственники ее не узнали: кости да кожа в чешуях от истощения. Чот Иванович Енчинов после ранения в августе 1943 года возвратился на малую родину и сочинял произведения о фронтовиках и тружениках тыла. Иван Васильевич Шодоев чудом уцелел на войне и скромно прожил 92 года.

Каждый из вышеупомянутых писателей достоин написания о нем целого исследования, однако из-за отсутствия литературоведов в системе науки и образования Республики Алтай ограничимся лишь юбилейной статьей. Заметим все же, что в соседней Туве издан итог двадцатилетней работы заведующего Научным архивом ТГИ В.С. Салчак под названием «Архив писателя Сергея Пюрбю по тувинской литературе и культуре» (Кызыл, 2013), старшим научным сотрудником ХНИИЯЛИ, к.ф.н. Н.С. Майнагашевой опубликована монография «Жизнь и творчество А.М.Топанова» (Абакан, 2013). А в Якутске создан целый институт по изучению жизни и творчества одного писателя – А.Е. Кулаковского. Мы же пытаемся в течение одного месяца написать монографию об алтайском писателе Л.В. Кокышеве (Киндикова Н.М.«Прожитая жизнь слишком коротка...».- Горно-Алтайск, 2013).

Итак, восемь лет назад ушел из жизни долгожитель из рода ир-кит, ветеран труда и войны, персональный пенсионер, честный труженик и порядочный человек И.В. Шодоев. Никто и не задумался об его творческом наследии, точнее, в каком состоянии находятся его рукописи. Нельзя сказать, что Ивана Васильевича, преданного партийного работника, достойного журналиста и общественного деятеля, Народного писателя Республики Алтай (2005), не знают в республике: почти каждый знал его или читал его произведения. Сам он был неприметным, малоразговорчивым на вид человеком небольшого роста, но сочинял произведения по-богатырски, причем дебют прозаика состоялся после войны, в зрелом возрасте, точнее, в 1958-е годы. Как-то на вопрос молодого журналиста о том, с каким чувством вы воспринимаете награду народного писателя? - он без всякого высокомерия,

очень серьезно ответил: «Я давно признан народным, зачем мне удивляться этому событию».

Действительно, в республике не найдется человека, не прочитавшего произведения И.В. Шодоева, правда, на алтайском языке, поскольку он творил только на родном языке, его произведения при жизни не были переведены на русский и другие языки народов России. Исключение составляют отдельные стихотворения прозаика, опубликованные на страницах местных газет и альманаха. Заметим, свои стихотворения Иван Васильевич публиковал под псевдонимом Сайламан - по имени предка. А одно из произведений - «Кара кӧс»(1963) под названием «Эвир јылдыс» стало популярной песней среди народа. А сочинял он в разных жанрах: детские сказки, рассказы, повести, пьеса, исторические романы. В общей сложности им при жизни издано более 15-ти книг. К великому сожалению, никто из литературоведов не оценил его титанический труд, кроме С.С.Каташ и Р.А.Палкиной. Имеются также статьи писателей и журналистов, написанные в честь юбилея прозаика[1,2]. Тем не менее, имя Ивана Васильевича вошло в энциклопедический словарь «Литературы народов России. XX век» (М: Наука, 2005)[3].

25 лет назад мне впервые посчастливилось расспросить его об его творческом пути, поскольку произведения И.В. Шодоева, как аксакала, как основателя исторической прозы, включались в школьные учебники. И первым делом нас интересовал вопрос: как он, человек всего лишь с начальным образованием, точнее, «самоучка», мог сотворить исторический роман о судьбе своего народа? Тогда, возможно, он впервые подробно рассказал мне о себе, об истории создания своих произведений. Может быть, это одно из первых воспоминаний И.В. Шодоева (1986), которое было опубликовано в сборнике литературно-критических статей под названием «Раздумья об алтайской литературе»(1992)[4]. Впоследствии он уже сам напишет свою автобиографию(1993) и воспоминания о войне (1995) по просьбе редколлегии журнала «Кан-Алтай»[5,6].

Из воспоминаний мне запомнились отдельные эпизоды его жизни о том, как он не раз подвергался опасности для жизни: в детстве чуть не умер от лихорадки, спасло колдовство шаманов; в юности, малограмотного, не владеющего русским языком парня отправили на учебу в Одессу. Его же за акцент приняли за «китайца» и посадили в изоляцию. Освободили при предъявлении документов; в суровые 30-е

годы он чудом уцелел от массовой репрессии, так как в 1936-1938-е годы служил в армии. Когда вернулся, его земляков арестовали, отправили в ссылку. В то время, когда он работал в отделе пропаганды крайкома, ему приписали ярлык «сына белогвардейца». Уволили с работы, не приняли в партию. Спасла И.Шодоева статья коллеги об его незаконном обвинении в газете «Ойротский комсомолец». После этого его пригласили на работу в обком комсомола в Улалу (ныне г. Горно-Алтайск – Н.К.), затем назначили редактором молодежной газеты. А тут за неудачный перевод названия одной статьи его не раз допрашивали сотрудники КГБ. Снова спасли добрые коллеги по перу. Так, жизнь его постоянно висела на волоске, но он уцелел, не говоря уже об его «ранениях до дыр» в Великой Отечественной войне.

Нет необходимости говорить о детской литературе И.В. Шодоева, достаточно назвать повесть «Ирбизек» (1964) или рассказ «Первый шаг» (1968), созданные на основе исторических преданий и реальных событий. Первым названным произведением он обессмертил родословную кыпчаков. Вот как писал И.Шодоев об истории создания своей повести: «Человек по имени Ирбизек действительно проживал в Ябогане Усть-Канского района, правда, в десятых годах XIX века. Его отец по имени Чийне был родом из кыпчаков, сына Ирбизека звали Селбиком. У него было сын и две дочери. Они отличались сноровкой и силой. Дочь Содокы проживала в Ябогане. Сыновья Сайму проживали в Верховьях Ябогана, другой - в Экинуре. С ними я встречался наяву и т.д.» (Смысловой перевод наш - Н.К.) [7]. Эта повесть при жизни автора переиздавалась трижды, переведена на русский язык его супругой Е.Г. Мултуевой, а издана лишь в 2002 году [8]. Поэтика детских рассказов изучена нами в книге «Алтайская литература в новом прочтении»[9].

Помимо этого И.В.Шодоев является автором известных исторических романов: «Трудные годы» («Кызалавду жылдар»,1967) и «На рассвете» («Тан алдында»,1972). Первый переиздавался четырежды (последний издан в 1999 году), название этого романа точнее переводится как грозные годы, так как в нем показано судьбоносное время алтайцев. Именно в этот период алтайцы, находясь в окружении китайцев и монгол, должны были выбрать единственно правильный путь – присоединиться к русским. В отсутствие учебника по истории Горного Алтая этот роман заменял учебник истории алтайцев. По этому произведению люди ориентировались в исторической судьбе

своего народа, поскольку в нем раскрываются события ХУШ веков. О достоверности исторических событий подтверждают, в частности, комментарии, сноски автора в романе. Это издание сопровождается рисунками Заслуженного художника России И.И. Ортонулова.

На вопрос, как он почти без образования, мог написать этот роман, И.В. Шодоев при жизни отвечал так: «Во-первых, с детства не подвела меня моя память, я легко запоминал рассказы старожилов; во-вторых, в советской партийной школе я изучал русскую и казахскую литературу (читал «Войну и мир» Л. Толстого, «Абай» М. Ауэзова и других); в-третьих, преподаватели были умными, рассказывали об истории страны, да и сам я увлекался научными трудами ученых. Специально заказывал труды Чохана Валиханованова из библиотеки Барнаула, изучал Джунгарский период алтайцев и т.д. Так, я приступил к написанию исторической повести «Трудные годы» (позднее ее жанр уточнен как роман – Н.К.)»[5,с.71-72]. Заметим также, что роман писался в свободное от работы время, в выходные и бессонные ночи, так как И.В.Шодоев в то время работал редактором местной газеты «Алтайдыҭ Чолмоны». Помимо всего этого он семьянин: отец приемной дочери и двух сыновей. Как он находил время для творения больших романов и повестей?

Этот роман до сих пор существует лишь в оригинале, по неуточненной информации в свое время его переводил на русский язык писатель Каран Кошев, но рукопись потеряна. Возможно, со временем кто-то возьмется за его перевод и обрадует русскоязычных читателей.

Второй роман – «Перед рассветом» - переведен на русский язык К.Д. Кошевым и готовится к изданию. В «Истории алтайской литературы» (2004) имеется подробный анализ данного произведения [10,с.290]. Тем не менее, два слова скажем о его сюжете. По времени он охватывает исторические события на Алтае, происходившие в начале XX века, точнее, с 1916 года по 1923 годы. В самом начале романа алтайские зайсаны решают вопрос об отправке инородцев на тыловую работу по приказу царя. Ради сохранения своей жизни мужчины вынуждены были поехать, по понятиям алтайцев, на край света. Там, в городе Гродно (Белоруссия) они участвовали в строительстве железной дороги. От этой непосильной для алтайцев работы они освободились лишь после свержения царя. Героями выступают молодые люди по имени Камылды Бадин, Быртыяк Блисов, Богонош, Петр и другие. Через их рассказы, воспоминания, сны мы узнаем об их

близких людях. В частности, удачно нарисована семья Бадиных: Камылды женат на Карастае, которая вынуждена в отсутствии мужа поселиться в аиле свекра по имени Бади и свекрови Кылгай и соблюдать традиции и обычаи алтайцев.

Во второй части показаны участие алтайцев в гражданской войне и их борьба за установление советской власти на Алтае, формируются отряды по уничтожению белобандитов, по созданию советов. В этой борьбе трагически, точнее, зверски погиб Камылды. Тем самым как бы прерывается связь с героями первой части романа. Во вторую часть произведения автор включил ряд новых героев, в том числе исторических личностей, как Г.И. Чорос-Гуркин, П. Гордиенко, Петр Сухов и др. Это смелое и необычное явление в истории алтайской литературы.

Обо всем этом И.В.Шодоев рассказывает в романе как свидетель века и как историк-литератор. Кто из писателей, за исключением П.В. Кучияка (1897-1943), мог знать об этих событиях, а именно, о работе инородцев на тыловой работе по приказу царя. И.В. Шодоев, как журналист и прозаик, в свое время успел расспросить очевидцев тех исторических событий и достоверно раскрыть судьбу многих людей, о чем свидетельствует послесловие автора к роману. В нем прозаик уточнил прототипов своих героев, указал информантов событий столетней давности. Остается лишь запоздало удивляться кропотливому труду, творческому подвижничеству писателя-журналиста. Именно он увековечил свидетелей века, исторических личностей из среды алтайского и русского народов, поскольку героями этой повести выступают реальные люди.

В художественном отношении первая часть романа написана ровно, убедительно, вторая - немного рыхловата, на то есть и свои основания. В годы установления советской власти на Алтае простые люди действительно не могли определиться в выборе пути, поскольку грабили их и белые, и красные. Тем не менее, спустя полвека писатель И.В. Шодоев сумел разобраться в исторических событиях и достоверно раскрыть в романе образы исторических личностей того времени, в том числе образ алтайской женщины А.В.Шупфер-Тозыяковой под именем Айдын Чопошева.

Что касается языка произведения, то не придерешься ни к слову, ни к стилю повествования аксакала, хотя нередко отмечается натурализм, описательность вместо психологизации основных событий и

характеров отдельных героев. Речь героев насыщена народными поговорками, поговорками, меткими изречениями. Помимо всего этого И.В. Шодоев выступает отличным знатоком обычаев и традиций алтайского народа.

Особая речь пойдет о повестях прозаика, посвященных событиям Великой Отечественной войны, поскольку фронтовик И.В. Шодоев за непосредственное участие в боевых сражениях на Донбассе, Сталинградской битве, на Орловско-Курской дуге и других, награжден 3 орденами, 14 медалями.

И что удивительно, первоначально он написал повести: «Побеждающая смерть» (1981), «Сокровище Кемлея» («Кемлейдин эрLINEЗИ, 1987), «Красный комендант» (1987) «Качук» (1989), «Прошедшие дороги» («Öткөн јолымнан», 1995), названный впоследствии «Дороги солдата» («Солдаттын јолдорынан», 2005) и другие, затем воспоминания о войне (1995). В своих воспоминаниях он писал: «В армию я был призван в июле 1941 года и в конце лета уже находился в распоряжении войск Юго-Западного фронта..., а демобилизовался летом 1946 года».

Описывая первое сражение под Белоруссией, он писал: «Когда я снял с плеч скатанную шинель и, чтобы ее просушить, развернул, то ахнул. Она была, как решето, вся в дырах от пуль и осколков. Вечером старшина, выдавая мне новую шинель, проговорил: сержант, ты, видно родился в стальной рубашке. Бог тебя бережет». Далее, И. Шодоев, вспоминая о боях, рассуждал: «И если писать обо всем, например, о том, как мы трое выходили из боя, как в поисках своего полка напоролись на немецкую разведку, как отчаянно отстреливались – получилась бы целая повесть...»[5]. Итак, при жизни ему удалось написать 3 повести о войне, причем, только в одной он считается прототипом, в остальных действуют земляки-фронтовики.

Первую повесть - «Побеждающая смерть» - можно было назвать автобиографическим, однако в нем создан образ обобщенного образа по фамилии Ирбисев. При переиздании данного произведения она переименована как «Вечная слава»(2005), хотя первоначальное название ее точно передает суть произведения. Главный герой Дянап Ирбисев начинает свои боевые действия с доставки «языка». За отличное выполнение боевого задания сержант Ирбисев становится командиром взвода. Повесть состоит из четырех разделов, в каждом из которых раскрывается определенная военная задача: «Несломленная душа», «Побеждающая смерть», «Огонь между землей и небом», «Победа».

Участник войны И.В.Шодоев, как известно, вернулся с фронта с 21 ранениями: один из осколков вынули через 40 лет! Относительно 50-летия Победы над фашистской Германией он в своих воспоминаниях рассуждал так: «С одной стороны меня радует то, что дожил до этого дня, что в трудные годы для Страны Советов времена не был в стороне, а в едином порыве со всеми встал на защиту Родины. В этом благородном подвиге участвовали пять моих братьев. Я вернулся.

Огорчает же и не только меня, но и всех ветеранов войны то, что Советскую власть топчут, уничтожают. А ведь именно эта власть, эта система общества сумела объединить все народы, поднять многих из небытия. Без этого единения победа была бы невозможной» (перевод с оригинала З. Казагачевой) [6,с.9]. В этих словах заключены боль и страдание ветерана войны, озабоченность судьбой будущего поколения. Автор до конца жизни оставался верным своим идеалам, человеком достойным своего времени.

Прототипом второй повести является бывший фронтовик из села Кырлык Усть-Канского района Аtrat Бохтин, кавалер орденов Славы второй степени. Писатель И.В. Шодоев описал подробно его дороги, по которой передвигался молодой солдат с 1942 по 1946 годы. А это - Воронеж и Пенза, Могилев и Бельцы, Украина и Молдавия, Бухарест и Австрия, Чехословакия и самое парадоксальное - через Новосибирск их отправили еще на Дальний Восток и, наконец, только летом 1946 года они возвращаются на Алтай. С точки зрения художественного отображения событий эта повесть особо не отличается, однако по достоверности, правдивости боевых сражений не уступает другим повестям автора. По тому, как он вспоминал о войне, можно судить о героическом подвиге советских солдат, о настоящем патриотизме и интернационализме фронтовиков. С одной стороны, никто из алтайских писателей так подробно не описал войну; с другой - все, что изображено в повести показано правдиво и убедительно. Не случайно литературовед С.С. Каташ особо оценил отдельные эпизоды этой повести: «Достоинством фронтальных повестей И. Шодоева является то, что он показал фронтовую дружбу воинов разных национальностей, их морально-политическое единство и чувство патриотизма, любви к Родине. Писатель сумел передать психологическое напряжение, нервные переживания бойцов, находящихся лицом к лицу со смертью, "смотрящих в ее глаза». Эти сцены не выдуманы. Они реальны, а потому вызывают чувство сопереживания»[1,с.170]

Третья повесть под названием «Качук»(1989) посвящена памяти жены писателя Екатерины Григорьевны Мултуевой (1919-1986), тоже фронтовика второй мировой войны. Несмотря на то, что это произведение написано как воспоминание, образ женщины-фронтовика, матери трех детей выступает ярким образцом активной творческой и общественной деятельности личности. В свое время она, как санитарка, тоже награждена орденом «Великой Отечественной войны второй степени» и медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За трудовую доблесть». В целом, в истории алтайской литературы никто так глубоко и правдиво не изображал Великую Отечественную войну, как прозаик И.В. Шодоев. В этом смысле его имя стоит наряду с такими известными писателями, как Ю.Бондарев в русской литературе, В.Быков в белорусской литературе и многие другие. Проблемой остается подготовка библиографического указателя писателя, воспоминаний о нем, подготовка подстрочного перевода его произведений на русский и другие языки, переиздание переводных книг для нового поколения.

Литература.

1. Каташ С.С. На рубеже двух веков// Мир Алтая. Литературно-художественный альманах.- Горно-Алтайск,2010,№1-2.- С. 167-170
2. Укачин Б.У. Бичиичинин уур жылдары ла жолдоры (Трудные годы и дороги писателя) //Шодоев И.В. Кызалавду жылдар. Роман.- Горно-Алтайск,1984.-С.5-8
3. Литература народов России. XX век.- Москва: Наука,2005.-С. 49.
4. И.В. Шодоевтин эске алынганынан (Из воспоминаний И.В.Шодоева в записи Н.Киндиковой)//Каташев С.М., Киндикова Н.М. Алтай литература керегинде санаалар (Раздумья об алтайской литературе).- Горно-Алтайск,1992.- С.67-72
5. Шодоев И.В. Менин жүрүмим (Моя жизнь).//Алтайские писатели. Юбилейные материалы и автобиографии.- Горно-Алтайск,2001.- С.204-212
6. Шодоев И.В. Я воевал за советскую родину//ж. Кан-Алтай.- Горно-Алтайск,1995,№2(6).- С.7-9
7. Шодоев И.В. Автордон (от автора)// Шодоев И.В. Кызалавду жылдар(«Грозные годы»). Роман. - Горно-Алтайск,1984.-С.4
8. Шодоев И.В. Ирбизек. Повесть (перевод Е.Г. Мултуевой). – Горно-Алтайск, 2002

9. Киндикова Н.М. И.В.Шодоевтин чумдемелдеринин кееркеди-ми (Поэтика произведений И.В.Шодоева//Киндикова Н.М. Алтайская литература в новом прочтении.- Горно-Алтайск,1998.-С.100-105

10. История алтайской литературы в двух книгах. - Горно-Алтайск, 2004.

*Н.С. Майнагашева, к.ф.н,
ст.н.с.ХакНИИЯЛИ*

Литературный портрет М.Е. Кильчичакова: поэт и драматург

Михаил Еремеевич Кильчичаков родился в 1919 году в селе Верхняя Тёя, в живописном местечке Аскизского района Хакасии, в семье крестьянина. Рос в среде народных певцов, хайджи-сказителей и сказочников. Его отец также был сказителем, от кого и получил Михаил первые уроки любви к народной поэзии. С детства он вслушивался в мелодии народных инструментов и красоту художественного слова своего народа, научившись и сам извлекать гармоничные звуки из национального музыкального инструмента *чатхан*, импровизировать, исполнять песни и танцевать. Вероятно, поэтому в 1936 году он шестнадцатилетним юношей попал в хакасский театр, где актёром начинал свою трудовую биографию. Здесь Михаил Еремеевич и знакомится с произведениями отечественной и зарубежной драматургии, увлекается чтением русской классики.

В 1940 году он был призван в армию, а в 1941 году попал на Калининский фронт, был тяжело ранен и в 1942 г. после госпиталя был демобилизован. Работал актёром в родном театре, директором Дома культуры в селе Аскиз. В 1946 г. поступил в Абаканский учительский институт. В это время начал писать первые стихи, рассказы, в литературной обработке публиковал в газете народные предания и легенды. В 1948 г. поступил в Литературный институт им. А. М. Горького на отделение поэзии. Здесь он для себя открыл безбрежный мир литературы, общался с такими известными поэтами как Сергей Наровчатов, Ярослав Смеляков, Михаил Светлов, одним из его педагогов был выдающийся языковед А. А. Реформатский.

В стенах Литературного института М. Кильчичаков написал первую свою пьесу – «Всходы» (1951). В пьесе разворачивается картина

жизни хакасского села в 1920-х годах, вереница событий в жизни народа и отдельных людей. Автор достаточно ёмко показал столкновение традиционных нравственных норм и социальных изменений. Изображение жизни стариков Сыначах и Чулбая тесно связано с традиционным укладом и бытом всего народа. В пьесе М. Кильчичакова образ главного героя Сойана соотносится с образом фольклорного героя–заступника. Его возвращение на родину символизирует преданность родному дому (родное маленькое село предпочёл большому, перспективному, но чужому городу). О своём возвращении он говорит: «Не то что человек, даже птица в родное гнездо возвращается». О самом заветном – о доме, родителях, жизни народа, традициях – герои Кильчичакова говорят народным языком, активно вплетая в речь мудрость пословиц, поговорок, сравнений («Чтобы договориться с Хароолом, нужно лягушачьи рога показать», «Плохого коня жир украшает, плохого человека – одежда», «Одна плешивая скотина может здоровый табун испортить», «У гнилой шубы блоха кусачая, у злого человека язык острый» и др.). В пьесе М. Кильчичакова наблюдаем многоплановость и сложность сюжетных линий, убедительные человеческие характеры, органическое переплетение общественных и личных мотивов в поступках действующих лиц. Драматург показывает глубокие внутренние переживания людей и их судьбы в переломный период.

Важная роль в пьесе М. Кильчичакова отводится речевому самораскрытию персонажей: герои много рассуждают о себе, о жизни народа. Автор проявил глубокий интерес к родному слову, народному юмору. Используемые им афоризмы, выразительные, яркие и образно насыщенные высказывания несут особую энергетику языка. И это позволяет одновременно передать в пьесе лирическое и драматическое, трагическое и ироническое начала. Так, в минуты, когда принимается жизненно важное решение Кужаковым, его сын Адайах, говорит о женитьбе, спрашивает о том, «когда листья сосны опадут, когда реки вспять потекут» – тогда Хызирке даст согласие выйти за него замуж. Адайах как один из отрицательных героев пьесы художественно убедителен, хотя главной его чертой является глупость, и ему отказано автором в элементарном внутреннем мире. Ему в отличие от отца и его оппонентов, сторонников новых идей (Сойан, Хызирке), безразлично будущее.

О мастерстве драматурга Кильчичакова свидетельствуют приёмы внутренней организации драматического произведения, диалоги и монологи целиком и полностью подчинены его сюжетно-композиционной организации.

Герои комедии М. Кильчичакова «Медвежий лог» (1954) – представители разных поколений. Это и представители среднего и молодого поколения, потерявшие тесную связь со своими корнями, и старики, хранители традиционной системы ценностей. Старику Орамаю позволено высказать авторские мысли. Он с высоты прожитых лет рассуждает об основах жизни народа: о традициях складывания крепкой семьи, рода. Воспоминания старика Орамая о прошлом служат неким нравственным уроком и для честолюбивого Орамана Петрокавича, и для юного Иразана. Хотя Орамай и не является воплощением идеального героя, но в мудрости ему не отказано, он является простым носителем морально-нравственных ценностей народа. И именно ему суждено передать молодым вековые знания народа и его обычаи. Он вспоминает о своей молодости и женитьбе, рассказывает молодым об устоях крепкой семьи. Женился старик по обычаям своего народа – он скарамчил понравившуюся девушку и прожил счастливо всю жизнь. В скачках на лучших конях, лирической песне-диалоге парня и девушки, светлом чувстве любви и потомках, продолжателях рода, видит Орамай поэзию жизни. И сожалеет, что теперь времена меняются, и что «нынешнее поколение не такое». Неспроста образ старика Орамая у Кильчичакова соотносится с могучим старым кедром, продолжающим давать плоды и по-прежнему являющимся органической частью экосистемы тайги. Орамай, соблюдая этикет предков, не даёт прямых дидактических наставлений молодым, а путём образных сравнений акцентирует внимание на самом важном. Причём делает это в иносказательной форме, прибегая к сравнениям, сопоставлениям, аналогиям. Также поступает дед Орамай с Ораманом Петрокавичем, человеком, в стремлении к славе потерявшим своё лицо. И в финале пьесы он озвучивает для него исконные заповеди, регулирующие жизнь народа: «Видишь этот старый кедр? Он такой же, как я, но, хоть и старый, он тебя ещё от солнца и дождя защитит... этот древний кедр меня от медведя спас... Как ты думаешь, неужели я этот кедр осмелюсь срубить? Я всегда радуюсь, глядя на него. Он стар, но у него могучие корни в земле. Сколько он дал молодых кед-

ров нашей тайге, сколько ореха дал! И ты делай добро, бери пример с него».

Наставления деда Орамая – это те заповеди, которые корректируют представления человека о быте и жизни вообще, организующие полноту национального бытия.

Убедительны в комедии М. Кильчичакова образы молодых людей. В их лице мы видим собирательный образ многонациональной молодёжи нашей страны эпохи строительства социализма. Но вместе с тем это национальные образы – хакасы по языку, по выражению своих чувств, по своеобразию душевных движений и переживаний. Героини М. Кильчичакова – Ката и Тарика – типичные хакасские девушки, скромные в общении с молодыми людьми. Ката ведёт себя очень сдержанно с Каскаром, так как она пытается скрыть своё истинное отношение к нему (это и есть одна из главных причин в пьесе всех любовных недоразумений). Свою любовь она, как и многие другие действующие лица пьесы, выражает в песнях, в монологе, когда остаётся одна. Любовные перипетии в пьесе М. Кильчичакова осложнены различными недомолвками, недоразумениями. Также автор использует распространённый в фольклоре сюжет похищения невесты. Молодой пастух Иразан, влюблённый в Тарику, дочь деда Орамая, решил умыкнуть её. Но в ночной темноте, не разобравшись, случайно пытался увезти самого деда Орамая, завернув его в одеяло. Но когда всё прояснилось, парню пришлось оправдываться: «Хорошо! А кто меня научил этому? Вы, дед Орамай! От Ваших слов у меня запутались мысли... И потом я просто хотел проверить, крепко ли Вы спите. Люди говорят, что старый охотник спит чутко, но это, оказывается, неправда». Тем не менее, Иразану пришлось выслушать урок нравственности от деда Орамая. Эпизод незначительный, короткий, но он придал комедии особый национальный колорит и зрелищность. Сохраняя в своём творчестве тесную связь с фольклором, драматург Кильчичаков важную роль в поэтике комедии отводит народной песне, передающей глубину чувств человека и выражающей романтическую устремлённость героев, яркую эмоциональность. Через песню передаются тончайшие душевные переживания героев, что характерно для многих народов Азии, в том числе и хакасов.

Впоследствии М. Кильчичаков написал ещё три драматургических произведения: «В доме больного человека», «Почему желтеют листья» и «Ожившие камни». Наибольшую популярность получила

драма «Ожившие камни», на русский язык переведена П. Градовым как драматическая поэма.

Действие в драме, по замыслу М. Кильчичакова, происходит в 1707 году, когда на территории Хакасии шли междоусобные войны, когда народ переживал тяжёлые времена, отдавая двойную дань. В основе драматического конфликта – борьба между хакасскими князьями, чьи воззрения разошлись в выборе исторического пути: одни стремятся присоединиться к России, а другие близки к тому, чтобы уйти под крыло джунгарского князя Чимит хана. Основная сюжетная линия драмы осложнена линией борьбы вступившего в ряды освободителей своего народа от джунгарского гнёта бывшего пастуха, охотника Арчолла с джунгарами, в плен к которым попала его невеста Иртен.

Центральный герой драмы, Арчолл, отважен и храбр, в его образе воплотились лучшие черты национального героя-освободителя. Получив отцовский меч и благословение матери, он обещает смело сражаться с врагами и отстаивать интересы своего народа. Он решителен в своём стремлении уничтожить врага, освободить свой народ от гнёта джунгаров. Находясь в плену и в двух шагах от смерти, он не соглашается принять свободу из рук Абахай, дочери джунгарского хана. Арчолл категорически отвергает её помощь.

Арчолл – характер цельный, верный своим словам и чувствам, его образ органически слит с эпохой, и по изображению и по наполнению характера смыслом – конечно, это идеализированный герой как своим историзмом (участием в столь грандиозных исторических событиях), так и традициями фольклора, когда герой, особенно эпический, смел, могуч и красив, согласно фольклорной эстетике. Он признается: «Тех я не люблю, тех ненавижу, кто собирает у народа дань». Пройдя вместе со своим народом трудный путь войны, Арчолл уверен, что решение князя Ирната послать письмо русскому царю – единственно правильное решение, и сам вызывается доставить письмо. Хотя в финале Арчолл погибает, его доблестное имя, его свободолюбие живёт в памяти народа. По замыслу автора, маленький ребёнок, сын Арчолла, символизирует будущее, и доблестные дела отца должны продолжиться в сыне. Оптимизм и вера в будущее народа также звучат в заключительном монологе хакасского князя Ирната.

Галерея образов, представленных М. Кильчичаковым, отличается разнообразием и драматичностью характеров. Например, в драме

имеют место образы русских парней – Ивашки и Никифора. Дружба Арчола и Ивашки, скреплённая самыми светлыми чувствами, символизирует дружбу двух народов – хакасов и русских. Драма, обращённая к прошлому, говорит о необходимости и важности осмысления своей истории. Общий ход истории, его перипетии драматург запечатлел в поведении и сознании своих героев. Драма М. Кильчичакова воссоздаёт существеннейшие черты времени, исторических событий. Интерес к этому драматическому периоду в истории хакасов был во многом продиктован важностью событий.

Фольклорные истоки поэтики драмы М. Кильчичакова «Ожившие камни» по идейно-эстетическому содержанию, сюжетно-композиционному строению, стилистике речи героев во многом близки героическим сказаниям. Образы персонажей вобрали черты и свойства хакасского национального характера и во многом восходят к этике и эстетике фольклора: как правило, это искусный и смелый охотник, защитник и заступник народа, почитающий свой род и предков. Арчол, обладает всеми качествами охотника и ведет борьбу с врагами – различными тёмными силами, которые стремятся поработить народ. Образ матери главного героя соотносится с образами матери-земли, родины, образ невесты Иртен в драме представлен как сказочный «предмет искания», заставивший отважного Арчола отправиться в далёкий путь. При этом он проявляет находчивость и ум, чтобы победить врага, прибегает к различным хитростям (переодевается в пастуха и др.), вступает в битву, добивается освобождения любимой из рук врага. Мотив похищения невесты в драме становится важнейшим «двигателем» сюжета. Главный герой и некоторые персонажи в драме М. Кильчичакова носят имена героев сказаний (Арчола в народе называют Хан Хылыс, Ирнат матыр, Хартыга матыр), а также героям сказок (Албан, Хусхун, Абахай). Важную роль в поэтике драмы играют символы очага, кургана, солнца и др. Завязкой в композиции произведения служит инициация героя, порой напоминающая элементы типических мест героического сказания. К таким можно отнести взросление героя и вступление его в путь борьбы за свой народ, за свою землю. В пьесе широко используются изобразительно-выразительные средства героического эпоса, через которые представляется возможным продемонстрировать богатство родного языка, и автор особенно часто обращается к распространённым в эпосе постоянным эпитетам: *народ-труженик, подданный народ, лучший*

из птиц, белое облако, голубое облако, родивший отец, кривые-изогнутые дороги, красивая-прекрасная дева, красивые девушки [с лицом] яснее луны и др. Героям драмы М. Кильчичакова свойственна форма обращения к незнакомцу с вопросом о «его реке», о «его земле», о «матери-отце». Хартыга, встретив Арчолу и Албана, спрашивает: «В каком краю ваши земля и дом? / Чьи вы потомки, / К какому роду себя относите?» Герои Кильчичакова ощущают себя частицей природы и обращаются к объектам окружающего мира (берёзе, горе, реке, солнцу птицам, зверям), как и к людям. Арчол обращается к берёзе: «Самые красивые из всех деревьев, / Белые березы, / Не видели ли мою дорогую мать?»

Поэтическое наследие М. Кильчичакова включает в себя стихотворения, рубаи, поэмы, сказки. В стихах Кильчичакова постоянно присутствует тема родной Хакасии, он с любовью воспевает бескрайние степи с курганами, могучие горы, реки и тайгу. В стихотворении «Земля моя – Хакасия» отразилось восхищение родными просторами:

Живым ковром меж снежных гор покоясь,

Горишь жарками – блёстками шитья,

А Енисей, как будто синий пояс,

Обвил тебя, Хакасия моя.

Гощу ли в отдалённой стороне я,

Где голую равнину выжег зной, –

Встаёт и там, отрадно зеленея,

Весенняя тайга передо мной.

Я вижу древние курганы,

Где рыж ковыль, как ржавчина копья, –

Они – как зарубцованные раны

Под сердцем у тебя, земля моя!

Поэта восхищает не только красота родного пейзажа, но волнует и жизнь народа, его история:

Под солнцем сияя,

В дождь промокая,

Курганы стоят –

О былом говорят.

Тесня за Саяны орду Алтын-хана,

Могучее войско с победою шло,

И пела струя Абакана.

Здесь скрежет и стоны умолкли давно...

Оглядываясь назад, в прошлое народа, поэт пишет в другом стихотворении:

Когда здесь навеки народ мой укрыл
Седыми курганами древних могли?
Как белые камни среди ковылей,
Кости алыпов сверкали,
Когда среди стона и звона мечей
Народ за Алтай угоняли.
От слёз высыхала трава до корней,
Землю изрыли копыта.
Волки и вороны кровью людей
Тогда напивались досыта.

Тема родной Хакасии является сквозной во всём поэтическом творчестве М. Кильчичакова, она звучит и в поэмах, и в четверостишиях рубаи, сам поэт – преданный сын своей земли:

Не забуду ни отца, ни мать,
Всю любовь готов я им отдать,
Не придёт мне в голову – Отчизну
На другие земли променять.

В стихотворении «Навстречу солнцу» хакасский поэт восславляет могущество Сибири, высражая чувство гордости за неё:

А вот это –
Наша Сибирь.
Я Хакасию узнаю,
Наши горы,
Изгибы рек,
Здесь,
В моём любимом краю,
Я с рожденья
Свой человек!

М. Кильчичаков – искренний патриот, в то же время он – интернационалист. В его стихах звучат слова истинного восхищения о Туве, Монголии, Швейцарии, Италии в цикле стихов «Зарубежная тетрадь». Тема дружбы народов близка поэту Кильчичакову «как представителю поэтов военного поколения, проделавшему боевой путь по фронтовым дорогам и испытывавшему на себе великую силу и животворное тепло братской дружбы»¹.

В поэтическом творчестве М. Кильчичакова получила развитие тема войны. В стихотворении «Живая кровь» поэт размышляет о единстве народа всей страны, когда, не смотря на разную национальную принадлежность, шли к одной цели, к победе над фашизмом, и спасали жизнь друг другу.

Сам М. Кильчичаков в начале войны был тяжело ранен под городом Ржев, с войны пришёл инвалидом, а жизнь ему спас вековой дуб, защитив от смертельного удара врага, о чём поэт написал в стихотворении «Клятва»:

Но я успел:

Сквозь дым атак пройти уже не раз;

Когда под Ржевом смерть в глаза смотрела,

Случайно дуб меня от смерти спас.

Широкой грудью принял он гранату,

Воин-поэт дал слово вернуться после войны к дубу и сдержал своё слово:

И нынче летом клятву я сдержал

И вот стоим мы в дальней стороне.

Вновь старый дуб звенит листвою мне.

И вот стоим мы рядом – два калеки...

Нет, не случайно вспомнилась война.

Она в огне сдружила

и навеки

нам руки покалечила она...

В конце стихотворения поэт призывает мир никогда не допускать войны:

Нет, не хотим мы, чтобы наши дети

Шли вновь сквозь кровь, и пламя, и металл.

Нет, не допустим, чтобы нивы эти,

Края мои чужой солдат топтал!

Война, непременно, оставила глубокий след в душе воина-поэта. Поэтому Михаилу Кильчичакову так характерен жизнеутверждающий пафос, который красной нитью проходит по всему творчеству. Взгляд поэта останавливается на старой лиственнице, сросшейся со скалой, поэт проводит параллели между картиной природы и человеческой судьбой: на сосне вьют гнёзда птицы, выводят птенцов, и, ка-

ждый год, провожая их, сосна машет им своими ветвями, так и родители провожают в жизнь своих детей.

Интимная лирика М. Кильчичакова богата размышлениями о взаимоотношениях людей. Стихотворение «Сердце друга» посвящено человеку с открытым сердцем, большой душой. И поэт считает, что это большой дар – иметь такого друга. Умение дружить не каждому дано, а порой мы в суете повседневной жизни не успеваем ответить той же взаимной человеческой.

Любовь для поэта – великое чувство, сила, дающая жизнь и такая же тайна, как и сама жизнь человека. В стихотворении «Любовь» поэт пишет:

Если я приду тропинкой в гору,
Скользкий камень под ногой звенит –
Ты мой посох, ты – утёс, который
На пути от ветра заслонит;
Если в зной приду я в тень лесную,
К роднику – а чаши нет в руке,
Ты – ладонь, которой зачерпну я
Свежести и силы в роднике...

Чувство любви необходимо беречь и лелеять, она любит тишину, и, по мнению хакасского поэта, «как стыдливая зорька, она без свидетелей ярче цветёт».

Умело используя традиционный приём параллелизма – сопоставления явлений природы и жизни человека, поэт образно передаёт чувство любви молодых в стиле народной лирической песни *тах-нах*. Мастерство поэта лаконично кратко, психологически глубоко показать драматизм чувств ярко проявилось в стихотворении «На свадьбе»:

Аккордеон запел несмело,
У гармониста в горле ком.
Его жена в наряде белом
Сидит за свадебным столом.
Сидит с другим. Он смотрит мрачно.
Горланят «горько!» старики...
И поцелуи новобрачных
От «горько» этого горьки!..
Горящих взглядов поединок.
«Уйди! – кричат глаза глазам. –

Во имя будущего сына
Дай нынче радоваться нам!
Уйди!»

И, став белее снега,
Отдав им счастье на года,
Во имя жизни человека
Он встал и вышел. Навсегда.

М. Кильчичаков, проникнувшись народной мудростью, красотой народного художественного слова, обращается к жанру рубаи, позволяющему образно, точно сказать о многих явлениях жизни. О любви в одном рубаи сказано:

Любовь, она как горная река.
Ей всё б смеяться, брызгать и сверкать.
Но посторонних глаз любовь не любит.
Она тогда пуглива и робка.

В 1960-е гг. М. Кильчичакова положил начало философской лирике в хакасской литературе. Поэт задаётся вопросом о смысле жизни, о поступках человека. В «Балладе о брёвнах» поэт, используя приём аллегии, говорит о человеческой судьбе. Природой так устроено, и человек, и дерево, уходя из жизни, должны оставлять после себя наследников :

На месте том, где кедр могучий пал,
Встал молодняк разноимённый –
Кедр молодости место уступил,
Хоть был силён он необыкновенно...
Потомок мой придёт за мною вслед,
Народа век не оскорбит другого...
О, ты, моё взволнованное слово,
Могучим будь, как тот таёжный кедр!

Не всегда жизнь одного идёт во благо другим, когда и дерево может жить, «влача существование своё» и «сто тысяч гадов обрели жильё / в его прогнившей середине». И поэт заключает: «Всё зло в бревне на жизненном пути, / знакомо каждому оно, пожалуй».

Поэтический талант М. Кильчичакова более полно раскрылся в жанре поэмы. В целом, вся его лирика тесно связана с национальной духовностью, фольклором, поэтому философское, лиро-эпическое начало имеет место уже в раннем его творчестве. Для эпической поэмы «Хара Хус» характерно осмысление жизни и исторического пути

хакасского народа. Хара Хус – орёл в поэме является олицетворением вечности.

Всё видел он сверху,
Как будто листая
Историю
Древней хакасской земли...

Хара Хус оказался свидетелем многих событий в жизни народа, поэтому поэт обращается к нему:

К тебе, Хара Хус,
Обращаюсь я с речью:
Поведай о том,
Как мужал человек:
О бедах,
О горестях черноголовых...
Хара Хус поведал:
Из тел человеческих
Курганы вставали,
А кровь между ними текла...
Годами над нею
Дымка не видали.

Хара Хус также был свидетелем того, как народ страдал от болезни и голода. В поэме народ сравнивается с «полноводными реками», которые «русло проруют везде: в песке... и в грозных горах – в непреклонном граните», благодаря «великой силе – духу народному». Но тяжела доля батрака, имеет он не «коня вороного», а «костлявую клячу из кляч», его возлюбленная также страдает «от горя, от злобно-го байского норова». Одинокий всадник скачет по ковыльной степи, и лишь матушка-земля понимает его горе-судьбу.

Но всегда есть надежда на лучшую жизнь, и происходящие события времён 1917 г., показанные в поэме, автор связывает с переменами в жизни простого народа. В финале поэмы рисуется картина современной жизни Хакасии – «На берегах Енисея». «В ней – сосредоточие той главной идеи поэмы, на которую проецируется содержание всех предыдущих глав», – отмечает А. Кошелева². На берегах могучего Енисея закипела новая жизнь.

² Кошелева А.Л. Хакасская поэзия 1920–1990-х годов: типология и закономерности развития. – Абакан, 2001, с. 155.

Богатство и красоту художественного слова М. Кильчичаков черпал из фольклора, поэтому большинство его поэм, баллад и сказок основаны на поэтике эпических сказаний, сказок и преданий народа. Вошедшие в сборник «Ожившие камни» (1983) поэма «Алып Пиль Тараан», баллады «Баллада о брёвнах», «Сказание о двух реках», сказки «О том, как птицы царя избирали», «Сказка о том, почему Сарлаах рассердился», «Сказка о том, как спина бурундука полосатой стала», «Пуручек и Тузучах», «Сказание о двух реках» являются свидетельством этому.

М. Кильчичаков немало произведений посвятил детям. Так, в «Сказке о хитрой лисе» поэт, умело используя мотивы народных сказок, раскрывает детям образы хитрой лисы, желающей поживиться на яйцах глупой сороки, смелой и мудрой ласточки, могучего орла. В 1979 году М. Кильчичаков опубликовал сборник стихов для детей «Почему марал сбрасывает рога», где с народной мудростью рассказывает детям о тайнах природы: почему марал сбрасывает рога, чем питается тот или иной зверёк, почему белкам не страшны зимние морозы, а снегири прилетают зимой и др.

М. Е. Кильчичаков стал одним из крупнейших поэтов Сибири XX века, отличавшийся глубоким своеобразием художественного мышления, он обладал глубоким чувством языка и сыграл огромную роль в разработке поэтических приёмов в национальной литературе хакасов.

Литература

1. Карамашева В.А. Творчество хакасских писателей в школе. – Абакан, 1995. – С. 73–118.
2. Карамашева В.А. Русско-хакасские литературные связи. Методическое пособие. – Абакан, 20013. – С. 53–63.
3. Кильчичаков М. Медвежий лог. – М., 1956.
4. Кильчичаков М. Ожившие камни. Стихотворения и поэмы. – М., 1983.
5. Кошелева А.Л. Поэтическое слово Сибири: Учебное пособие для учителей и студентов-филологов. – Абакан, 1996. – С. 25–39.
6. Кошелева А.Л. Хакасская поэзия 1920–1990-х годов: типология и закономерности развития. – Абакан, 2001. – С.76–100.
7. Кошелева А.Л., Майнагашева Н.С., Челтыгмашева Л.В. и др. История хакасской литературы. – Абакан, 2011.

8. Майнагашева Н.С. Кильчичаков Михаил Еремеевич // Литература народов России: XX в.: словарь / [отв. ред. Н.С. Надъярных]; Ин-т мировой литературы им. М. Горького. – М.: Наука, 2005. – С. 312–313.

Литературное наследие Аржана Адарова: проблемы изучения

Литературный портрет Аржана (Владимира) Ойинчиновича Адарова (1932-2005), Заслуженного работника культуры РСФСР (1982), Народного писателя Республики Алтай (2004), лауреата государственной премии им. Г.И. Чорос-Гуркина (2005) написан в «Истории алтайской литературы в двух книгах (Горно-Алтайск, 2004), краткие сведения о нем имеются в энциклопедическом словаре «Литературы народов России. XX век. (М.: Наука, 2005) и краткой энциклопедии «Республика Алтай» (Новосибирск, 2010). Тем не менее, не до конца воссоздана хроника жизни и творчества алтайского поэта, прозаика, драматурга, переводчика и публициста А.О. Адарова, так как в его личном архиве не обнаружена автобиография, до настоящего времени не издан биобиблиографический справочник, не полно раскрыт его дебют в литературе.

Творческое наследие А.Адарова многожанрово. Оно состоит из 20 оригинальных, 14 переведенных на русский и другие языки поэтических сборников, а также из 9 эпических произведений и столько же переведенных им с русского языка на алтайский язык книг, но не собственных произведений. Ведь он творил более полувека!

Если **лирика** и лиро-эпические произведения поэта, в том числе 7 венков сонета, в какой-то степени переведены и известны русскоязычному читателю, то **прозаические** произведения А.Адарова почти не переведены на русский язык. Исключение составляют ранние рассказы писателя в сборнике «Годы и люди»(1962) в переводе московского писателя Бориса Арсентьевича Басаргина. Такие сборники рассказов и повестей, как «Возвращение» (1960), «Ночные звезды»(1961) частично переизданы в 80-е годы прошедшего столетия под названием «Улетевшие журавли»(1980).

Проблемой остается подготовка подстрочных переводов его повести «Дорога в большой мир»(1979) и романов: «Синяя птица смерти»(1993), «Сердце, опаленное огнем»(2001) и «Божественный Алтай, вечная любовь»(2005), созданных в последнее десятилетие.

Особняком стоит книга под названием «Сокровенное слово» (2005), куда наряду с произведениями других авторов вошли балла-

ды, поэмы, венки сонетов, историческая трагедия «Письмо с каганата» Аржана Адарова в переводах Ильи Фоякова и алтайского писателя-переводчика Карана Кошева, а также бесценные переводы в прозе самого А.Адарова древнетюркских текстов с русского научного переложения С.Е. Малова.

Кроме вышеперечисленного существуют **самостоятельные переводы**, осуществленные А.О. Адаровым стихов и прозаических произведений русских и зарубежных классиков литературы (А.С.Пушкин, Н.В. Гоголь, Э.Л. Войнич) и национальных писателей России и СНГ (М.Джалиль «Моабитская тетрадь»(1961), И. Есенберлин «За свободу степей»(1974), Ч. Т.Айтматова «И дольше века длится день» (1988) и другие. Об этом частично сказано в исследованиях алтайских литературоведов Н.Киндиковой, М.Мискиной, А.Алитовой и других. В них сопоставлены тексты оригиналов и перевода их на родной язык, дана первичная оценка переводческой деятельности писателя-переводчика А.Адарова.

Остаются неисследованными переводы русских и зарубежных классиков А.С.Пушкина (Стихотворения, вошедшие в сборник стихов «И назовет меня всяк сущий в ней язык» (1999) и «Сказка о царе Салтане» (1986), Н.В.Гоголя («Страшная месть», 1962), Э.Л.Войнич («Овод», 1960), которые снискали широкий читательский интерес у алтайцев. А.Адаровым переведены также прозаические произведения Н.Г.Никонова «Мальчишки» (1960), Ф.А.Фурманова «Чапаев» (1963), Г.М.Маркова «Отец и сын» (1977), А.Иванова «Вражда»(1984) и др. Переведенные писателем иноязычные произведения ныне стали культурным достоянием алтайского народа.

Характерно то, что последний сборник стихов под названием «Каменное изваяние» («Таш кезер»,2009) передан для издания самим автором, о чем свидетельствуют воспоминания редактора Т.Торбокова в его предисловии: «Рукопись он принес 17 января 2004 года, не дождавшись выхода своей книги, умер 9 июня 2005 года. В неё вошли стихотворения, опубликованные до 2000 года в газете «Звезда Алтая», альманахе «Эл-Алтай», журнале «Мир Алтая», а также нигде неопубликованные строки. Ценность их в том, что эти стихотворения – предсмертные строки поэта, посвященные своему народу».

Что касается **драматургии**, то А.Адаровым созданы в разных жанрах четыре драматургических произведения, написанные на род-

ном языке: «Странный человек»(1983), музыкальная комедия «Женитьба Абайыма» (1986), «Век испытания» (1989) и историческая трагедия «Письмо, посланное из каганата»(2000). Относительно вышеупомянутых произведений, поставленных на сцене национального драмтеатра им. П.В. Кучияка, имеются добротные исследования С.Н. Табанаковой, К.Д. Кошева и других.

Публицистика А.Адарова почти не изучена. В настоящее время первоочередной задачей исследователей являются ознакомление с личным архивом писателя. Среди множества бумаг, черновиков, вариантов, возможно, сохранились неопубликованные рукописи, которых предстоит изучить и подготовить для публикации. При этом исследователям литературы необходимо сравнивать оригинальные тексты с их вариантами и определить их художественную значимость. Без истории текста, комментария, справочного аппарата и исследовательских статей невозможно представить место и значение оригинальных текстов. Обычно научные издания готовят годами, над ними работают целые группы исследователей и текстологов. Мы же пытаемся за короткий срок изучить личный архив классиков алтайской литературы.

У Аржана Ойинчиновича Адарова, как и у его коллег по перу Л.В.Кокышева(1933-1975), Э.М.Палкина(1934-1991), существовало три точки биографического пространства: Каярлык, Москва, Горно-Алтайск.

Населенный пункт Республики Алтай Онгудайского района село **Каярлык** выступает в творчестве поэта в качестве малой родины, однако чаще всего упоминается стоянка Толубай, поскольку, к нашему огорчению, в деревне у многодетной семьи не было даже собственной аила или избушки. Тем не менее, Каярлык – это этнический мир писателя: родители, братья и сестры, родственники, земляки – все то, что вдохновляло писателя на создание первых произведений.

Москва – это огромное культурное пространство, где происходит освоение начинающим поэтом инонационального мира через русскую и зарубежную литературу; это мир обретения новых друзей разной национальности; это знакомство с видными писателями, деятелями искусства и культуры; это мир «трех мушкетеров», как они, три неразлучных друга – А.Адаров, Л.Кокышев, Э.Палкин - называли себя в шутку; это – «дорога большой мир». Точнее, это студенче-

ские годы поэта, его друзья и творчество, издание собственных произведений и т.д.

Горно-Алтайск - это этнокультурное пространство, место постоянного проживания и литературного творчества А.Адарова. А именно, создание Горно-Алтайского отделения Союза писателей (1959), подготовка к проведению дней алтайской литературы и культуры в других республиках, личное знакомство с литераторами многонациональной России и СНГ; это - начало путешествия в соседние и дальние республики, зарубежные страны и континенты. Все это – то, ради чего и во имя чего жил и творил Аржан Ойинчинович Адаров.

Таким образом, Аржан Ойинчинович Адаров оставил нам в наследство и стихи, и поэмы, рассказы и повести, публицистические и литературно-критические статьи, очерки. В последние годы он создавал венки сонетов и романы. Они не переиздавались. Исключение составляют упомянутый выше сборник прозаических произведений «Улетевшие журавли»(1980) и сборник стихов под названием «Моя любовь не умрет»(1982), изданные на родном языке. Опубликовано также «Избранное» (Барнаул, 1985) поэта в переводе на русский язык. В последний сборник вошли произведения, отобранные и композиционно выстроенные самим автором. С точки зрения сегодняшнего прочтения отдельные произведения, конечно, тематически и по содержанию устарели. Однако ценность их в том, что они составлены и изданы при жизни автора.

Настала пора ознакомиться с творческим наследием писателя для того, чтобы когда-нибудь подготовить его полное собрание сочинений. В связи с этим предстоит зафиксировать все то, что создано А.О.Адаровым за прошедшие полвека. Работа с личным архивом писателя только начата. А в перспективе предстоит рассмотреть архивы и других алтайских классиков, творивших во второй половине XX столетия. Что касается литературного наследия А.Адарова, то первоочередной задачей были подготовка библиографического справочника, издание неопубликованных рукописей, написание исследовательских статей, без которых невозможно представить значение «адаровского клада». Острой необходимостью остается создание республиканского литературного музея для классиков алтайской литературы.

Литература

1. История алтайской литературы.- Горно-Алтайск,2004

2. Киндикова Н.М. «Услышь в напевах ветра голос мой...». Исследование о жизни и творчестве писателя. - Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2012.- 84с.

3. Аржан Адаров. Библиографический указатель.- Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2012

4. Алтай литератураны түүкизи.- Горно-Алтайск, 2008. – С.56-71

Феномен личности: писатель разностороннего дарования

«Родился я в далеком селе Горного Алтая, – писал Лазарь Васильевич Кокышев (1933-1975) в одном из своих воспоминаний. – Родное село мое затерялось среди облаков и горных громад. Там, среди шумных водопадов и альпийских лугов, впервые открылся предо мною мир»[1,с.3].

Закат окрасил облака,
В долинах сумрак загустел.
Среди сплетений тальника
Зовет подругу коростель.

Уходят склоны в высоту
Глядят вершины в синеву.
Туман поплыл на Биик-ту,
Роса присела на траву.

О родителях он писал: «Отец не жил с нами. Он стал грамотным и уехал в дальние аймаки на руководящую работу»[1,с.3]. Отсюда и драматизм, и психологизм творчества писателя. На самом деле отец, Василий Константинович, закончив шести месячные курсы повышения квалификации просветительских работников в Центральном институте им. Н.К. Крупской в Москве, работал заведующим отделом по искусству при Ойротском (ныне - Горно-Алтайском – Н.К.) облисполкоме. В 1940 году он был назначен заведующим организационного отдела комсомола Улаганского района и избран секретарем РК ВЛКСМ. Оттуда его и забрали на фронт, погиб в 1942 году на Украине.

Мать, Арина Саналовна, одна вырастила пятерых детей. Будущий поэт познал всю тяжесть сиротства. С детства помогал он матери пастить телят, затем свиней. В своих воспоминаниях он писал: «В ту пору алтайцы называли свиней «чертовым скотом», и когда колхоз впервые приобрел одну свиноматку с восемью поросятами, в моей деревне не нашлось никого, кто бы согласился близко подойти к ним.

Председатель колхоза в порядке приказа передал животных моей матери – она была телятницей. А пасти пришлось мне...»[1,с.3]. К слову сказать, первое прозаическое сочинение Лазаря посвящено описанию падежа свиноматки. Когда председатель колхоза попросил написать акт, то семиклассник написал: «Стоял солнечный день. Цветы и травы качались на ветру. А за речкой на пригорке каталась породистая свиноматка. Однако долго он не катался. Вытянув ножки, закатив глаза, неожиданно испустила дух. Сороковой день наступит 12 августа».

Далее он вспоминал: «Моим любимым занятием тогда было строить города из глины на желтом яру, у реки. Точно такие города как на картинах в учебнике. И о свиньях я, конечно, забывал. А они в это время паслись на картошке самого председателя колхоза. А вечером порка... Когда мать в отчаянии лупила меня, я плакал, не так горько, как над развалинами своих глиняных городов, разрушенных мальчишками посильнее»[1,с.4].

Алтайцы глубоко почитали свою родословную. Лазарь был из рода «комдош», а почитаемой птицей этого рода были лебеди. Так в одном из своих стихотворений поэт описывает случай с лебедями:

Я вспомнил детскую болезнь свою,
Такой не знали старики урочищ –
То весь дрожу, а то пою, пою,
Да дико так, что мне уж смерть пророчат.

Меня сажает бабка на коня,
Везет к аржану, где с подругой лебедь
В то лето жили, - и кропит мня
Водой волшебной...

И молитвой крепит:
«Скорей летите, лебеди, скорей,
За малое дитя просите небо!
Смотрите, он пылает все сильней,
Кричит в бреду, глаза темны и слепы.
Скорее, лебеди, летите к небу...» (Перевод А.Медведева)

Точнее, бабушка просит благословения у родовой птицы. Так, как будто она вылечила своего внука.

В школу Лазарь пошел с шести лет, подражая старшей сестре, он заранее выучил все буквы и цифры. И его зачислили в первый класс. Творческие способности Лазаря проявились слишком рано: в детстве

он экспромтом складно сочинял стихи под стиль народных частушек; легко и точно рисовал портреты, рисунки; заметны были музыкальные, артистические данные.

В годы учебы в Шебалинской районной школе он перевел на родной язык понравившийся ему рассказ «Челкаш» А.М.Горького. Это были первые попытки приблизиться к литературе. Будучи учеником областной национальной средней школы г. Горно-Алтайска, он впервые попал в кружок «Амырги» («Дудка»), организованный старейшим писателем Ч.А. Чунижековым (1898-1973) при редакции газеты «Алтайдын Чолмоны». Так он опубликовал свои первые стихи на страницах местной газеты, совместно с Кучабаем Тужумеевым издал сборник стихов и рассказов «В родном колхозе» (1950). Так, в 17 лет юноша сочинил рассказ «Молодежь», в котором достоверно воссоздана жизнь, быт односельчан, алтайского села военных лет.

По окончании школы, в 1952 году трех выпускников - Аржана Адарова, Лазаря Кокышева, Эркемена Палкина – направили в Литературный институт им. А.М. Горького в Москву. Наставник, друг алтайских писателей А.Л. Коптелов впоследствии напишет: «Их поэтическая способность не только чувствовалась, сколько предполагалась в своем будущем развитии... Были опасения, что они не пройдут по конкурсу, что едва наметившиеся поэтические ростки могут завянуть»[2,с.6].

Так, через пять лет алтайский народ получил трех профессиональных писателей. Дипломную работу Лазарь защитил по переводным стихам, опубликованным в Москве «Стихи»(1958). К тому времени у него были изданы два поэтических сборника - «Золотое озеро» («Алтын-Кель»,1956) и «Туба»(1958) - на родном языке. Руководитель семинара В.А. Луговской высоко оценил творчество молодого поэта. Он писал: «У него зоркий взгляд, он умеет отлично чувствовать жизнь, природу... Все его творчество наполнено светлым, романтическим, поэтическим чувством жизни»[3,с.84]. Один из первых рецензентов В.В.Дементьев заметит, что лирика Л. Кокышева «привлекает к себе внимание смелой и яркой образностью, той цепкостью и точностью взгляда на мир, которые характеризуют незаурядное художественное дарование»[4,с.19]. После окончания Литературного института им. А.М. Горького Л. Кокышев работал редактором книжного издательства, ответственным секретарем Горно-Алтайской писательской организации, научным сотрудником НИИ истории, языка

и литературы, редактором областного радио, редакции газеты «Алтайдын Чолмоны». За свои всего лишь 42 года жизни он написал более десяти поэтических сборников, семь прозаических книг, два драматических произведения, ряд публицистических и литературно-критических статей.

Ранняя лирика Лазаря Васильевича автобиографична, драматична, сюжетна. В ней запечатлена правда жизни, доведенная до поэтического накала. Таковы стихотворения «Отец», «Арина», «Покинутая» и многие другие. Но личное в них существует не само по себе, оно пропущено через опыт народа и потому имеет большое обобщающее значение. К примеру, в первом стихотворении в переводе Ю. Полухина поэт пишет:

Хлопнул дверь, вышел – не простился.
Мать сидела, молча у стола.
Не пришел назад, не возвратился –
Понапрасну, видимо ждала.

Было все запутано и сложно.
Мать сказала:
- Нет у вас отца... -
И забились быстро и тревожно
Детские наивные сердца[5,с.23].

Заслуга переводчика в том, что переживания и думы героя он передал через детское восприятие. Непринужденной интонацией, особенностями ритмики в стихотворении передана тревожная атмосфера того времени: «Но однажды ночью я проснулся,/ Отчего - и сам не мог сказать,/ Я протер глаза и повернулся: / Надо мною наклонилась мать./ - Встань, сынок... Нагрязнул враг проклятый./ Я молчу – спросонья не пойму./ Твой отец идет на фронт солдатом./ Вот, снеси курут (сушеный сырчик – Н.К.), хлеб ему». Казалось бы, после развода мать должна была отвергнуть мужа. Но в этот час в ней заговорила не жалость к человеку, а прощающее все обиды материнское сердце.

А вот другая картина, где мальчик с домашним узелком растерянно ищет среди солдат в военкомате своего отца. «Вдруг, смотрю – отец! В машине./ Я вдогонку бросился за ней...». Машина не остановилась. Завершающие строки звучат: «Наш отец погиб под Сталинградом./ Но нередко думаю сейчас:/Он, наверно, был бы с нами радом, /Если б тот подарок взял от нас». В целом стихотворение отли-

чается силой художественного обобщения, точностью и правдивостью воспроизведения реальных эпизодов жизни.

Таковы стихотворения «Буренушка», «Дети телятницы», «Ожидание» и другие. «Она (буренушка - Н.К.) лежала/ В пасмурных сенях,/ На маму глядя, /Спрашивала будто: /А как же проживешь ты без меня?/А как без молока /Детишки будут?..».

Уже туман за окнами редел,
И мама, обнимая нас,
Рыдала...
Как человек
После хороших дел,
Буренушка
Спокойно умирала.

В последнем повествуется о судьбе труженицы, отягощенной в годы войны непосильным трудом и заботами о собственных детях. Мать, накормив детей мерзлой картошкой, снова думает о завтрашнем дне: «У печки с ярко освещенным пламенем,/ Не смыкая глаз,/ На работу собравшаяся мать стояла,/Как часовая на посту,/ Молча обдумывала завтрашний день».

Истоки лирики Л. Кокышева в устной поэзии народа, о чем свидетельствует обращение поэта к песням, частушкам и создание на их основе собственных произведений. Сборник стихов "Красный цветок" (1960) — подтверждение сказанному. Переживания лирического героя в любовной лирике переданы в форме монолога или диалога (стихотворения "Свадьба", "Обида", "Затаенные думы", "Письмо", "Тебе", "Грусть девушки", "Зимняя дорога" и др.). В них широко использованы фольклорные сюжеты, мотивы, образы. В роли лирического героя выступает деревенский парень, который ждет свидания с любимой девушкой. Однако возлюбленная не явилась, "обещанное кольцо не подарила», из-за чего начались упреки и обиды. Одно из стихотворений, к примеру, начинается с известного песенного куплета и завершается им, только в видоизмененной форме. Стихотворение «Обида» состоит из трех восьмистиший, в которых использованы параллелизм, риторические вопросы и восклицания, соблюдена кольцевая композиция и т. д. Глубокие переживания, страдания парня заканчиваются чистосердечным признанием в любви к возлюбленной. Мелодика народной песни очевидна. В оригинале соблюдена начальная аллитерационная и конечная перекрестная рифма, отмечается

внутренняя ритмика строфы. В целом в этих стихах чувствуется глубокая привязанность и любовь поэта к песням и частушкам.

Зрелая лирика Л. Кокышева загадочна, живописна, музыкальна, философична. Если раньше поэт просто рассказывал об увиденном или пережитом, то теперь он осмысливает и обобщает все это философски. Поэтическим отражением этих раздумий являются сборники «Вторая жизнь» (1963), «Дорога» (1964), «Раздумья» (1967), «Снятся отцы» (1972), «Мечта» (1975) и другие. В них наиболее полно выражены мысли автора о мире и человеке, жизни и смерти, любви вечной. В зрелой лирике Л. Кокышев воспевает величие и красоту Жизни. Подчеркивая важность и идейно-эстетическую значимость этого понятия, поэт пишет: «Люди, не оскверняя друг друга,/ Осознали бы смысл этой Великой Жизни». В переводе И.Фонякова это стихотворение звучит так:

Соседка одинокая в избушке
Всю ночь рыдает, полная тоски.
Клянется парень ласковой подружке:
«Люблю тебя до гробовой доски!»
Течет луна по голубым отрогам,
И знает мир, томящийся без сна,
Что в гости к нам идет по всем дорогам
Огромная и нежная весна.
Но нет конца соседкиным страданьям
Оставил муж: прощай, сказал, навек.
А я, помочь не в силах, с мирозданьем
Беседую в ночи как Улугбек.
Мне звезды выдают свои секреты,
Мне сообщает голос ветровой,
Что дерево могучее вот это
Назавтра вся оденется листвой
И шепчут молодые травы луга,
Шумят с упреком темные кусты:
Зачем вы, люди, мучите друг друга,
Когда на свете столько красоты! [6,с.156].

В стихотворении «Какая тишь!» его лирический герой выражает ощущение радости и счастья оттого, что прекрасна жизнь: «Когда я смотрю на спящую землю родную, /Бесконечно льются слезы из глаз моих./ Если даже позабудут меня люди,/ Все равно хорошо мне в этой жизни...». Многообразие жизни передано поэтом в образе пол-

новодной весны. Аналогия жизни с этим временем года вытекает их национальных традиций. В стихотворении «Летом» раскрывается живой, деятельный мир насекомых и зверей: «Пчела жужжа, собирает мед,/ Меня развлекая, с ветки на ветку прыгают белки,/ Подскакивая на одной ножке возле меня, удивленно остановился кузнечик./ Раскрывая крылья, скрипку свою настроив, /Никогда не услышанную симфонию заиграл». 1966 году трагически погибла его старшая дочь. Поэт глубоко переживал эту потерю и создал ряд шедевров, посвященный шестилетней дочери.

В стихотворении «Жизнь» автор сравнивает ее с волшебством, способным перевоплощаться то в красочный платок девушки, который манит взгляд человека; то в речку, которая утоляет жажду, но никогда не иссякает; то в зореньку, которая все время зовет к себе и т.д.». Жизнь торжествует и тогда, когда человеку тяжело на душе. Об этом свидетельствует стихотворение «Духи отцов обитают на земле Алтая». В нем высказана мысль о непрерывности жизни на земле, о продолжении родословной у алтайцев. Поэт гордится тем, что «несмотря на малочисленность, алтайский народ существует наравне с другими народами».

Особое место в творчестве Л. Кокышева занимает любовная и зарубежная лирика, до сих пор не нашедшая достойных переводчиков. Тем не менее, отдельные стихотворения переведены удачно. Одно из них - «По зимней дороге» - в переводе И. Фоякова звучит так:

Примчусь на бешеных конях
К твоим дверям, войду в твой дом –
И везу тебя в санях,
Накрытых праздничным ковром!

И снег в лицо! И ветер – в грудь!
Еще скорей, еще сильнее!
Никто не сможет повернуть
Моих отчаянных коней!

Засеребрилась прядь волос-
Я сдвинул шапку на ветру.
А ты озябла? Жжет мороз?
Дай щеки снегом разотру!

Ты будешь спать, припав ко мне,
Среди летящей белизны.
Тебе привидятся во сне
Еще не виданные сны.

Проснешься – мы еще в пути,
А в мире столько красоты!
И неосознанно почти,
Любимый!» - тихо скажешь ты... [7,с.194].

В этих строках автор воспел образ возлюбленной. Причем если в ранних стихах поэта ее образ передан в образе редких цветов, птиц, то в зрелых стихотворениях он символизирует одну из ярких звезд Алтая. Поэт пишет: «Туманные глаза твои,/ Словно звезды на небе,/ Вечно сверкают над родной землей./ Нежный голос твой, словно музыка,/ Постоянно звучит в душе моей».

Раздумья поэта о времени и о себе заключены в стихотворениях «Мое поколение», «Последнее письмо», «Письмо будущему поколению». А такие произведения, как «Поэзия», «Молодому поэту», «Песня», «Детям Алтая» остались как завещание потомкам.

Вас отчий дом не держит на пороге,-
В желанные идите города,
Но не забудьте горные отроги,
И свой аил, и мирные стада.

Неровен час – болезни вас согнут,
Беда заглянет в окна –
Не смущайтесь!
К алтайским кедром, дети, возвращайтесь-
Они вам силу прежнюю вернут [8,с.104].

Далее, упоминаются можжевельник, трава-буланат, кислый сырчик, родной язык и сказания о богатырях, подчеркивающие этнокультурную особенность стихотворения в переводе М. Шлаина.

Помимо лирики Л. Кокышев писал лиро-эпические, драматические, сатирические произведения. В частности, поэма «Трубачи» (1966) в переводе Г. Горностаева - это вершина творчества писателя... В лице главного героя Тубы абстрактный прежде (алтайский –

Н.К.) народ обретает лицо и голос» [9,с.10]. Второй вариант этой поэмы (1974), по словам литературоведа Р.А. Палкиной, «свидетельствует о росте мировоззренческого, гражданского и поэтического уровня ее автора, что могло не сказаться на художественности произведения. Проявилось это в широте и глубине изображения историко-политической обстановки тех лет в стране и Горном Алтае. Синтез разговорно-просторечного стиля форм социальной сатиры, фольклорной стилизации, новой реалистической образности, многослойной поэтической речи позволили Л. Кокышеву нарисовать многомерную картину одного из отрезков истории алтайского народа»[10, с.70].

В драме «Туманный Аргут»(1969) отражены события гражданской войны на Алтае. Характерно то, что она создана в стихотворной форме. Возможно, на его стиль повлиял стиль героических сказаний, а также автор опирался на опыт русской литературы. Известно, что в 60-е годы перевел на родной язык историческую драму «Борис Годунов» А.С.Пушкина. В основе ее лежит исторический факт гражданской войны на Алтае. В узкой местности Аргут белый отряд оказал ожесточенное сопротивление красноармейцам, убито много невинных жителей. Л. Кокышев сумел показать переломные моменты истории через судьбы алтайцев, передать характеры героев, ломку их мировоззрения. Так, в числе врагов остается властный, могущественный зайсан Кара-Кула, а его сын, Коро, оказался на стороне многочисленного народа. Диалог отца и сына – это, по словам театроведа С.Н. Тарбанаковой, жестокая борьба непримиримых врагов:

Коро: Отец! Тогда чтобы простил народ,
Сбрось к черту в пропасть этот пулемет.
Пусти к Аргуту нас!

Кара–Кула: Не пропущу!

Меня простите, я вас не прощу!

Отсюда за дорогой я слежу,

Тебя я тоже, сын, не пощажу! (перевод Р.Бухараева)

Коро, несмотря на все идейные разногласия с отцом, любит его и не может первым выстрелить в него. А зайсан Кара-Кула ради власти добивается своей цели. Потерявший человеческий облик, опустошенный и озлобленный, он убивает собственного сына, затем стреляет в его невесту Карану, считая ее виновницей разрыва отца с сыном. Драма «Туманный Аргут» до сих пор считается самым значительным произведением алтайской драматургии[11].

В качестве сатирика Л. Кокышев критиковал существующие недостатки в современной жизни и человеке. В его творчестве отмечаются все виды комического жанра: сатира, юмор, фельетон, эпиграмма, пародия и т.д. Шаржи поэта до сих пор не исследованы.

Прозаические произведения Л.В.Кокышева написаны в жанре рассказа, повести, романа. Отдельные рассказы прозаика существуют в переводе А. Кудинова, первая часть автобиографической повести «Дети гор»(1976) переведена А. Синицыным. Непереведенным остается вторая часть этой повести, в которой отражены школьные годы героя по имени Карабаш и повесть «Сто писем» (1964-1965), опубликованная в 1990 году. В последнем изображены размышления автора о времени и о себе.

Роман «Арина» (1954-1958), как известно, написан Л. Кокышевым в студенческие годы и существует в переводе на русский язык А. Леуткиным (1962) и А. Китайник (1968). Только один факт, что Л.В. Кокышеву удалось написать первый в истории алтайской литературы роман – «Арина» (1954-1958), – свидетельствует об его неординарной одаренности и высоком призвании. Остается лишь задуматься над тем, как 21-летний студент мог написать почти роман-эпопею о судьбе алтайского народа?

Во-первых, за плечами рано повзрослевшего молодого человека был богатый жизненный опыт; во-вторых, соприкосновение с литературой других народов подтолкнуло его к созданию такого широкого полотна; в-третьих, опыт русской литературы и, не в последнюю очередь, собственный писательский талант, литературные способности, этнокультурные традиции, готовность к восприятию мира других культур.

Как известно, прототипом главной героини Арины Карышевой выступала родная мать Л. Кокышева - Арина Саналовна Сабашкина. Алтайское имя ее Куучынчы, что переводится как «разговорчивая». В действительности, ее речь, по словам свидетелей, была необыкновенно богатой, насыщенной народными изречениями, афоризмами, притчами, сказками. Этот ее дар переняла старшая дочь Таисья Васильевна, с кем нам удалось вести неоднократную беседу; этот дар речи передался и Лазарю Кокышеву, приумножившему его своим усердным обучением у классиков русской и зарубежной литературы. После издания роман «Арина» обрел такую популярность, что его перевели на русский, киргизский и тувинский языки. Откуда у молодого романи-

ста такая всепобеждающая любовь к жизни, одновременно трагизм в творчестве? Поэт с детства испытал развод родителей, познал тяготы сиротства при многодетной матери, трудные военные и послевоенные годы сказались в творчестве писателя. Отсюда и чуткость, и нежность к окружающей природе, судьбе родных и близких. Проследившая судьбу одной женщины, Лазарь Кокышев окунулся в почти столетнюю историю алтайского народа, страны в целом.

Через десять лет Л. Кокышев написал очередной роман под названием «Цветок степей»(1969). В ней речь идет о судьбе юной девушки по имени Дергелей Карастанова. Сюжет прост. Действия происходят в годы Великой Отечественной войны. Отец на фронте, мать незаслуженно осудили за кражу скота. Две девочки остались на стоянке родителей пасти колхозных овец. Младшая сестра умирает, не выдержав тяготы жизни, 15-летняя Дергелей своим примерным трудом чабана не только оправдала несправедливое осуждение собственной матери, но и дождалась возвращения отца с фронта. Эти эпизоды нарисованы автором психологически правдиво и живо, что нельзя прочесть роман без слез. Роман дорог еще тем, что прототипом послужила реальный человек по имени Ялкын Телесова, депутат Верховного съезда СССР.

Третий роман «Созвездие Орион»(1971) переиздан к 80-летнему юбилею писателя, до сих пор не переведен на русский язык. В нем повествуется судьба влюбленных: сельской учительницы по имени Лена и выпускника летной школы, фронтовика Карана, оказавшегося ослепленным во время сражения с фашистами. Только вера, надежда и любовь спасает влюбленных верить в торжество новой жизни и будущее.

Особо следует отметить переводы Лазаря Кокышева на родной язык русской и зарубежной классики, отдельных произведений национальных писателей. К таковым относятся книги А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, стихи Т. Шевченко, Р. Бернса, отрывки из романа чешского писателя Ярослава Гашека и другие. Обладая поэтическим видением мира, виртуозно владея стихотворной речью, Л. Кокышев сумел войти в мир иноязычных поэтов и удачно воспроизвести его на родном языке. Переводы Л. Кокышева ныне стали национальным достоянием алтайской культуры.

Характерно то, что он при жизни был назван «классиком алтайской литературы» (М. Кильчичаков), «народным писателем» (У.Садыков), «кумиром алтайского народа» (С.Тюхтенев), «ярчай-

шим талантом многонациональной литературы» (Л.Соболев)[13]. В исследованиях алтайских литературоведов он определен поэтом–философом, прозаиком эпического жанра, трагическим драматургом, гениальным переводчиком, метким сатириком, художником и музыкантом.

«Творческий путь Лазаря Васильевича Кокышева продолжался всего 18 лет. За это время он успел заслужить самое высокое признание читателей и занять почетное место в алтайской литературе. Он создал непревзойденные лирические шедевры, окрашенные высокими чувством и романтикой, первые романы и повести, в которых окончательно утвердил в алтайской литературе реализм самой высокой художественной пробы»- писал С.М. Каташев [14]. После трагической гибели поэта изданы книга «Погиб поэт» юриста Д.И. Табаева и воспоминания о нем «Улыбка поэта»(1997) и исследование о жизни и творчестве «Прожитая жизнь слишком коротка»(2013)[15].

Лазарь Кокышев - как феномен российской многонациональной литературы - дорог нам, алтайцам, как Р. Гамзатов для дагестанцев, Д. Кугультинов для калмыков, М. Карим для башкир, К. Кулиев для балкарцев и т.д. Он жил и творил вместе с другими писателями, коллегами по перу, такими же патриотами своей родины, как А. Адаров, Э. Палкин, Б. Укачин и др. из Алтая, С. Данилов из Якутска, М. Кильчичаков из Хакасии, С. Пюрбю из Тувы, не говоря уже о творческих личностях из ближнего зарубежья.

Литература.

1. Кокышев Л.В. О работе, о себе.// Кокышев Л.В. Арина. Роман.- Новосибирск,1968.- С.3-5
2. Коптелов А.Л. На просеке дружбы//Адаров А.О. Подснежник. Сборник стихов. - Барнаул,1958.- С.3-7
3. Луговской В.А.Отзыв на дипломную работу// Каташ С.С. Литературные портреты.- Горно-Алтайск,1971.- С.84
4. Дементьев В.В. Песни Горного Алтая (О творчестве поэтов Э.Палкина и Л.В.Кокышева)//Дружба народов. - М.,1957,№8.- С.19
5. Кокышев Л.В.Стихи.- М.: Советский писатель,1958.-С.23-25
6. Кокышев Л.В. Весенняя ночь. Горы и звезды. Лирика Горного Алтая в переводах И.Фонякова.- Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского кн. изд-ва,1982.-С.1156

7. Кокышев Л.В. По зимней дороге// Горы и звезды. Лирика Горного Алтая в переводах И.Фонякова.- Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского кн. изд-ва,1982.-С.194
8. Кокышев Л.В. Детям Алтая //Поэты Горного Алтая. – Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство,1972.- С.104-105
9. Чичинов В.И. Мир уцелел, потому что он смеялся.//Кокышев Л.В. Улыбка поэта.- Горно-Алтайск: «Юч-Сумер».-1993.- С.10-17
10. Палкина Р.А. Лазарь Васильевич Кокышев.//История алтайской литературы. Книга 1, Горно-Алтайск: «Юч-Сумер», 2004.- С.70-75
11. Тарбанакова С.Н. Драматургия Л. Кокышева.//Алтайские писатели. Юбилейные материалы и автобиографии.- Горно-Алтайск,2001.- С.26-32
12. Каташ С.С. Идеино-тематическое содержание романов Л.В.Кокышева.//Алтайские писатели. Юбилейные материалы и автобиографии.- Горно-Алтайск,2001.- С.20-26
12. Каташев С.М. Творчество Л.В.Кокышева в контексте современной алтайской литературы.//Алтайские писатели. Юбилейные материалы и автобиографии.- Горно-Алтайск,2001.-С.5-20
13. Кильчичаков М.Е. Воспоминания о Л. Кокышеве// Лазарь Кокышев. Улыбка поэта. - Горно-Алтайск: «Юч-Сумер»,1997. - С.85-87; Тюхтенов, С.С. Из протокола заседания коллектива газеты «Алтайдын Чолмоны» //Там же - С.78-79; Садыков, У.С. Из протокола заседания коллектива газеты «Алтайдын Чолмоны»//Там же.- С.76; Соболев Л. Речь на втором съезде писателей РСФСР.
14. Каташев С.М. Творчество Л.В. Кокышева в контексте современной алтайской литературы.//Алтайские писатели. Юбилейные материалы и автобиографии.- Горно-Алтайск,2001.-С.5-20
15. Табаев Д.И Погиб поэт.- Горно-Алтайск,1997; Кокышев Л.В. Улыбка поэта – Горно-Алтайск: «Юч-Сумер»,1997; Киндикова Н.М. «Прожитая жизнь слишком коротка...». Исследование о жизни и творчестве Л.В. Кокышева. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография,2013-199с.

Материалы к созданию литературной биографии писателя

Казалось бы, литературное наследие классиков алтайской литературы в какой-то степени рассмотрено в алтайском литературоведении: в «Истории алтайской литературы» (2004) написан литератур-

ный портрет писателей Аржана Адарова, Лазаря Кокышева, Эркемена Палкина, Бориса Укачина и других; их имена вошли в энциклопедический словарь «Литературы народов России. XX век»(2005); изданы монографические исследования об их жизни и творчестве [1,2,3,4]. Тем не менее, недостаточно изучен личный архив вышеупомянутых писателей, в частности, архив Эркемена Матыновича Палкина (1934-1991), Заслуженного работника культуры РСФСР(1982), награжденного орденом «Дружба народов»(1984), общественного деятеля, поэта, прозаика, переводчика, публициста. В первую очередь, не найдена автобиография позднего периода, не обнаружены фотографии детских и юношеских лет, недостаточно изучено формирование его как писателя, не написаны воспоминания о нем. Молодому поколению полезно было бы узнать сведения о детских и юношеских годах поэта.

Дебют поэта состоялся в 50-е годы и первым считается стихотворение под названием «Комсомольский билет» (1951), обнаруженное нами в газете «Алтайдын Чолмоны» («Звезда Алтая»). Впоследствии это стихотворение, заметно переработанное, вошло в переизданный к 50-летию поэта сборник стихов «Ак чечек» («Белый цветок»,1984). Заметим, все же, что первоначальный вариант его выглядит лучше переработанного. На страницах местной газеты обнаружена также одна из первых фотографий поэта 1951 года: Э. Палкин вместе со школьными друзьями А. Адаровым, Л. Кокышевым. На ней имеется подпись: «ученики областной национальной школы».

Недавно в личном архиве профессора А.Т. Тыбыковой найден один из первых снимков поэта 1949 года, точнее, ученика 8 класса Онгудайской средней школы. В нем зафиксирован не только Э. Палкин, но и А. Адаров, который был старше его на один год. Но по прибытию в Горно-Алтайск они, точнее, А. Адаров 1932 года рождения, Л. Кокышев - 1933 года и Э. Палкин, оказались в одном классе.

К 80-летию юбилею писателя и общественного деятеля издан «Библиографический указатель» (2014), в котором впервые представлена автобиография Э.Палкина, написанная рукой поэта 11 мая 1959 года. Из нее мы узнаем, что первоначально, точнее, «с 1941 по 1946 годы он учился в Елинской начальной школе, 6 класс закончил в Каярлыкской семилетней школе, а в 7 классе он учился в Каракольской семилетней школе»[7, с.4]. Значит, восьмиклассником он оказался в Онгудайской средней школе, оттуда его перевели в областную на-

циональную среднюю школу г. Горно-Алтайска. Здесь он проучился три года.

Из воспоминаний А. Адарова узнаем о том, что по окончании областной национальной школы они (Здесь имеются в виду Адаров, Палкин, Кокышев – Н.К.) получили приглашение прийти в научно-исследовательский институт истории, языка и литературы, директором которого тогда работал кандидат филологических наук Сазон Саймович Суразаков (1925-1980). Оказалось, там обсуждали кандидатуры поступающих в Литературный институт им.А.М. Горького. Консультант по национальным литературам Борис Арсентьевич Басаргин, приехавший из Москвы, увидев выпускников 10 класса, возмутился: «Да это же дети!.. А в Литературном институте учатся взрослые люди, многие – фронтовики...» [8, с.150-151]. И все же Сазон Саймович настоял, убедил принять их в Литинститут и помог абитуриентам деньгами – выделил по 400 рублей каждому. Директор национальной школы В.К. Плакас тоже выделил по 500 рублей для поездки своих выпускников в Москву. По воспоминаниям матери: «Москвага үренип барарда, кийдирип берер неме бар эмес, бир койды кыркыйла, түгин эки бөстин ортозына салып шидейле, уулыма кийдирип бердим. Ол ло тонды кийеле барган. Жаман да деп айтпады, кийип ле алды. □йдежип, бу өйдө чылап, кем де барбаган. Бойы ла барган. Бир эмеш быштак салып бергем, бойы јаныс ла бичиктерин тудунып алган» (Запись - Н.К.). Так они оказались в столице нашей родины. Проучившись пять лет в Литературном институте им. А.М. Горького, три друга возвращаются на Алтай профессиональными писателями, за плечами которых ряд поэтических сборников.

О своих первых впечатлениях с московскими поэтами вспоминает вдова Э.Палкина, ныне известный литературовед Р.А. Палкина: «Конечно, в нашем маленьком городке Горно-Алтайске они сразу бросались в глаза, потому что были одеты по моде того времени: синие пальто с высокими плечами, белые кепки, узкие брюки и ботинки на толстой подошве. За ними сразу же закрепилось прозвище «стиляги». При этом они были раскованными, особенно Лазарь, и проникнуты патриотизмом. С московских высот смотрели они на жизнь своего народа и готовы были приласкать каждого алтайца»[9].

В автобиографии 1959 года Э.М. Палкин делится со своими радостями. Он, в частности, пишет: «в этом году издана первая книга стихов на русском языке в Москве». Как известно, дебют его состоялся в 1956 году. А в 1958 году издан очередной сборник под назва-

нием «Родные люди», через год в издательстве «Молодая гвардия» опубликован сборник поэта «Такой обычай» (1959) в переводе на русский язык. Все это свидетельство его активного творческого роста. Таким образом, создание литературной биографии Э.М. Палкина – первостепенная задача литературоведческой науки.

«Библиографический указатель»(2014) дорог нам еще и тем, что в него впервые включены воспоминания родных и близких писателя. Прежде всего, интерес представляет воспоминания матери и отца, братьев и сестер. Мать Тана пишет о том, что куда бы ни поехал Эркемен, обязательно присылал записку матери. Отношение матери и сына было нежным и трогательным (уулы энезин јединип алган бызып отулар эмезе больницадан уулы энезине письмо бичип отулар ла о.о. – Н.К.). Все это свидетельство его огромной любви и уважения к матери.

Из фотографий, подобранных для публикации в библиографическом указателе, нас заинтересовала еще одна фотография, в которой запечатлена династия четырех поколений: дедушка Дьорук, отец Матын, поэт Эркемен, и его сын Сумер, не говоря уже о четырех дочерях Сумера... Дедушка, оказывается, дожил до 60-х годов XX столетия, а отец Эркемена - до 90-х годов. Лично я встретила с родителями писателя в конце 80-х годов, будучи аспиранткой ИМЛИ (г. Москва). В летние каникулы я собирала материал о детских годах Э. Палкина, расспрашивала его родителей и родственников. Эти записи ныне хранятся в архиве научно-исследовательского Института алтаистики им. С.С.Суразакова.

Мать поэта происходила из рода «тодош», отец прожил 96 лет, был из рода «телес», а значит, по алтайскому обычаю, Эркемен и Аржан Адаров были близкими родственниками по отцовской линии. В семье родителей было пятеро детей: две дочери и три сына, один из которых, а именно, Эркемен Матынович, стал впоследствии поэтом, а другой – Александр Матынович - ученым, кандидатом физико-математических наук. Одна из дочерей – Клавдия - закончила физико-математический факультет Горно-Алтайского педагогического института и до конца своей жизни проработала в родном селе учительницей.

Литературное наследие Эркемена Матыновича Палкина состоит из нескольких поэтических сборников, ряда поэм и прозаических, публицистических, переводных произведений. С самого начала появ-

ления его творений литературоведы тепло отзывались по поводу его произведений. Причем положительно отзывались такие видные литераторы, как В. Луговской, М. Светлов, В. Иванов, Е. Евтушенко и другие. Отмечали они наблюдательность, образную мощь, широту раздумий алтайского поэта.

Из местных литературоведов о творчестве Э.М.Палкина писали С. Суразаков, С. Каташ, В. Чичинов, Г. Кондаков, Р. Палкина и другие. О нем, как об интеллигентном, добропорядочном, скромном человеке писали также такие коллеги по перу, как писатели А.О. Адаров, Б.У. Укачин, К.Ч. Телесов, Д.Я. Маскина и многие другие.

Один из первых отзывов написан литературоведом С.С. Суразаковым. В частности он писал: «Наиболее крупным произведением Э.Палкина является поэма «Амыр» - поэма о становлении молодой алтайской интеллигенции. В ней дается всестороннее изображение жизни современных алтайцев, отражена целая цепь раздумий поэта, о судьбе своей родины, о ее природе, о своем народе, любовно истолковывается обычай старины и т.д. Поэма построена на автобиографическом материале, и эта автобиографичность позволяет нам глубже заглянуть в душевный мир главного героя – молодого алтайского интеллигента Амыра, страстно любящего свой край и свой народ. Амыр – выходец из среды трудового народа. Он по приезду на родину из Москвы, где учился в вузе, горит жаждой настоящей работы, стремится, как можно скорее и больше сделать для своего народа. Поэма является взволнованным призывом к творческому труду, к созданию высокой социалистической культуры алтайского народа» [10,с.111].

Особый интерес представляет монография «Эркемен - человек ласковый» (1995) критика и литературоведа, д.ф.н., профессора С.С. Каташ. Книга эта посвящена жизни и творчеству писателя. В ней особо подчеркивается доброта алтайского писателя, поскольку в представлении алтайцев в самом имени заключен характер человека. Творчество Э.Палкина представлено в жанровом разнообразии: лирика, поэмы, эпические произведения.

В «Истории алтайской литературы» дан целостный портрет Э.М. Палкина в сопровождении с научным анализом его произведений. Подробно анализированы лирика и поэмы поэта. Особо подчеркнута его скромность, человечность. «Эркемен Палкин был большим жизнелюбом, оптимистом, щедрым, отзывчивым, внимательным и при этом скромным до застенчивости человеком. Личная неординарность в сочетании с мощным поэтическим даром предопределили его ори-

гинальное видение, делали создаваемый им поэтический мир неожиданным и привлекательным»[1,с.88]. Достаточно привести строки из стихотворения «Рысьи спины выгнули тропинки...» в переводе Г.В. Кондакова или «Алтай» в переводе И.О. Фонякова. Отрывок из последнего названного звучит так:

Край, где жили наши предки,
Край, где нам досталось жить,
Рвать крыжовник с мокрой ветки,
Песни новые сложить,
Где, с рождения сердцу милы,
На стоянке под горой
Крыты круглые айлы
Лиственничною корой...
В очаге огонь играет,
И аил издалика
Нам порой напоминает
Шапку с кисточкой дымка.
Смех джигитов загорелых,
Взоры девушек несмелых,
Перекличка птичьих стай –
Родина моя, Алтай! [11,с.70]

К спорным вопросам относится определение жанра прозаического произведения «Алан» (1978). Как известно, оно написано в 60-е годы в контексте развития алтайской прозы под названиями «Жеребенок ржет»(1962) и «Алан»(1966). Переизданная как одна книга в 2-х частях, эти повести названы автором романом. По поводу определения его жанра появились статьи двух литературоведов: Г.В. Кондакова и Р.А. Палкиной [12,13]. И все же, как бы ни называл автор свое произведение, теоретики науки о литературе должны быть точными, едиными в определении его жанра.

Такие коррективы внесены в свое время относительно рассказа П.В. Кучияка «Ескус-Уул (1937) исследователем С.Суразаковым, поскольку автор называл его жанр повестью; а драму Л. Кокышева «Туманный Аргут»(1969) можно отнести к трагедии и т.д.

Заметим также, что «Алан» переиздавался трижды, по мотивам его в 2014 году режиссером Н.Ф. Паштаковым поставлен спектакль на сцене национального драматического театра им. П.В.Кучияка. При переиздании этого произведения можно было включить главу, на-

званную автором эпилогом. Здесь имеется в виду глава под названием «Јазалбаган јол» («Неотремонтированная дорога»), опубликованная в 1967 году в альманахе «Звезда», позднее включенная в книгу «Сердцу милый край» («Бичигенер јакшы, Эрте!», 1997).

За издание неопубликованной при жизни писателя сборник стихов «Земля – мать, Солнце – отец» («Энебис – кун, адабыс – јер»), а также сборник рассказов и переводных стихов и поэм «Нам надо расти, обгоняя года» (2012) мы благодарны исследователю алтайской литературы, к.ф.н., Р.А. Палкиной. Очень надеемся, что в перспективе она соберет в одну книгу воспоминания о писателе, так как уходят из жизни современники, друзья поэта, надо успеть зафиксировать их воспоминания о светлом человеке с доброй душой и талантливом писателе, публицисте, переводчике.

Два слова относительно переводных стихов поэта. При жизни автора изданы два поэтических сборника: «Такой обычай» (1959) и «Родной край» (1976). В новый сборник стихов - «Нам надо расти, обгоняя года» (2012)- вошли свежие переводы его стихотворений и поэм. Переводчиками выступают такие известные поэты, как Г.Кондаков, Е. Стюарт, И. Фоняков, А. Преловский, С. Сомова, А. Сорокин и другие. И что удивительно, в переводах сохранены авторский стиль и манера стихосложения и самое главное – система поэтических образов. Обратимся, например, к стихотворениям, «Сто лет», «Любить по-настоящему» и др. Перевод соответствует оригиналу. Кроме профессиональных переводчиков здесь, возможно, сыграла роль подготовка удачных подстрочников.

Л. Кокышев прожил всего 42 года, Э.Палкин ушел из жизни в 57 лет. Последние дни Э.М. Палкина зафиксированы другом и писателем Аржаном Ойинчиновичем Адаровым (1932-2006). Он вспоминал: «16 апреля 1991 года я лег в больницу. Мы выходили с Эркеменом в старый заброшенный парк. Грустно. Я спрашиваю у него: «Мы, может быть, зря везли этот тяжелый воз? Может быть, нам надо было работать на себя! Уйдем с этого света, вспомнят ли нас?». Эркемен долго молчал, потом грустно посмотрел на меня и сказал: «Каждый выполняет свою миссию на этом свете, не грусти о прошлом, Аржан. Вспомнят или не вспомнят – не знаю. Есть великий судья – время и вечность. Через три дня он умер, стоя там же в парке, а я лежал под многочасовой капельницей. Смерть Лазаря поразила меня молнией, а уход из жизни Эркемена Матыновича и моей жены и друга Надежды сделали мудрее, и перед их светлой памятью я очищаю свою душу!

Каждый день думаю о них. Духи моих братьев Эркемена и Лазаря, ныне и уже и Бориса Укачина всегда рядом со мной. Хочется жить ради их памяти»[14]. Слишком рано ушли из жизни великие творцы алтайской литературы, исторические личности второй половины XX столетия! И все же, скажем с гордостью, что их жизнь ныне продолжается в родном народе, в родном языке и литературе, оставаясь собеседником алтайского читателя, полноправным представителем своей родины. А благодаря переводам на русский и другие языки народов России произведения Эркемена Матыновича Палкина становятся доступными и для других читателей.

Литература.

1. История алтайской литературы в 2-х книгах – Горно-Алтайск,2004; 2. Литературы народов России. XX век.- М. «Наука»,2005;
3. Каташ С.С. Эркемен – человек ласковый.- Барнаул: Алтайское книжное изд-во,1995.- 100с.
4. Киндикова Н.М. «Услышь в напевах ветра голос мой...»Исследование о жизни и творчестве А.О.Адарова.- Горно-Алтайск,2012;
5. Киндикова Н.М. «Прожитая жизнь слишком коротка». Исследование о жизни и творчестве Л.В.Кокышеве.- Горно-Алтайск,2013;
6. Киндикова А.В.Творчество Б.Укачина: тематическое и жанровое своеобразие.- Горно-Алтайск,2006
7. Библиографический указатель. Палкин Эркемен Матынович (Материалы к 80-летию со дня рождения).- Горно-Алтайск,2004.- 112с.
8. Адаров А.О. Старший брат// Сын вечного Алтая.- Горно-Алтайск,1990.-149-160
9. Палкина Р.А. «Он был человеком долга»//газ.Звезда Алтая,2014, за 13 февраля,с.6
10. Суразаков С.С. О развитии алтайской современной литературы// Ученые записки.- Горно-Алтайск,1960,вып.3.- С.100-122
11. Палкин Э.М. «Нам надо расти, обгоняя года...». - Горно-Алтайск: БУ РА Литературно-издательский Дом «Алтын-Туу»,2012.- 224 с.
12. Кондаков Г.В. Алан//Литературное обозрение.- М.,1976,№8.- С43-44;
13. Палкина Р.А Движение к многомерности//Алтайский фольклор и литература.- Горно-Алтайск,1982.-С.28

14. Адаров А.О. Мудрость и совесть алтайской литературы (к 70-летию со дня рождения Э.М.Палкина)//газ. «Звезда Алтая». - Горно-Алтайск,2004,за 14 февраля. – С.4

*С.С. Комбу, к. филол. н.,
Кызыл, Республика Тыва.*

Творчество О.К. Саган-оола: поиски новой личности, нового героя

Олег Саган-оол жил и творил в 40-70-е годы прошлого столетия, в «золотом веке» тувинской литературы. Именно в это время развивалась и возмужалась тувинская литература: писателями, поэтами были освоены и затем развиты разные литературные жанры, формы, написан первый роман тувинской литературы, после чего этот жанр в дальнейшем высоко поднят другими писателями, систематизированы книгопечатания... Одним словом, позитивные тенденции в развитии и тувинской литературы, и нашей республики начаты были именно в эти годы.

Олег Карламович Саган-оол оставил нам в наследство и стихи, и рассказы, и повести, и романы, и пьесы, и киносценарии. О нем написано много. Он был первопроходцем и в освоении новых тем, жанров тувинской литературы, и в переводческой деятельности, и в кинодраматургии. «Зачинатель новых дорог» назвал его критик А. Калзан. «Писатель сердечной нежности» отозвался о нем Народный писатель Тувы М. Кенин-Лопсан. «Первопроходец новых тем» определила его литературовед М. Татаринцева.

О.К. Саган-оол родился 1 января 1913 года в м. Шеми Даахошуна Танну-Тувы. Окончил рабфак в Улан-Удэ (1935), после чего его направили на учебу в Иркутский педагогический институт (1935-1937). Там он проучился недолго, из-за нехватки кадров в молодой республике он вынужден был работать. Свою трудовую деятельность он начал учителем в Учебном комбинате Кызыла. В разные годы он руководил радиокомитетом Тувы в годы Великой Отечественной войны, был прокурором Тувинской Автономной Области, с 1946 по 1971 гг. бессменно руководил Правлением Союза писателей Тувы. Когда создавался Союз писателей Тувинской Народной Республики, он в числе первых был членом с 1942 г., а с 1945 года – член Союза

писателей СССР. То, что он стал членом Правления Союза писателей СССР, говорит о его заслугах и авторитете.

Больше 30 лет он самоотверженно служил литературе и культуре своего края. И он был требователен во всех вопросах, касающихся тувинской литературы и культуры. Обучал многих талантливых, давал мудрейшие советы начинающим, поддержал тех, кому нужна была помощь и житейски, и творчески. Каждый писатель, прежде всего, он и гражданин, и патриот. Жизнь, пройденная Олегом Карламовичем, тому достойное подтверждение.

Творческая деятельность Олега Саган-оола – целое явление в тувинской культуре и классически неповторимо. Его изучают в школах, в вузах республики. Он свою литературную деятельность начал с лирических стихотворений. Первое его стихотворение «Наша родина» было напечатано в 1938 году. Наибольших успехов добился в жанрах прозы и драматургии. Автор книг прозы: «Парень с сумона» (1951), «Произведения» (1958), «Человек из Баян-Тала» (1963), «Счастливая звезда» (1965), «Неудержимые» (1967), «Родные люди» (1970), «Две повести» (1977). Собрание сочинений в двух томах вышло в 1975 г. За свой труд он был награжден орденами Трудового Красного Знамени, Знак почета (1971), медалями «За трудовую доблесть». О. Саган-оол удостоен высокой чести войти в число лиц, названных в книге «Заслуженные люди Тувы XX века».

Велика роль О.К. Саган-оола в развитии тувинской драматургии. В 1944 г. появилась его одноактная сатирическая пьеса «Не состоявшийся пир», где высмеиваются пороки людей. Пьеса «Стремление» (1950) раскрывает характерные особенности перемен в социальной психологии людей. Труженикам сельского хозяйства, некоторым историческим событиям посвящены пьесы «В одном сельсовете» (1954), «Спою тебе» (1957), «Найду всюду» (1957), «Пробуждение» (1957), «Настало время» (1968). Все они – своеобразное драматургическое исследование современного состояния общества и жизни в целом. О. Саган-оол берет в качестве материала для анализа возникновения, развитие и закономерный итог одного события или дела. В них О. Саган-оола получил отражение процесс социальных изменений в характере, психологии тувинца советской эпохи.

О. Саган-оол первым из тувинских писателей обратился к кинодраматургии. Он - автор первого художественного фильма «Люди го-

лубых рек» и «Тыва на перекрестке времен», соавтор фильма «К солнцу двадцать шагов».

Как тонкий знаток народной жизни, он изучал и собирал фольклор, в соавторстве составил сборник «Пословицы и поговорки тувинского народа» (1966), «Мудрость народа» (1976). Также он является автором учебника родной литературы для 6 класса общеобразовательной школы.

Значительное место в его творчестве занимают художественные переводы. Им переведены на тувинский язык «Дубровский» А. Пушкина, «Герой нашего времени» М. Лермонтова, «В людях» М. Горького, «Поднятая целина» (1 том), «Слово о Родине» М. Шолохова, «Конек-Горбунок» П. Ершова, пьеса А. Львовой «За родину», произведения украинских писателей.

Для прозаических произведений О. Саган-оола характерны эпическая широта, анализ психологии героев. Перу писателя принадлежат рассказы, где описывается дореволюционная жизнь Тувы. Саган-оол – автор первых рассказов тувинской литературы. В рассказах «Встреча» (1941), «Скотовод – арат Сандый» (1942), «Дружба» (1946), «Парень из сумона» (1948), «Аржаан» (1956). О. Саган-оол освещает проблемы социалистических преобразований в крае. Рассказы О. Саган-оола показывают склад души тувинца и особенности мироощущения, освещают психологию тувинца изнутри. В них писатель мастерски раскрывает характеры людей тех времен, обусловленные социальными отношениями в новом обществе.

В документальных повестях «Человек из Баян-Тала» (1963), «Счастливая звезда» (1965) показана героика труда сельчан. Особняком стоит романы Олега Саган-оола. В романах «Неудержимые» (1967), «Родные люди» (1970) запечатлены ключевые этапы жизни народа. Жанр романа в творчестве О. Саган-оола – свидетельство зрелости таланта писателя и углубления его концепции жизни. Писатель преодолел романский жанр не сразу, он сначала учился у классиков, в частности переводческая деятельность таких крупных произведений, как «Дубровский» А. Пушкина, «Герой нашего времени» М. Лермонтова, «В людях» М. Горького, «Поднятая целина» М. Шолохова ему стала уроком. Перевод этих произведений привел его к написанию романа.

Жанр романа в творчестве О. Саган-оола – свидетельство зрелости таланта писателя и углубления его концепции жизни. Писатель

преодолел романский жанр не сразу, он сначала учился у классиков, в частности переводческая деятельность таких крупных произведений, как «Поднятая целина» М. Шолохова ему стала уроком. Эта работа привела его к написанию романа. О роли переводческой деятельности писал М.М. Бахтин: «Можно прямо сказать, что европейская романская проза рождается и вырабатывается в процессе свободных переводов чужих произведений». Эти слова теоретика литературы имеют прямое отношение к переводческой деятельности писателя О.К. Саган-оола.

В романах талант прозаика Олега Саган-оола окреп, обрел высокую степень художественной зрелости. Вот поэтому он в своих романах мастерски изобразил целую картину национальной жизни, умел уловить главнейшие узлы в изображении народного характера и истории народа в этот промежуток времени. Он обогатил тувинскую романистику рядом художественных открытий: создал романы с современными темами тогдашнего времени, темами, не открытыми другими. «Два романа, созданные в последние годы жизни писателя, - новое обращение в малоосвоенной тувинской литературой пластам жизни, сельской и городской» - пишет литературовед М. Татаринцева. О новаторстве его романов писал в свое время критик А. Калзан: «Его первый роман появился в свет в 1967 году, впервые в Туве полностью использована в нем характерная для монументального эпоса многолинейная композиционная структура... Саган-оол впервые ввел в тувинскую романистику современную тематику. Его герои – колхозные труженики».

В творчестве писателей старшего поколения тувинской литературы чувствуется автобиографизм и историзм. А в произведениях писателя Олега Саган-оола эти элементы не ощутимы и уже не играют той роли, какую они играют у Салчака Тока, Степана Сарыг-оола. «Как нет двух людей абсолютно похожих друг на друга, так не похожих и произведения национальных писателей. Идейная и тематическая общность проявляется в самых различных и многообразных формах и жанрах. И это вполне понятно, так как у каждого народа свой жизненный путь, своя история формирования, накладывающие свою неизгладимую печать на его характер и его духовный облик. <...> У каждого писателя и свои особенности творческого почерка, обусловленные темпераментом, дарованием, наклонностями и другими индивидуальными чертами характера» – так верно замечает Д. Романенко (131).

Существенной частью процесса формирования жанра романа в те годы в тувинской литературе было становление современной темы, темы преобразования сельского хозяйства. Эта тема нашла свое освещение в романе «Неудержимые» (1967) О. Саган-оола. Роман переведен М. Хадаханэ на русский язык и выпущен в 1972 году в Тув-книгиздательстве.

О. Саган-оол, как опытный прозаик, в своем первом романе «Неудержимые» сразу же вводит читателя в суть изложения. Действие в нем развивается быстро, динамично, с большим накалом страстей. «О Саган-оол в «Неудержимых» очень серьезно отметил движение мысли после XX съезда партии. Изображая председателя колхоза Боражика, он хорошо описывает, как в его сознании назревало это новое время, насыщенное конструктивно-деловой работой» - говорил критик Бровман Г. при обсуждении тувинской литературы в СП РСФСР в 1974 году. Этим романом автор откликнулся на волнующие его социально-философские проблемы. Роман насыщен идеологическими спорами, размышлениями, диалогами, внутренними монологами, сопровождающими сюжетное действие.

Главный герой Боражик – председатель колхоза – символизирует деловитость, разумность, рассудительность представителя первой тувинской интеллигенции. «Боражик – талантливый организатор, очень умный и энергичный человек. Он всегда добивается своей цели» - пишет автор о своем герое. Писатель, пристально вглядываясь в суть жизненных явлений, не обходя острых противоречий, подмечает реальные черты характера труженика сельского хозяйства, руководителя. Образ Боражика показан в движении его незаурядного характера, в тесном единении с народом. В создании образа руководителя писатель удачно избегал стереотипа исключительности. Перед нами простой, задушевный, умный и проникательный, трудолюбивый и вместе с тем принципиальный, смело отстаивающий свою точку зрения человек, руководитель и знающий свое дело, свой народ специалист сельского хозяйства. Прежде всего, этими присущими качествами он подкупает своего читателя.

В этом романе первые из коренного населения специалисты сельского хозяйства изображаются идейными людьми и страстными новаторами, любящие свою работу. В конкретных делах выявляется отношение Боражика с людьми, со специалистами, с партийными руководителями района. Он всегда на работе, он отдает теплоту своего

сердца людям, делу. Писатель с любовью пишет образ Боражика, главного героя романа. И читателем он предстает как благородный и внутренне богатый, красивый, приятный человек: «Смуглолицый Боражик... заметно изменился, появилась седина на висках, но он был подчеркнуто аккуратен и даже моден в одежде, явно не хочет поддаваться возрасту». «Хеймер-оолу понравился председатель. Видно, что он неунывающий человек, твердой воли. На него можно положиться. Есть еще в нем сила молодецкая, – подумал Хеймер-оол. – С таким можно работать...». «Люди, вышедшие из глубин народных масс, всегда привлекают своим размахом и удалью. Они прекрасные практики, хорошие организаторы и деловые люди. Таким был в основе своей Боражик». «Был подтянут, аккуратен, вся сбруя его коня была украшена серебром и красиво звенела при езде... Боражик и правда был приятный человек и интересный собеседник». «Боражику была под силу любая работа. Чем труднее, тем больше у него прибавлялось силы и энергии. Трудности встречались часто, каждый день, но он не унывал. Умело выходил из любого положения. Глядишь: идет и улыбается задорно, как ни в чем не бывало».

Писатель в лице Боражика показывает настоящего руководителя. Такие черты характера, как организаторские способности, неисчерпаемый оптимизм, влюбленность в свое дело, неудержимое стремление к цели писатель отразил в образе Боражика. С большими трудностями сталкивается герой романа, сложные вопросы ставит перед ним жизнь. Он и его специалист-зоотехник против разведения каракулевых овец в условиях Сибири, где морозы зимой достигаются до 40-50 градусов. Сколько ни указывали сверху, они трезво и по-хозяйски решают эту проблему. И решают их не с оглядкой на старое, а смело, принципиально. Боражик – человек умный, мыслящий, привлекает нас не только тем, что он полностью отдает себе людям, колхозному делу, но и своей самобытной личностью. Натура у Боражика беспокойная. Он не надуманный идеальный герой, в нем есть и слабости, присущие человеку. Таковы его отношения с женой, ибо по его мнению жена должна сидеть дома. Весь он поглощен работой, колхозом. И мало внимания уделяет ей, а молодой женщине это не по душе. Он говорит своей жене, что «некогда с тобой нежничать. Колхоз – моя главная забота, а остальное – мелочи. Некогда думать о теплой постели и разных нежностях». Боражик слишком предан своему делу. На этой почве у него возникает разногласие с женой, непонимание их

друг друга. В анализе внутреннего мира главного героя автор добился полноты изображения характера героя.

Вызывает неподдельное восхищение и образ молодого специалиста Хеймер-оола. Его энергия, трудолюбие, огромная любовь к сельской жизни, знания переданы автором с достоверностью. Роман начинается с приездом квалифицированного специалиста Хеймер-оола в родное село, в свой колхоз. Знающее свое дело, именно в работе он находил источник неизменной душевной бодрости, неистребимой жизнерадостности. В этом он походит на Боражика, председателя колхоза. Оба они – люди дела, только дела. «Маленький домик был полон счастья» характеризует автор жизнь своего героя Хеймер-оола. В испытаниях на работе и в жизни Хеймер-оол закаляется и мужает. Хотя в романе не было ни одного слова, читатели чувствуют, что он наследует энергичность, обостренное чувство ответственности за свое дело у Боражика, председателя колхоза. Хеймер-оол обладает и такими чертами, как знание своего дела, сильное рациональное мышление, желание приносить огромную пользу своему делу, народу.

Герои в романе люди разного склада характера. Образ Агар-оола типичный в литературе – образ карьериста, человека, думающего о выгодах только для себя. Он был зоотехником этого же колхоза. Потом повысился до заведующего сельскохозяйственным отделом райисполкома. «Агар-оол интересен, напорист, разговорчив. Вот только хвастлив немного, перебивает человека, но не из последних удальцов» – так характеризует его сам автор устами Хеймер-оола.

Образная структура романа строилась на столкновении героев, в чем проявляется характер каждого. Писатель в своих композиционных приемах не сползает к декларативности и схеме, а с большим художественным тактом выписывает каждый персонаж, стремясь представить его как живую индивидуальную личность.

Роман «Неудержимые» О. Саган-оола отражает новый уровень идеологии и эстетики современной ступени развития общества. В романе даны образы активных людей, реализующихся как герои в идеологических спорах. Как никто, они наделены знанием своего дела, глубоко понимают взгляды своих современников. Очень важные суждения вложены автором в уста зоотехника и председателя колхоза. Они говорили, что увлечение каракулем не дает положительных результатов. Эта порода не годится в местных условиях. Хеймер-оол предложил перспективы в овцеводстве и внедрить новые методы обогащения местной мясо-шерстной породы. Кроме того они убеждены

правильности своих действий, поступков по отношению к работе. Герои романа раскрываются в сфере деятельности. В этих сложных ситуациях выверяется идейный, нравственный облик, истинная ценность этих людей.

Что прекрасны были не только дела преданных колхозному делу людей, но прекрасны они сами – люди неизмеримо богатые своей неиссякаемой любовью к жизни. «У того, кто любит жизнь, – плечи высокие, грудь широкая» пишет сам автор в романе. Вся образная система романа «Неудержимые» О. Саган-оола утверждает веру в человека, его разум, его душевную щедрость.

Они, главные герои, умелые руководители, умеют привлечь людей к труду. В самом названии произведении удачно выражен характер героев – неудержимых и в труде, и в любви, и в жизни. «Я горжусь своими делами, новой жизнью... В наших руках будущее. Мы умеем работать весело. Уж такие мы неудержимые люди...» говорит сам Боражик. Создавая характеры глубоко национальные, писатель О. Саган-оол одновременно отразил в них типические черты людей всей нашей родины, независимо от того, кто и где родился и на каком языке разговаривает.

Успех писателя в удачном гармоническом совмещении им двух начал: эмоционально-повествовательного и социально-философского. Автор добился единства идейно-художественного анализа чувств и действий своих героев. Роман интересен, прежде всего, размышлениями о современном человеке, своим трудом преобразующем мир.

В финале романа «он, как ни старался, был обвинен. Победили сторонники каракуля». Победили в спорах представитель опытной станции Абрамов, заведующий сельскохозяйственным отделом райисполкома Агар-оол. А ведь каракуль в условиях климата этих мест не дают хороших результатов. Сколько ни старались, молодняк рождался слабым, и это приведет к падеж скота. Автор пишет об этом в нескольких словах: «В одном углу сидела Хураганмай с недавно родившимся ягненком на руках. Он был слабый и вялый».

В эпилоге автор показывает Боражика и его коллег победителями. «Как его ни старались втоптать в грязь, он (Боражик) выпрямился, как дерево под лучами весеннего солнца. И вновь уверенно шагал по земле широким размашистым шагом. Только седины прибавилось на голове, но и она украшала и его. Боражик жил верой и победил. Он любил людей и они отвечали ему тем же...».

Кажется, что подводится нравственный итог – идею высокого служения благородной цели, нравственным идеалам общественного прогресса. В финале романа сцену всадников Боражика и Хеймероола на высокой возвышенности около села, где они живут и трудятся, автор символизирует тем, что их дела живы и непобедимы. «Всадники дернули удила и устремились вперед».

Следующий роман О. Саган-оола «Родные люди» вышел в 1970 году. В 1972 году в переводе М. Хадаханэ вышел на русском языке в Тувкнигиздательстве., а в 1976 году - в переводе Р. Тотрова в издательстве «Современник». В нем освещается современная ему жизнь.

Писателя интересует не старое, а новое. В настоящем он пытается увидеть будущее, видит жизнь в движении, развитии. В романе автор большое внимание уделяет развитию характеров. Для писателя важна была прежде всего личность реальная, со всеми свойственными ей положительными и отрицательными эмоциями, характерами и страстями. Таким являлся главный герой Оржежик, который из глуши приехал работать в городе. Он строит молодой город. Для тувинца-кочевника усвоить новое для него занятие, занятие строителя, очень сложное явление. А Оржежик быстро усваивает прогрессивное, передовое. Преодолев свою наивность, робость и простодушие, он становится строителем новой для тувинца жизнь. И не только... Он помогает своей невестке Севиль найти новую для тувинки работу, с его помощью брат распутный Долгай-оол встал на правильный путь. Он звал в город свою маму, но ей, пожилому человеку, трудно было расстаться с родными местами. Формирование новых черт национального характера в рабочей среде – вот что интересовало автора в первую очередь. «Имя этого строителя Оржежик, по-русски Сусленок, который лично ведет повествование. Задушевная интонация героя-рассказчика очень искренна и очень привлекательна. Писатель нашел этого героя в родном Шеми, где родником «журчит» пульс жизни» - так его охарактеризовал писатель М. Кенин-Лопсан этого произведения.

В образе Оржежика писатель отразил качества людей нового времени. Герой запоминается больше всего своей принципиальностью и активностью. Его активность вызвана высокими идейными стимулами и вдохновляется новыми нравственными идеалами. «Оржежик не только видит недостатки, но и стремится искоренить их» - писала литературовед из Горного Алтая Р.А. Палкина. Характер, поступки и внутреннее движение главного героя глубоко ощутимы для читателя. «Характер Оржежика также формируется в динамике. Писатель

изображает становление морального, нравственного облика героя-современника. Это образ тувинца, приобщающегося к новой жизни... – пишет исследователь Р. Палкина. – ...Городская жизнь полна для него неожиданностей. Писателю удалось изобразить становление характера современного тувинца с новым отношением к жизни, к работе, людям»[7].

Его герой сохраняет реалистическую естественность своего характера. Сам процесс привыкания его к новой жизни, в рабочей среде прослежен автором с психологической убедительностью. В романе писатель акцент делает на формирование характера главного героя под влиянием бурно развивающейся истории. На страницах тувинской прозы само появление этого нового образа многое значило, так как он тащит за собой целый ряд людей себе подобных, целый ряд новых образов нового общества. Через образ Оргежика показаны новые характеры строителей, таких как Галя, Бирлей, Оякпан, Вася, молодых энтузиастов с огромной энергии и достоинством. В центре внимания писателя находятся повседневная деятельность новых людей в городе, поэзия и сложность их труда на строительстве, те трудности, с которыми они сталкиваются. Автор сумел найти и смог показать, чем живет современный человек. В этом и заслуга писателя О. Саган-оола в развитии национальной прозы.

Важная черта этого романа – глубинный психологизм характеров людей, строителей новой жизни. В романе Олег Саган-оол обнаружил истинный талант прозаика, который позволил ему от начала действия романа до его логического завершения соблюсти основной закон жанра – единство характеров и художественных обстоятельств, в которых разворачиваются все действия.

Успеху романа «Родные люди» О. Саган-оола способствовало то, что в ней впервые в тувинской литературе нашли должное воплощение образы строителей новой жизни. Автор сумел, прежде всего, через них художественно верно отразить некоторые актуальные проблемы современности, представил их жизненно достоверными, многогранными характерами.

Роман «Родные люди» свидетельствует об усилении образной основы творчества О. Саган-оола. Жизнь строителей в романе представлена не отдельными штрихами, а конкретными судьбами людей, запечатленными во всей их сложности. Писатель О. Саган-оол осваивал новую проблематику, создал образ нового героя, что соответство-

вало глубоким и резким изменениям, произошедшим во всех сферах жизни.

В романе показывается сложное переплетение личного и коллективного. Думается, что основной пафос романа «Родные люди» О. Саган-оола в утверждении необходимости сочетания личного и общественного в психологии нового человека. В этой связи необходимо отметить, что в тувинской литературе сказались поиски новой личности, нового героя. Этим романом впервые в тувинской литературе героем становится рабочий, как главная движущая сила в развитии действительности. В финале романа даны слова самого главного героя. В этих словах выражена идея и суть произведения: «Ничего, мама, не придется тебе за нас краснеть, еще будешь гордиться своими детьми – рабочими людьми... Все мы – родные люди по одной рабочей совести...».

Таким образом, романное творчество тувинского прозаика О.К. Саган-оола приобретает черты, свидетельствующие об обращении к специфическим проблемам, характерным для национальной реальности нового этапа жизни, современности.

Литература

1. Бахтин М.М. Эпос и роман. – СПб, 2000. – 304 с. – С. 205.
2. Татаринцева М.П. Первопроходец новых тем // Тув. правда. – 1983.- 30 января.
3. Калзан А.К. Уроки Олега Саган-оола // Тув. правда. – 1983. – 30 апреля.
4. Романенко Д. Рождение романа. Становление и развитие романа в младописьменных литературах – М., 1970. – 320 с. – С. 87.
5. Москва приветствует тувинцев: обсуждение тув. литературы в СП РСФСР 17 октября 1974 // Улуг-Хем. – 1975. - № 15. – С. 209.
6. Кенин-Лопсан М.Б. Писатель сердечной нежности // Тув. правда. – 2003. – 5 января.
7. Палкина Р.А. Роман в литературах Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 1979. – 123 с. - С. 79.

Личный архив Ш.Шатинова: проблемы публикации

2013 год был богат на юбилеи алтайских писателей: 115 лет старейшему писателю Ч.А.Чунижекову (1897-1973), любимому народом

Л.В. Кокышеву (1933-1975) исполнилось бы 80 лет, известному прозаику Д.Б. Каинчину (1938-2012), поэту и переводчику Ш.П.Шатинову (1938-2009) исполнилось 75 лет, завершился год юбилеем ныне здравствующего поэта Паслея Самыка (1938). О жизни и творчестве каждого из них можно написать целое исследование, однако из-за отсутствия профессиональных специалистов ограничились лишь отдельными статьями об их литературном наследии [1]. К сожалению, в республиканском НИИ необоснованно ликвидирован сектор литературы, занимавшийся проблемами алтайского литературоведения, в столице нет литературного музея, где хранились бы личные архивы классиков алтайской литературы. Литературное наследие алтайских писателей и ученых требует основательного научного изучения и хранения для будущих поколений.

В данной статье речь пойдет о судьбе и литературном наследии малоизученного поэта и переводчика Шатры (Николая) Пепишевича Шатинова (1938-2009), Народного писателя Республики Алтай (2007), лауреата Государственной премии Республики Алтай им. Г.И. Чорос-Гуркина (2009). В начале творческого пути о нем писали такие исследователи, как В.И. Чичинов, С.М. Каташев, Г.В. Кондаков и другие[2]. Необычно сложилась его судьба, неповторимы его творческие искания. Архивные источники, обнаруженные после смерти поэта, дают более полное представление о жизни и творчестве писателя, особенно автобиография, воспоминания, дневники и письма. Опираясь на автобиографию 1968 года, попытаемся составить штрихи к портрету Ш.П. Шатинова [3].

Рос он в учительской семье. В те далекие 30-е годы XX столетия его родители занимались ликвидацией безграмотности в разных селах Онгудайского района Ойротской автономной области (Ныне – Республика Алтай). Отец в 1940 году был призван в армию, а в годы Великой Отечественной войны сражался в боях за освобождение Советской Белоруссии и погиб в 1944 году. «Отца не помню, - писал Ш. Шатинов в своих воспоминаниях. - Помню только его спортивные тапочки 44 размера и демисезонное черное пальто, которых мы поменяли на картошку в то трудное время, и помню кипу книг с красивыми обложками, листки которых потом стали тетрадами моей сестры»[3,с.1]. Мать была по тем временам активной комсомолкой, сочиняла агитационные стихи на страницах областной газеты «Кызыл

Ойрот», одна воспитывала дочь и сына. Сестра будущего поэта Роза пошла по стопам родителей, стала учительницей.

С детства лишенный правого глаза (в глаз младенца попала извесь), Николай учился сначала в Боочинской начальной школе Онгудайского района, затем случайно вместе с другими детьми попадает в областную национальную среднюю школу г. Горно-Алтайска. А поскольку он в списке учащихся не значился, его, неумытого, первоначально не брали в интернат. Пятиклассник три дня спал в гардеробе интерната, и кто-то из воспитателей пожалел смышленного мальчишку, говоря, вдруг из него выйдет какой-то талантливый человек, давайте примем его в школу. Так, впервые Николай попал в ярко освещенную комнату интерната и начал учиться в знаменитой школе, с сокращенным названием ОНСШ. В автобиографии 1968 года Ш. Шатинов пишет: «Я был удивлен большим городом, высотой деревянных домов, множеством детей в интернате. Из-за незнания русского языка на первых порах учеба давалась нелегко. Даже хотел бросить учиться» [3, с.3]. Да и мать ждала возвращения непослушного сына.

Интерес к алтайской литературе проявился у него очень рано. Еще в деревне с шести лет, как вспоминает Николай в своей автобиографии, я читал матери ночами при свете огня печки замечательные сказания из алтайского героического эпоса. Мама плакала, и в сказках и в действительности шла война, враги окружали богатыря, но он, в конце концов, одолевал их, и мы радовались победе богатыря. К первому классу большинство из них я знал наизусть» [3, с.2]. Забегая вперед, скажем, что у него была отличная память на стихи, так как с детства был лишен правого глаза. Свои сочинения читал наизусть часами, прислушиваясь к слову, мелодике стиха и непременно стоя перед аудиторией.

«В школе моими любимыми поэтами были Лермонтов и Кольцов - пишет автор в автобиографии.- Читал Блока, но не понимал. Непривычно было читать Маяковского в лестницу» [3,с.3]. Тем не менее, в 10 классе он опубликовал свое первое стихотворение «Луна» (1957) в местной газете «Алтайдын Чолмоны».

После окончания областной национальной школы он поступил на алтайское отделение Горно-Алтайского пединститута. Вместе с ним учились начинающие тогда поэты Сергей Тоюшев, Таныспай Шинжин. Здесь он с жадностью стал изучать алтайский фольклор и историю алтайцев. «На лекциях М. Бочарова, хорошего знатока русской

поэзии, ему по-новому раскрылись А. Блок и В. Маяковский, поэты большого накала, поэты - страстные ораторы»[3,с.3]. Успешно закончив второй курс, «не удовлетворившись своей профессией», к началу третьего он оставил учебу, устроился корреспондентом, затем литсотрудником редакции газеты «Алтайдын Чолмоны», затем его, грамотного пригласили работать редактором в книжное издательство.

В начале жизненного пути, поддерживая его творческие шаги, ему помогали в трудоустройстве такие алтайские писатели, как А.О. Адаров, Л.В. Кокышев, Э.М. Палкин и другие. По воспоминаниям Шатры Пепишевича: «Они приехали из Москвы молодые, энергичные. «Туба», «Песни сердца», «Амыр» - такие замечательные произведения были подарены молодыми поэтами алтайскому читателю. Новизна образов, сочность языка, смелая постановка вопроса, сознательный патриотизм, образ нового человека, высокая культура слова – все это вызвало живейшее внимание у народа»[3,с.4]. (Здесь он перечислил названия их поэтических сборников, изданных в 1958 году в Горно-Алтайске – Н.К.).

Эти годы не прошли даром. За это время Шатра Шатинов подготовился и поступил в Литературный институт им. А.М. Горького на отделение поэзии и переводчика. За плечами его был ряд опубликованных стихов в местной прессе и коллективных сборниках молодых поэтов: «Молодые голоса»(1960), «Молодое поколение» (1961). Шатра Шатинов учился прилежно, по его воспоминаниям, «считался одним из сильнейших молодых талантов, о нем похвально отзывался В.Д.Захарченко, руководитель поэтического семинара Литературного института»[2,с.3]. Будучи студентом, он познакомился и подружился с такими известными поэтами, как Николай Рубцов, Анатолий Передреев, Олжас Сулейменов, Фикрет Годжа, Леонид Мерзликин, Имант Зиадонис, Юрий Линник, Роберт Винонен и другими. Некоторые из них впоследствии стали переводчиками его произведений.

Из земляков в Литературном институте тогда учились Паслей Самык, Борис Укачин, Александр Ередеев, Кюгей Телесов и другие. Однако помешал большой глаз. К концу 2 курса пришлось лечь в больницу. Желая быстрее протезироваться, он ложится на пластическую операцию глаза в 6 московскую больницу у знаменитого офтальмолога, академика М.М. Краснова, которая проходила не без боли и переживаний. Так, окончив 2-й курс, он с 3 курса уходит с Литинститута, на некоторое время живет у знаменитого поэта Ивана

Ерошина, автора сборника «Синяя юрта», о котором высоко отозвался в свое время французский писатель Ромэн Роллан. Потом он переехал в однокомнатную квартиру сокурсников Ивана Киуру и поэтессы Новеллы Матвеевой на улице Беговой в писательском доме г. Москва. В те годы по соседству к ним жила переводчица алтайской сказки Анна Львовна Гарф. В эти годы он подготовил подстрочные переводы собственных стихов, печатался на страницах московских газет: «Московский комсомолец», «Московская правда». Однако в Москве не проживешь только на гонорары, надо было как-то зарабатывать. Первый его сборник издан на родном языке под названием «Родная земля» (Горно-Алтайск, 1963).

В середине 60-х годов Шатра Шатинов исколесил всю страну с востока на запад, с севера на юг. Он побывал в Казахстане, Средней Азии, на Кавказе, в Крыму, на Украине, в Прибалтике, на Кольском полуострове, в Воркуте, Свердловске. В автобиографии 1968 года он писал: «Годы «странствий» после института были самыми интересными». Путешествуя по стране, попутно он нашел пропавшего на войне дядю по отцу, лечившегося в военном госпитале (г. Киев), могилу своего отца (в Полесской области Белоруссии, местечко Васильевичи) и т.д. К этому времени он созрел духовно для серьезных стихов, издал очередной сборник под названием «Настал день» (1966).

По возвращении на Алтай, он трудится на различных работах, лишь бы заработать на собственное проживание. В 1967 году, выдержав огромный конкурс, поступил на 1 курс философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В те годы, наверное, он был одним из первых студентов-философов из Алтая. В его личном архиве нами обнаружен дневник поэта, где зафиксирован каждый час его жизни и учебы. Но университет он не закончил... Зато обрел веру в самого себя, в жизнь, в свое творчество.

В 70-80-е годы наряду с изданием собственных книг на родном языке: повесть «Талисман» (1971), сборник стихов «Тихие звезды» (1973), он много занимается переводами стихов тувинских, якутских поэтов [4]. Заметным явлением в культурной жизни области стало издание трагедии «В ночь лунного затмения» (1978) башкирского писателя Мустая Карима на алтайский язык. В этот год его приняли в члены Союза писателей.

Из русской классики Ш. Шатиновым переведены в 60-е годы маленькие пьесы А.П. Чехова, стихотворения М.Ю. Лермонтова, поэма

«Петрусь» Т. Шевченко, а 70-е годы он приступил к переводу отрывков из романа в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина. В личном архиве поэта сохранилась конторская тетрадь, на которой в три столбца записаны строки пушкинского стиха: смысловой перевод, подборка подходящих слов, чеканка строфы. К сожалению, труд переводчика не оплачен и работа эта приостановлена. Тем не менее, отрывки опубликованы в местной прессе и высоко оценены. Одновременно Ш.Шатинов переводил на родной язык рассказы азербайджанского писателя Сейрана Сахавета «Мир по ту сторону дверей» (1985) совместно с алтайским прозаиком Д.Б. Каинчиным.

В виду с подготовкой труппы для национального театра, в 90-е годы XX столетия его попросили заняться преподавательской деятельностью в высшем театральном училище им.М.С. Щепкина в Москве (1993-1997). В те годы им переведены на родной алтайский язык ряд произведений русской и зарубежной классики, в том числе отрывки из произведений В.М. Шукшина, пьесы А.П. Чехова, Н. Гоголя, А. Островского и других. К сожалению, они лежат неопубликованными в личном архиве и архиве национального драмтеатра им. П.В. Кучияка. Они ценны не столько как литературный, но как языковедческий материал. Таким богатым языком из алтайских переводчиков еще никто не владеет. Из зарубежной литературы Шатрой Шатиновым переведены на родной язык, кроме вышеупомянутых, «Пигмалион» Б. Шоу, «Мещанин во дворянстве» Ж.Б. Мольера, «Трактирщица» К. Гальдони и т.д. Простой перечень трудов профессионального переводчика ничего не значит, необходимо соприкоснуться с разностилевой рукописью, поэзией сотворчества этого удивительного поэта.

Относительно своего перевода он, как творческий человек, писал: «И сейчас бьюсь над «Гамлетом», одной из сильнейших произведений великого мастера. Он на недостижимой высоте парит или по земле царственно проходит, а я как нищий плетусь за ним смиренно, приноравливая наш язык к утонченностям Запада. Дело в том, что наш язык предметен, конкретен, в нем мало абстрактных слов, устойчивых символов и терминов христианского понимания. Короче, в некотором роде приходится заниматься словотворчеством. Были, конечно, слова, обозначающие объемистые понятия на нашем языке. Но с течением времени они уходят из обихода и старики их уносят с собой»[5].

Вернувшись из Москвы, он продолжил руководить литературным кружком «Сокровенный Алтай» молодых талантов в Усть-Канском райцентре. В свое время он написал гимн района, считался Почетным гражданином МО «Усть-Канский район» (2007) Его, Народного писателя РА, лауреата премии им. Г.И. Чорос-Гуркина оценили поздно, но заслуженно.

Таким образом, литературное наследие Шатры Пепишевича Шатинова огромно и состоит из более 10 опубликованных поэтических сборников, повести, рассказа, столько же неизданных переводов - драматических произведений русской и зарубежной классики, которые, к нашему сожалению, аккуратно лежат в личном архиве писателя в связке. Автором подготовлены подстрочники собственных произведений для профессионального переложения на русский язык. Проблемой остается поиск настоящих переводчиков. Легко ли найти достойного переводчика, если не оплачивается их труд? Второе, разбросанные переводы Шатры Пепишевича необходимо привести в порядок. Подготовленные автором переводы обязательно подлежат подготовке к изданию.

Третье, готовые рукописи – переводы драматических произведений -необходимо издать на алтайском языке, так как они сыграны на сцене национального драмтеатра. Остается поискать энтузиастов или спонсоров для издания, хотя хранение и издание литературного наследия алтайских писателей не частное, а государственное дело. В ближайшие годы остается претворить задуманное в производство – подготовить рукописи поэта и переводчика Шатры Шатинова к изданию.

Из вышесказанного явствует, что литературное наследие Шатры Шатинова неисчерпаемо. Лишь в 2006 году частично переизданы его сборники стихов под названием «Годы и струны» на родном языке. Подготовленные им подстрочники собственных стихов лежат в его личном архиве. Над ними он работал с 1973 по 1975 е годы. Даже задумано название – «Под небом Каракола». Наряду с подстрочниками нами обнаружены школьные тетради, на которых указаны названия поэтических сборников в переводе. Возможно, он собирался подготовить подстрочники к каждому сборнику стихов. К сожалению, они не завершены, а, может быть, не нашлось профессионального переводчика, кто бы идентично воспроизводил его поэтические строки. А слог Ш. Шатинова, как известно, редко поддается точному переводу. Стихи его по форме напоминают спичечную коробку; с четырех

сторон четки и содержательно емки: ни слова невозможно выбросить, да и стихосложение его необычное. А в образном плане каждая строфа метафорична и многозначна. Обратимся к подстрочному переводу автора одного из стихотворений, найденного в его личном архиве.

Мне бы быть бессмертным кедром
Каракольской стороны.
В стужу и зной, в непогоду любую
Вечно зеленеть и петь.

Чтобы, корнями расколов граниты вековые,
Новым побегам расчищать путь.
И целовать знамя высот -
Беспредельную синеву.

(подстрочный перевод автора).

До настоящего времени неопубликованными остаются переведенные им рукописи драматических произведений. Только в республиканском драмтеатре обнаружено шесть рукописей Ш.П. Шатинова: «Гамлет» и «Отелло» В. Шекспира, «Женитьба» и «Ревизор» Н. Гоголя, «Банкрот» А. Островского, драма «Власть тьмы» Л. Толстого! Оказалось, в 2008 году он лично ходатайствовал об их издании отдельной книгой. К сожалению, они не изданы, даже «Отелло» В. Шекспира лежит в рукописном виде. В подсчете самого автора переводы составляют объемом около 200 машинописных листов. За полвека Ш. Шатиновым сотворено столько (не говоря о переводе им произведений национальных писателей), что каждое произведение стоит научного изучения.

В целом над архивом поэта и переводчика предстоит заниматься не одному исследователю. Что касается переводов его произведений, то они публиковались с 1961 года в центральных, краевых, местных газетах и журналах, но не было поэтического сборника. Его переводчиками выступали такие профессионалы, как Новелла Матвеева, Геннадий Шуров, Олег Бузулук, Роберт Винонен, Марк Юдалевич, Георгий Кондаков, Геннадий Володин и многие другие. Их труд за просто составит целый сборник![6].

Таким образом, Шатра Пепишевич Шатинов был поэтом и переводчиком высокого класса, мастером культуры алтайского стиха. Его творчество ныне становится школой поэтического мастерства не только для начинающих, но и сложившихся поэтов.

Список использованной литературы.

1. Киндикова А.В. Творчество Б.У. Укачина: тематическое и жанровое своеобразие. - Горно-Алтайск, 2005.- 172с.; Текенова У.Н. Художественный мир Дибаша Каинчина.- Горно-Алтайск, 2012.- 179с.; Тадырова А.Б. Поэзия Ш. Шатинова: система образов и жаровое своеобразие. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук.- Казань, 2012.- 24с.; Киндикова Н.М. «Прожитая жизнь слишком коротка...». (Исследование о жизни и творчестве Л.В.Кокышева). – Горно-Алтайск, 2013.- 199с.
2. Чичинов В.И. Надо набирать высоту// газ «Звезда Алтай», 1967, за 29 января, с.4; Каташев С.М. Об алтайском стихосложении. – Горно-Алтайск, 1974 (на алтайском языке); Кондаков Г.В. «Шепот, робкое дыхание»// газ. «Звезда Алтай», 1989, за 19 сентября, с.4; Киндикова Н.М. Эволюция образной системы в алтайской лирике. - Горно-Алтайск, 1989. - С.112-114
3. Автобиография Ш.П. Шатинова. Личный архив писателя.
4. Северное сияние. Сборник произведений якутских писателей на алтайском языке. - Горно-Алтайск, 1974; Голос братской литературы. Сборник произведений тувинских писателей на алтайском языке.- Горно-Алтайск, 1978
5. Воспоминания Ш.Шатинова. Личный архив писателя.
6. Шатинов Ш.П. «В каждой росинке звезда». Сборник стихов на русском языке (Составитель и редактор Н. М. Киндикова). – Горно-Алтайск, 2013. – 90 с.

Слово о поэте П. Самык

Вряд ли когда отмечался юбилей писателя Василия Тордоевича Самыкова, но 75-летний юбилей отметили особо. Конечно, встречи с читателями, алтаеоведами, со студентами состоялись и раньше, даже конференции проводились, но всенародного праздника до этой даты никогда не было, разве что земляки как-то устроили юбилей своего народного поэта.

Причиной этому является, во-первых, скромность поэта. Для него есть читатели - алтайские и русские - и ладно. Поскольку у него имеется достаточно переводных поэтических сборников.

Помнится, незнакомый мне читатель, держа в руках сборник стихов П. Самыка, интересовался, сколько лет поэту. Услышав тогда, что

ему уже за 70 лет, он не поверил, так как если судить по стихам, он – «вечно молодой», целеустремленный, широко мыслящий поэт. Во-вторых, возможно, причиной является дата его рождения – 26 декабря. К концу года все озабочены проведением Нового года, зачем мешать всенародному празднику? В-третьих, могли отметить в узком кругу писатели. Но год выдался «урожайным» на юбилеи писателей: 75 лет исполнилось бы С. Манитову, Д.Каинчину, Ш.Шатинову... Казалось бы, «устали» от юбилеев. Но Василия Тордоевича Самыкова (Паслея Самыка), народного писателя Республики Алтай, Заслуженного работника культуры Российской Федерации чествовали в национальном драмтеатре им. П.В.Кучияка на высоком уровне. Собрались все читатели и почитатели, друзья и знакомые, родные и близкие, родственники и дети.

П.Самык относится к плеяде легендарных поэтов, ныне ушедших из жизни алтайских писателей, он - свидетель писательских судеб, литературных событий российского масштаба. Его необходимо расспрашивать, а творчество изучать монографически. К сожалению, одному литературоведу непосильно изучение литературного наследия целого поколения.

Свою исследовательскую деятельность я начинала с рассмотрения образного мира поэта. Меня, прежде всего, удивила необычность образного мышления и стихосложения поэта. Да, он отличался от своих предшественников именно масштабностью мышления, необычным видением, эпическим складом ума. Конечно, отмечается и песенность его стихотворений, но отличный от своих современников. Сравнивая трех разных поэтов Л.Кокышева, Ш.Шатинова, П.Самыка в свое время я отмечала: если Лазарь Кокышев все время ведет разговор с народом, а Шатра Шатинов обращается к своим предкам, то Паслей Самык видит мир целостно, так сказать, в высоты птичьего полета. Каждый из них обладал такими «кодовыми образами-символами, которые способствуют яркому выражению авторской мысли: Л.Кокышев всем своим творчеством утверждал величие Жизни, Ш.Шатинов воспевал человека, стойкого, верного своим нравственным принципам, а П.Самык – его стремление к красоте, добру, человечности.

Дебют поэта состоялся в 60-е годы, когда один за другим изданы поэтические сборники стихов с необычными для слуха читателя названиями: «Сын солнца» (1964), «Сердце, раненное молнией» (1967),

«Огненный марал» (1969) и т.д. Вот одно из первых стихотворений поэта в нашем подстрочном переводе:

Отец мой – Солнце,
Мать моя – Земля.
Весь я – лучи солнца,
Весь я – сияние, молния,
На земле стою, слегка покачиваясь...

На первый взгляд, кажется, что П.Самык подражает межелайтисовским строкам, однако, стихотворение создано по мотивам алтайских народных сказок, в которых герои считаются детьми природы, изображение же всегда гиперболическое. Такими строками П.Самык заявил о себе, так описал рождение своего лирического героя.

Окончив Каспийскую, затем областную национальную среднюю школу г.Горно-Алтайска, Василий Самыков поступил на алтайское отделение ГАГПИ. Время было строгое, лишнее нельзя было говорить, по воспоминаниям поэта, одного сокурсника тогда обвинили в антисоветизме, а Паслея Самыка исключили из комсомола только за то, что заступился за друга. Так он перешел на заочное обучение, позднее ушел с 3 курса историко-филологического факультета. Работал П.Самык корректором в типографии, впервые перевел на алтайский язык рассказ «Максимка» Константина Станиковича. Ему не хватало свободы творчества, слова и действия. А примером подражания послужили московские студенты Л.Кокышев, А.Адаров, Э.Палкин и др. Дождавшись летних каникул, олимпийских игр, он, не сообщив родителям, выехал в Москву и подал заявление на конкурсное поступление в Литературный институт им. А.М.Горького. Поступил. С тех пор крылатыми словами стали выражения «Каспа - Москва», так же, как у Л.Кокышева: «Акча - чаазын, кижы - алтын» - «Деньги - это всего лишь бумага, а Человек – золото».

Будучи в столице нашей родины, обрел достойных единомышленников, добрых друзей разной национальности, он знакомится со студентами, ныне всемирно известными поэтами Е. Евтушенко, А. Вознесенским, Р. Рождественским, О. Сулейменовым, Э. Межелайтисом, даже с турецким поэтом Назымом Хикметом и многими другими.

Его лирику я сравниваю с творчеством армянского поэта Паруйра Севака, оказавшегося в те годы за границей, поскольку героям обоих личностей присущи были распахнутость сердца, готовность отдать всего себя без остатка общему делу – благополучию всех живущих

на земле людей. С помощью системы поэтических образов поэты разных национальностей высказывают художественную мысль о мире, человеке. Образный мир П. Самыка удачно передан в переводе Г. Кондакова, Г. Панова, И. Фонякова.

Последний упомянутый так охарактеризовал особенности его стиха: «Паслей Самык – поэт...самый легкий и самый трудный для перевода. Легкий потому, что он пишет большей частью стихом, близким к свободному... Трудный же Самык для перевода потому, что чрезвычайно трудно передать в иной языковой стихии его интонации, не опирающиеся зачастую на четкий стихотворный размер».

Если Лирика Л.Кокышева представляет собой диалог с народом, то поэзию П.Самыка можно определить как обращение к публике. Открытая гражданственность, устремленность в будущее – его отличительные черты. Лирическому герою П.Самыка присущи вечное горение и молодость души. Его новаторство состоит не в использовании «лесенки» или употреблении «необычных», новых слов и выражений, а во всеохватном взгляде на мир, в стремлении к философичности, в серьезности выдвигаемых проблем. Поэт воспевает красоту Человека. Его сердце – это огромный мир, чутко реагирующее на внешние события, остро чувствующее пульс планеты. Основной пафос его стихотворений заключен в словах «Лишь бы на земле, где дождь и снег, каждый настоящий человек...Просто в мире Человек был бы счастлив!». Ощущение взаимосвязанности человека с миром, вселенной, вечностью жизни выражено в строках: Я землей становлюсь, душу его понимаю, с деревом, камнем, воздухом смешиваюсь - живой. И всю прошлую жизнь человечества, кажется, знаю я». В последние годы Паслей Самык много переводит с русского и других тюркских языков произведения национальных писателей, написал пьесу для постановки в национальном драмтеатре.

Женился он в марте 1966 года на дочери хакаса и кумандинки. Ей было тогда 17 лет, медсестра, впоследствии – врач-офтальмолог по образованию. Мать Паслея предсказала: «Дочь смуглого хакаса поведет моего сына по жизни и сделает человеком». С тех пор они живут душа в душу почти полвека. У них замечательные дети и внуки: дочь, сын и трое внуков. Хочется привести одно стихотворение, посвященное жене, личному врачу Василия Тордоевича, хранительнице домашнего очага Вере Ивановне:

Ты красива,

но есть на земле и другие,
красивые тоже –
И все же –
нет милее тебя.
Ты добра,
но ведь есть на земле и другие,
столь добрые тоже.
И все же –

нет милее тебя.
Ты нежна,
но ведь есть на земле и другие,
столь нежные тоже
И все же –

нет милее тебя
Ты чиста,
но ведь есть на земле и другие,
чистейшие тоже.
И все же –
нет милее тебя.

И на целой земле, никогда и нигде,
нет милее тебя!

В 90-е годы мне посчастливилось встретиться с матерью поэта по имени Торкош, прожившей в родном селе Каспа Шебалинского района девятьно один год, воспитавшей пятерых детей, двое из которых поэты! Она была женщиной мудрой, доброй, с энциклопедической памятью. Она рассказала мне о своих встречах с историческими личностями: Г.И.Чорос-Гуркиным, П.А. Чагат-Строевым, П. Кучияк и др. Отец Василия Тордоевича был фронтовиком, будучи призывником, встретился перед эшеленом в Бийске с известным на Алтае предсказателем Аду Мандаевым, голодным возвращающимся из ссылки. Тордой угостил его буханкой хлеба, а он и ему предрек судьбу: не бояться войны, вернуться невредимым. Так и вернулся Тордой раненым с поля войны на радость семье, после войны и воспитал своих детей: трех парней и двух с дочерей. Время было трудное, но эти люди на редкость счастливые. Так и их сыну, Василию Тордоевичу Самыкову, пожелаем здоровья, долголетия и творческого вдохновения.

Литература.

1. Киндикова Н.М. Эволюция образной системы в алтайской лирике.-Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского кн.изд-ва,1989.- С.114-121

2. Костина С. Талант быть поэтом и человеком// газ «Звезда Алтая», 2013, за 26 декабря

4. Проблемы типологии отдельных произведений

Алтайский и хакасский рассказ: типология тем, образов и поэтика переводов

Имеются солидные исследования, посвященные изучению типологии и поэтики литератур, творчества национальных писателей или отдельных произведений в частности [1: Храпченко,1972, Неупкоева,1976, Надъярных,1986]. Тем не менее, в современном литературоведении научный интерес представляет проблема создания этнической картины мира применительно к той или иной национальной литературе. Исследователей интересует сравнение литератур разных континентов, стран, в том числе литератур регионов [2: Конрад, Гачев, Топоров и др]. И это распространилось на широкое этнокультурное пространство во временной протяженности. Однако, одно дело – рассматривать национальную литературу в целом, учитывая при этом традиции и обычаи этноса, другое - выявление в ней специфических образов, мотивов, тем. Как известно, этно-эстетические особенности той или иной литературы особенно ярко проявляется в сопоставлении с другими литературами.

В литературоведении существует две разновидности сравнительно-исторического изучения литературы: сравнительное и типологическое. «Сравнительное изучение литературы чаще всего понимается как исследование связей между различными литературами, как раскрытие влияний и взаимодействий» - пишет М.Б.Храпченко. Далее он поясняет их смысл: «Связи, влияния и взаимодействия при этом понимается достаточно широко. Сюда включаются сходные мотивы у писателей разных стран и разных эпох, сходные – в той или иной мере – сюжетные ситуации, близость художественных образов у различных писателей и одновременно более глубокие связи, которые существуют между отдельными литературами» [3, с.245]. А «лите-

ратурная типология, по мнению М.Б. Храпченко, предполагает раскрытие общих или сходных тенденций как в литературах народов, близких по языку и историческим судьбам, так и в литературах народов, которым не присущи эти черты» [4, с.247].

Опираясь на вышесказанное, попытаемся выявить этно-эстетические особенности двух рассказов разных национальных писателей. Казалось бы, литературы сибирского региона развиваются на едином историко-культурном пространстве, в них обнаруживается очень много типологических сходений в тематике, проблематике, образности художественных произведений. Тем не менее, есть и отличия, на которые следует обратить внимание исследователей. «Более того, - как пишут авторы книги «Литература народов Сибири», - в практике исследования истории национальных литератур почти нет опыта сравнительного их изучения в пределах региональных, зональных и групповых общностей. Необходимость изучения истории, художественного опыта национальных литератур в контексте, рамках тех или иных регионов, зон и т.д., стала признаваться и практически осуществляться лишь в конце XX в.» [5, с.11].

На Алтае и в Хакасии творят две удивительные женщины: Д.Я.Маскина и В.Г.Шулбаева. Причем, первая кроме повестей и рассказов нередко сочиняет и стихи, вторая заметно преуспела в хакасской драматургии, одновременно пишет чудесные рассказы и стихи. Всероссийский читатель знаком с их произведениями по переводам, поскольку они творят на алтайском и хакасском языках. На сегодняшний день имеются книги переводных произведений под названиями «В горной тишине»(2005) Дергелей Маскиной и «Жизнь – это любовь»(2006) Валентины Шулбаевой [6].

Что общего в биографии двух авторов? Во-первых, авторы почти ровесницы: Валентина Шулбаева родилась в 1939 году, а Дергелей Маскина - с 1948 года рождения. Их детство прошло в военные и послевоенные годы. Обе – родом из деревни, хорошо осведомлены в характере своих земляков: алтайцев и хакасов. И, наконец, обе закончили вуз: Д.Маскина училась в Литературном институте им. А.М.Горького в Москве, В.Шулбаева закончила факультет журналистики в Ленинградском университете и Высшие театральные курсы при ГИТИС-е. Обе являются членами Союза писателей России.

Нас заинтересовали тематика и проблематика двух небольших рассказов: «Последняя поездка» Д.Маскиной в переводе А.Васильевой и «Пущенная стрела» В.Шулбаевой в переводе хакас-

ской поэтессы В.Татаровой. Оригинал алтайского рассказа опубликован почти двадцать лет назад в сборнике рассказов «Тууларды □ тымыгында» («В горной тишине», 1983) Д.Маскиной. Рассказ В.Шулбаевой впервые издан в ее сборнике рассказов под названием «Сарналбаан сарын» («Недопедатая песня», 1997) на хакасском языке, а перевод опубликован выше упомянутом сборнике драматических произведений автора в 2006 году [7].

Композиционно произведения двух разнонациональных писательниц построены из воспоминаний. Точнее, с сегодняшнего дня героини «уходят» в свое прошлое и восстанавливают в памяти события тех далеких времен, когда их осиротевшая семья бедствовала по вине почти одного человека – в алтайском рассказе это Кожут Тенгерек, в хакасском рассказе – Мукола Бастаев.

Сюжетно в обоих рассказах ничего необычного не происходит. В алтайском рассказе 70-летняя Энебей (точное ее имя - Айтпас, а данное подчеркивает почтительное отношение младших к старшему человеку), перед смертью собирается в родное село - повидаться с Кожутом, поскольку тот считал ее утонувшей. Во втором рассказе юный специалист отправляется в родное село разобраться в жалобах односельчан. Удивительно, но факт. Обе писательницы, не зная друг друга, описали идентичные события, происходившие в Хакасии и на Алтае, создали типологические характеры героев.

Первоначально этот рассказ Д.Маскиной мною был раскритикован в местной прессе за создание автором противоречивого характера героя [8]. Не верилось, что добродушная во всем бабушка Энебей так злопамятна, мстительна и языкаста. При этом я задавалась лишь одним вопросом: какая необходимость была в том, чтобы встретиться ей со своим злодеем? И лишь позднее я поняла философский смысл данного рассказа [9]. На это подтолкнуло меня знакомство с упомянутым выше рассказом хакасской писательницы Валентины Шулбаевой.

Что связывает оба рассказа? Во-первых, время. Казалось бы, отголоски Великой Отечественной войны навсегда уходят из памяти послевоенного поколения в прошлое, однако, нет. Человеческое сознание навечно сохранило тяготы и лишения предвоенного и послевоенного времени, как черная полоса истории. Нелегко их выбросить, вычеркнуть из жизни, поскольку они отразились в судьбах народов разной национальности.

Вот и в рассказах Валентины Шулбаевой и Дергелей Маскиной человеческая память сохранила небольшие эпизоды из детства целого

поколения. Оба рассказа начинаются с описания сегодняшнего дня. Казалось бы, ничего необычного не предвещало. В семье у бабушки Энебей складывается все благополучно, продолжение рода прослеживается в ее сыне, любимом внуке. Казалось бы, что надо человеку для полного счастья? Все у нее в жизни сложилось. Однако на старости лет ее беспокоит одна мысль – поездка в родное село, встреча с земляками, в особенности с Кожутом.

Да и героиня рассказа В.Шулбаевой тоже в качестве молодого журналиста обязана по службе съездить в родное село для выяснения причины одной жалобы: земляк по имени Муколча Бастаев тайком ворует. Обычная деловая поездка в забытое село. Тем не менее, автор еще в начале рассказа как бы предвещает: «А ведь жизнь – она как капризное дитя. Глядишь, сегодня ты самый счастливый веселый человек, а завтра – бедный, обделенный счастьем – песней. И, видно, недаром в народе говорят: «завтрашнее только с рассветом узнаешь». По-алтайски эта последняя фраза звучит так: «Эртенгизин эртен корор», а по-русски «Утро вечера мудренее».

Действительно, поездка в родное село перевернуло сознание героини. Это - предстоящая встреча с лицом к лицу со «злодеем» Бастаевым. Энебей из рассказа «Последняя поездка» на закате своей жизни собралась в родное село, точнее, свести счеты с бывшим председателем колхоза Кожутом Тенгерекковым за то, что тот умертвил ее мужа. Энебей даже вслух высказывает свои мысли: «Есть человек по имени Тенгереков Кожут, которому я должна отомстить за свои обиды. Высказать хотела ему за все... Но все равно я до него доберусь, не умру, пока не отомщу ему. Сколько унижал, господствовал, пес собачий! Плюну в твои, пес, бесстыжие глаза! Все равно не дам тебе спокойно умереть, отомщу. Ждала, когда ты, пес собачий, жизнь свою блаженную проживешь. Мечь у меня живет, мечь...»(с.35).

Далее в обоих произведениях разворачиваются незамысловатые события. Нельзя сказать, что сюжетно рассказы расходятся. Нет, наоборот, оба рассказа построены так, что в сюжет вклинивается «время», точнее, воспоминания героинь о прошлом. И что характерно, события, переданные в обоих рассказах, типологически схожи: председатель колхоза издевался над семьей, голодом хотел уморить вдову и дочь фронтовика в рассказе «Пущенная стрела» В.Шулбаевой, мать и сына в рассказе «Последняя поездка» Д.Маскиной. В обоих рассказах

убедительно показаны сцены надругательства над беспомощными людьми.

Энебей сознательно готовится к встрече со своим «злодеем», в рассказе В.Шулбаевой встреча оказалась неожиданной. Причем вся эта психологическая «подготовка» к встрече происходит в сознании героини. Журналистка, при упоминании имени Муколча Бастаева, ярко воссоздала сцены забытых в детстве драматических картин. Они были не из лучших. Воспоминания привели героиню к встрече со своим ненавистным «врагом».

Энебей уже прожила свои годы, пришла пора умирать. Однако на этой земле у нее есть свои «счета». Поэтому она в сопровождении своего внука Эркеша добирается до намеченной цели. Ей не дает покоя задумка о мести.

Итак, как описывает В.Шулбаева встречу некогда униженной девочки, ныне молодого специалиста со своим «обидчиком»: «Заскрипела деревянная кровать. С нее поднялся старик в грязной мятой одежде». Далее дается портрет Муколча Бастаева: «Красные, воспаленные глаза, обожженное знойным солнцем лицо сморщено, словно осенний лист, торчат одни скулы. Изможденное, иссохшееся тело – на вид словно подросток» (с.203). А при упоминании имени матери юного журналиста, над которой он некогда издевательски надругался, «старик, словно на горячие угли ступил, дернулся, руки задрожали, губы дрогнули. Казалось, хотел он что-то сказать, но язык не повернулся». Со слов героини: «Нет, не ждал он меня, никак не ждал этой встречи. Не по себе стало ему. В мутных глазах его читались то ли просьба, то ли мольба, то ли покаяние» (с.203).

По описанию самой героини рассказа, от имени которой ведется повествование, «Передо мной сидел обессиленный, исхудавший, немощный больной старик. И был похож он на дерево, высохшее до самых корней, дотронешься - тут же рухнет». Мало того, что он надругался над женщиной, он еще унижал эту девочку, которая подбирала золотые колосья с убранного поля. По его же вине она растеряла «красные, спелые, словно бусы, ягоды».

После долгого молчания устами старика высказана фраза: «Пущенная стрела назад не возвращается». Смысл этих строк очень глубок, поскольку автор опирается на народное изречение: «Аткан ок кайра јанбас» (Пущенная пуля назад не возвращается). Есть и более точное поэтическое выражение у алтайцев («Айткан сос, аткан ок»), которое идентично переводится на русский язык пословицей: «Слово

не воробей, вылетит - не поймаешь». Вот и слова Муколча не поддаются исправлению. Всю жизнь он казнит себя за свои поступки. В этом вся суть, основной смысл рассказа Валентины Шулбаевой.

Жизнь М.Бастаева прожита. Но человеческая совесть не дает покоя Муколча Васильевичу. От того и он заболел «неизлечимой болезнью», как будто пущенная стрела пронзила его душу и грызет его совесть.

Совсем другую картину встречи описывает Дергелей Маскина в рассказе «Последняя поездка». Приближаясь к двери избышки Кожута Тенгеререкова, Энебей по дороге подобрала длинную палку, хотела услышать слова покаяния. Ее устами звучало: «Собака, погляжу я на тебя на старости лет, что ты мне скажешь». Вместо этого перед ним сидел одинокий, беспомощный слепой старик. Как описывает автор: «Рывком открыла она дверь приземистой избышки и вошла в дом. Возле закопченной печи дремал старый человек в грязной одежде. Услышав, что в дом кто-то вошел, он пошарил вокруг себя руками, но не смог найти спичек, которые лежали в стороне. Человек был слепой» (с.42). При виде неожиданных гостей Кожут даже обрадовался, что кто-то сходит за водой, кто-то ему поставит чайник на огонь и т.д. За водой ходил внук Эркеш.

Ни слова не проронив, даже не соизволив назваться, кто пришел к нему, Энебей разожгла костер в печке Кожута, собственными руками, молча подала старику чашку чая и ушла также незаметно, как пришла. Как описывает Д.Маскина, «мысли Энебей о мести смешались. Пришла она обругать, проклясть, оплевать его, а теперь, стараясь быть неузнанной, тихо опустилась на ящик возле дверей» (с.43).

Простила ли Энебей Кожуту Тенгеререкову за его оскорбления? Да, конечно, о чем свидетельствуют «светлые мысли» в ее сознании по возвращении домой. После этой своей поездки она собралась спокойно умирать. Сама же совершила обряд приготовления на тот свет, и чтобы никому не мешать, легла она на свою постель и как будто, наконец, обрела покой от суеты жизни. Как заканчивает автор свой рассказ: «Едва забрезжил летний рассвет, Энебей умерла» (с.43). 70 лет - для алтайцев сакральное число. По тюркскому мировидению, после этого духи нижнего мира ожидают своей «жертвы». Неслучайно, живущие на земле люди не отмечают свой 70-летний юбилей, а сознательно ждут наступления 72 года, поскольку летоисчисление

тюрков начинается с 12 лет. Допустимо проводить 75 или 80, но не 70-летие человека.

Остается задаться вопросом: «Простила ли журналистка своего «изверга»? Конечно, да. Поскольку она при виде беспомощного старика сжалилась так, что даже предложила свои услуги – отвести его в больницу на лечение. Жалость и милосердие взяли вверх над молодым человеком. А старик со своей ношей уйдет на тот свет, так как он ясно осознал, что «это кровоточащая рана на глубоко загнанной внутрь совести, съедающая, глодающая, уносящая на тот свет» (с.204).

В целом в обоих рассказах четко прослеживается философская мысль – не брать на тот свет земные грехи. Освобождается от своей мести бабушка Энебей, прощает свои обиды молодой журналист, так как их «злодеи» без того были наказаны собственной судьбой. Кожут ослеп, не видит вокруг белого света, в его избушке темно. По описанию прозаика: «По закопченным стенам, по той запущенности в доме было ясно, что человек этот одинок. Старик, свесив голову, снова уселся беспомощно. В комнате было холодно и сыро» (с.42). И далее показана печальная картина о состоянии беспомощного человека: «Старик на четвереньках прополз к расставленной на полу посуде, на ощупь нашел чайник и т.д.» (с.43).

А в доме Муколча Бастаева, наоборот, всего полно, но в нем, оказывается, нет жизни, словами автора, «гулко и пусто». Глазами журналиста: «Ничего тебя не греет, не радует, будто все это – и полированные шкафы, и богатые ковры, и дорогая одежда – умирает вместе с хозяином. И нет в доме ничего живого, что бы грело старика, пожалело, успокоило его колотящееся сердце» (с.204).

Характерно то, что герои двух рассказов – Энебей, Кожут, Муколча – люди почти одного возраста. Прожита их жизнь. Судьба наказывает каждого из них. Осознали ли они свою вину перед смертью? Энебей «очистилась» от высказанных вслух проклятий по отношению к своему злодею, а слепой Кожут не смог узнать «немую» Энебей, поскольку та не проронила ни одного слова при встрече с ним. А значит, он остался до конца своей жизни в мучениях со своей совестью. Муколча же осознал свою вину при встрече с землячкой, высказав при этом народную поговорку о выпущенной стреле. Особенно остается молодая журналистка, которая по характеру уступчива, милосердна, добродушна, но с большим жизненным опытом. У

нее все впереди. В этом и отличие, и своеобразие художественных образов.

Герои обоих рассказов перед смертью осознанно очищаются от земных страданий, осмысливают весь свой жизненный путь, а нередко и высказываются в своих обидах, прощают виноватых. В этом, наверное, и весь смысл человеческой жизни на земле. Остается поблагодарить авторов - Дергелей Яковлевну Маскину и Валентину Гавриловну Шулбаеву - за умный рассказ: за психологический показ характеров, за создание ярких и запоминающих образов, за тонкое раскрытие затаенной души человека.

Как-то задаваясь вопросом: «Зачем сравнивать?», И.О.Шайтанов отвечал: для того, чтобы «изучить сходство и связи между литературами, существующими на разных языках» [10, с.11]. Сравнивая два произведения разнонациональных писательниц, мы выявили особенности их типологии и поэтики, которые проявляются в сюжете, идее, жанре. Типологична не только тематика двух рассказов, но и способы создания героев, о чем свидетельствуют тексты и оригинала, и перевода.

Два слова о художественном переводе. Переводчица А. Васильева переложила алтайский текст с подстрочного перевода, слово в слово, лишь немного отступая от речи героев и от чисто алтайских выражений.

Перевод поэтессы В.Татаровой изобилует яркими эпитетами, сочными сравнениями («колоски с золотыми нежными усиками», «спелые, красные, ядреные ягоды, бусами покатались через дорогу и т.д.), текст перенасыщен пословицами и поговорками, соответствующими мировосприятию, мировоззрению не только хакасов, но и алтайцев. Например, Муколчу Бастаева народ характеризует пословицей: «В воду бросишь – в воде не утонет, в огонь кинешь – в огне не сгорит». Казалось бы, пословица использована переводчицей неудачно, постольку так обычно характеризуют обычно образы богатырей сказаний. Возможно, в данном случае применима идентичная русская поговорка «Как с гуся вода». Или когда все ругают Бастаева за несправедливость, то ему все это «как горох об стенку». Ругайтесь, мол, сколько влезет, от этого я по швам не расползусь». Иногда целое выражение характеризует смысл всего произведения или характер того или иного героя. К примеру, автор сравнивает главного героя Муколчу Бастаева с «ненасытным волком», «паршивой собакой»,

он похож на чудовище, своим видом напоминает медведя и т.д. Портрет злодея Муколча нарисован запоминающим: «Его нижняя губа наехала на верхнюю, ноздри раздуваются, как рыбы жабры.словно хищный зверь, он готов проглотить свою жертву живьем» (с.196). Характерно то, что у алтайского прозаика Д.Маскиной тоже часто встречается сравнение злодея с «псом собачьим».

В послевоенные голодные дни в поисках пропитания ребенок (а ныне журналистка – Н.К) идет собирать колоски пшеницы с убранных полей. И вот как по хакасскому обычаю высказывается сирота: «О, дедушка Кудай. Я сирота, отца убили на войне. А теперь еще и Муколча нас ненавидит. Ни хлеба не дает, ни крупы. Пожалей, дедушка Кудай. Дай хоть колосок» (с.197). Ее слова, как будто, услышаны Кудаем - Верхним божеством. Все это удачно переведено В.Татаровой с хакасского языка на русский язык. Однако перед этим девочка почему-то перекрестилась по русскому обычаю. В действительности, возможно и такое.

Второй раз девочка, набрав клубнику, направилась ее продать. Однако Муколча не разрешил ей садиться в кузов общественной машины. Как пишет автор: «Но зорький глаз этого коршуна» достал меня и здесь. Вытягивая голову из кабины, он в бешенстве заорал: «Эй, Опросиньин саразенок, слезай, тебе говорят, я спекулянтов не вожу!». В данном случае в речи героя искажено слово «суразенка». Что касается названия рассказа, то точнее было бы не стрела, а пуля. В данном случае переводчица сочла нужным назвать рассказ более поэтическим словом, как «пущенная стрела».

В передаче слов бабушки Энебей, возможно, переводчицей А. Васильевой нарочно упущены некоторые фразы, которые на алтайском языке звучат как проклятие перед смертью: «Je, салым јеткени бу туру. Бу јурумде оч алатан Тенгереков Кожут деген сок јаныс кижі бар. Айдып алайын деп сананып тургем. Туней ле једерим мен ого, эки кӧзине сабарла сайып туруп, очимди алала, олорим. Базынган, бийлеген, ийт! Амыр олорго туней ле бербезим, сенде, танмада, акту бойымнын очим бар. Сени, ийтти, јурумди јуруп алзын деп сакыга-ам. Акту бойымнын ӧчим бар, ӧчим бар» (с.8-9).

В данном тексте очень важное для автора выражение - «двумя пальцами проткну его глаза» - опущено в переводе. Мысленная кара Энебей осуществилась в реальности. Глаза Кожута при встрече оказались ослепленными.

Таким образом, оба перевода удачные. При этом необходимо приветствовать перевод прозаического произведения поэтами, как в нашем случае, поэтессами А.Васильевой и В.Татаровой. Оба текста читаются с большим удовольствием.

Литература.

1. Неупокоева И.Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. – М.: Наука, 1976 – 359с.; Храпченко М.Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. - М: Советский писатель, 1972 - 408с.; Он же. Художественное творчество, действительность, человек. – М., 1982 - 399с.; Надъярных Н.С. Типологические особенности реализма. – М: Наука, 1972

2. Конрад Н.И. Запад и Восток. М.:Наука, 1972; Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца, горца. – М. Институт ДИ-ДИК, 1999. – 368 с.; Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. – М.: Прогресс, Культура, 1995. – 624 с.

3. Храпченко М.Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы М.: Советский писатель, 1972, с.245

4. Там же, с.247

5. Балданов С.Ж., Бадмаев Б.Б., Буянтуева Г.Ц.-Д. Литература народов Сибири. Этнотрадиция. Фольклорно-этнографический контекст. – Улан-Удэ:изд-во БГУ, 2008 – 303с.

6. Маскина Д.Я. В горной тишине. - Горно-Алтайск: ГУ кн. изд. «Юч-Сюмер-Белуха», 2005, С.32-44; Шулбаева В.Г. Жизнь – это любовь (Чуртас – ол хыныс). - Абакан: Хакасское кн.изд., 2006, С.195-204

7. Маскина Д.Я. Туулардын тымыгында. (В горной тишине). Рассказы.- Горно-Алтайск: Горно-Алтайское 1983. - С.5-21; Шулбаева В.Г.Сарналбаан сарын (Недопетая песня) – Абакан, 1997, с.255-264

8. Киндикова Н.М. Айыл-јурт, биле, уй кижии (Дом, семья, женщина)// газ. «Алтайдын Чолмоны», Горно-Алтайск, 1998, за 22 сентября, С.4

9. Киндикова Н.М. Эпшилердин прозазы (Женская проза) // Алтай литературанын туукизи (История алтайской литературы). - Горно-Алтайск, Часть 2, 2008, С.39-44.

10. Шайтанов И.О. Зачем сравнивать? Компаративистика и/или поэтика. // ж. «Вопросы литературы». - М. , 2009, за сент-окт., - С.5-31.

Алтайский и башкирский роман: типология тем, сюжетов, образов

В постперестроечное время в национальных литературах появились новые романы, недоступные для иноязычного читателя, существующие без перевода, только в оригинале. В основном они посвящены исторической судьбе того или народа и современной тематике. Таковы, к примеру, романы алтайского, тувинского, якутского писателей. Отдельные романы переведены на русский язык с опозданием на 20-30 лет и читаются они как вновь сотворенные. В алтайской литературе исторические романы «Трудные годы»(1967), «На рассвете»(1972) И.В.Шодоева, «Катунь весной» (1986) К.Ч. Телесова, «Над нами Белуха» Д.Каинчина, «Синяя птица смерти» (1993), «Сердце, опаленное огнем» (2001), «Божественный Алтай. Вечная любовь»(2005) А.О.Адарова до сих пор не переведены, а значит, они неизвестны иноязычному читателю. И все же через исследования литературоведов можно проследить развитие той или иной национальной литературы в целом, жанра романа в частности. К таковым относятся исследования якутских литературоведов А.Н. Мыреевой, В.Б. Окороковой, тувинских – С.С. Комбу, Р.М. Донгак, алтайских - Р.А. Палкиной, Н.М. Киндиковой, посвященные романам сибирского региона [1].

В последнее десятилетие редко кто исследует крупные жанры художественной литературы. Тем не менее, читательский и научный интерес представляют романы писателей разной национальности: «Неполная рукопись» (2006) азербайджанского писателя Камала Абдулла, «Похищенное счастье»(2002) бурятского прозаика Даширабдан Батожабая, «Буренушка»(2009) башкирского писателя Тансулпана Гариповой, «Уплывающие тени» (1999) ногайского писателя И.С. Капаева, романы «Арина», «Цветок степей», «Созвездие Орион» алтайского писателя Л.В. Кокышева, переизданные в связи с его 80-летним юбилеем, и другие.

Первые два названных произведения своей тематикой уходят вглубь веков и не зря определены как исторический роман или роман-трилогия, другие охватывают события столетней давности. В частно-

сти, роман-трилогия Д. Батожабая «Похищенное счастье», по определению З.А. Серебряковой, - одно из самых масштабных произведений бурятской литературы, первая национальная историческая эпопея, отразившая переломный кризисный момент национальной истории, когда в полной мере раскрывается национальное самосознание, «дух народа»[2].

Если одни издания доступны на языке оригинала, то другие романы усваиваются в переводе на русский язык. К примеру, оригинал упомянутого выше романа-трилогии издан в 1965 году, а с его переводом всероссийский читатель знакомится только в 2002 году. Роман «Арина»(1959), написанный Л. Кокышевым в 1954-1958-е годы, существует в оригинале и на русском языке в переводе Л. Леуткиным (1962) и А. Китайник (1968) [3].

В романах алтайского и башкирского писателей изображены события прошедшего столетия: в трех романах Л.В. Кокышева (1933-1975) изображены события гражданской и Великой Отечественной войн, таков и роман-эпопея современного прозаика Т.Гариповой. Нас интересует типология тем, сюжетов, образов алтайского и башкирского романа. Казалось бы, оба писателя тюркоязычные, однако территориально отдалены друг от друга во временной протяженности. Безусловно, много общего в историко-литературном развитии алтайского и башкирского романов. Тем не менее, придерживаясь мнения В.В. Жирмунского о том что, при отсутствии непосредственного взаимодействия и контакта возможны историко-типологические аналогии или схождения [4,с.68], мы решили сопоставить несопоставимое, найти в романах разнонациональных писателей общее и особенное, что сближает их, и чем отличаются они друг от друга.

Особое внимание привлекла тематика романов обоих писателей – судьба женщин на протяжении всего исторического времени. Произведение «Буренушка»(2009) башкирского писателя Тансулпана Гариповой интересно не столько тем, что оно событийно, сюжетно, многопланово, а построением самого произведения, удачными переходами с одного события на другой, а главное, мастерством художественного изображения характеров и событий романиста Т.Гариповой. В трех романах алтайского писателя раскрыта судьба женщин-тружениц, дана целая галерея женских образов.

Роман-эпопея башкирского писателя состоит из пяти частей с эпилогом. Образ главной героини Мадины прослежен с детских лет до обретения статуса бабушки. Образ Арины в одноименном романе

Л. Кокышева начинается с 15-летнего возраста и заканчивается ожиданием возвращения мужа с Великой Отечественной войны.

Роман-эпопея Тансулпана Гариповой начинается со знакомства с юной девочкой по имени Мадина, а в конце романа-эпопеи она не постаревшая, отягощенная жизнью бабушка, а «продвинутая», опытная, деловая женщина, которая не только не отстает от современной технологии, но и пытается передать свои знания и умения молодому поколению. Роман интересен изображением прошлой жизни и показом современного состояния нашего общества.

Романы Л. Кокышева основаны на реальных событиях, о чем свидетельствуют прототипы героинь Арина и Дергелей в романах «Арина» и Цветок степей». В частности, прототипом Арины послужила мать писателя, а прототипом Дергелей Карастановой является депутат партийного съезда Ялкын Тулесова.

Чем привлекателен роман-эпопея Т. Гариповой? Конечно же, переплетением судеб, которые разворачиваются вокруг главной героини Мадины. При этом главы романа-эпопеи, отдельные части, куски выстроены так, что роман-эпопея читается одним дыханием, увлекательно, живо, запоминающее.

Второе достоинство произведения – обилие обычаев и традиций башкирского народа, которые перекликаются с обычаями и традициями других тюркских народов, в том числе с алтайским.

Третье, на что следует обратить особое внимание, это язык художественного произведения, хотя, подчеркнем, роман-эпопея переведен с башкирского на русский язык. Чувствуется авторское вмешательство в перевод и сохранение всех художественных достоинств романа, потому он дорог литературоведам и требует самостоятельного исследования.

Язык романов Л.В. Кокышева, словами литературоведа С.С. Каша, тоже «яркий, образный, насыщенный глубинной народной речевой культурой. В ткань романа органично вплетены народные песни, пословицы, которые помогают читателю познать характер народа, особенность его национального склада, обычаи и обряды, поэтическую одаренность автора. Речь героев афористична, богата образными выражениями. Здоровый народный юмор, звучащий в романе, не самоцель, он служит более глубокому раскрытию характеров персонажей» [5].

Нас интересует не столько событийность романа-эпопеи, поскольку она действительно оправдана историческими событиями и

фактами не только башкирского народа, но и других народов нашей страны, тем более, о романе-эпопее, возможно, уже написаны целые исследования башкирских литературоведов, сколько типологическим схождением обычаев и традиций алтайского и башкирского народов. Для сравнительного сопоставления нами выбраны романы алтайского писателя Л.В. Кокышева, которые в событийном плане охватывают почти те же годы, что и в романе-эпопее Т. Гариповой. Это – переведенные на русский язык романы: «Арина» (1959), «Цветок степей»(1969) и не переведенный до сих пор роман «Созвездие Орион»(1972), переизданный в 2012 году.

В романе «Арина» изображена судьба алтайского народа в годы гражданской и Великой Отечественной войны. События в романе начинаются с воспоминаний Арины о своем детстве в годы гражданской войны на Алтае: белые и красные воевали между собой, народ остается в недоумении.

Во второй части романа Арина, вышедшая замуж за любимого Одою, включается в борьбу за коллективное хозяйство. Мужа, как грамотного человека, отправили на учебу в город, Арина, оставшись с детьми в деревне, не отстает от жизни. Ночами она осваивала грамоту, днем трудилась. За это время Одою забирают на фронт. Арина продолжает жить, строить новую жизнь, растить детей, несмотря на лишения, трудности военного времени. После разоблачения председателя колхоза Курачи – колхозники избирают ее своим вожаком. Она заслуживает высокого доверия колхозников. Проследившая судьбу одной женщины, автор окунулся в почти столетнюю историю алтайского народа. Неслучайно роман впоследствии переведен на русский, киргизский, тувинский языки.

Через десять лет Л. Кокышев написал очередной роман под названием «Цветок степей». В ней речь идет о судьбе юной девушки по имени Дергелей Карастанова. Сюжет прост. Действия происходят в годы Великой Отечественной войны. Отец на фронте, мать незаслуженно осудили за кражу скота. Точнее, Телеш осудили за укрывательство украденного ворами мяса. Две девочки остались на стоянке родителей пасти колхозную отару. Младшая сестра умирает, не выдержав суровые тяготы жизни. Пятнадцатилетняя Дергелей своим примерным трудом чабана не только оправдала несправедливое осуждение собственной матери, но и дождалась возвращения отца с

фронта. Эти эпизоды нарисованы автором психологически правдиво и живо, что нельзя прочесть роман без слез.

В третьем романе «Созвездие Орион» Л. Кокышева речь идет о судьбе влюбленных: сельской учительницы по имени Лена и выпускника летной школы, фронтовика Карана, оказавшегося ослепленным во время сражения с фашистами. Только вера, надежда и любовь спасает влюбленных верить в торжество новой жизни и будущее. По тому, как они композиционно выстроены, можно судить о судьбе целого алтайского народа, точно также как и роман-эпопея Т. Гариповой с простым названием «Буренушка», в которой повествуется о судьбе башкирского народа. С одной стороны, мы восхищены тем, как женщина-писательница достигла такого мастерства изображения, тогда как Л.В. Кокышев, испытавший все тяготы военного и послевоенного времени, а именно, в 50-70-е годы смог создать героические произведения о судьбе алтайских женщин в исторической последовательности. Не зря говорят в народе: «жизнь пройти – не поле перейти». Так, в романе Т. Гариповой последовательно прослежена судьба женщин не одного поколения: внучки, дочери, матери, бабушки и с самого начала произведения читатель задается вопросом: как сложится судьба этих героинь? Путем ретроспекции, через воспоминания и сны автор удачно рисует судьбы женщин в одиночку или в переплетении с судьбами других героев.

В романах алтайского писателя Л. Кокышева одностороннее раскрыта судьба многодетной матери Арины, озабоченной в годы Великой Отечественной войны судьбой своих пятерых детей. Роман-эпопея Т. Гариповой, прежде всего, привлек наше внимание своим названием. У алтайского писателя Л.В. Кокышева есть одно стихотворение под названием «Буренушка», посвященная трудным годам войны и тыла. Приведем всего лишь отрывки: «Всегда мы были сыты молоком,/И мать на фронт/ Слать масло не скупилась/ Но вот однажды,/Несчастливым днем/Буренушка домой не возвратилась/Напрасно мы кричали средь лугов/Вокруг стояла тишина немая...». И когда она вернулась, «На маму глядя, /Спрашивала будто: « А как же проживешь ты без меня,/А как же без молока /Детишки будут?...». « И мама, обнимая нас, рыдала.../ Как человек /После хороших дел,/Буренушка спокойно умирала [6,с. 312-313].

Казалось бы, обычные совпадения, ассоциации названия алтайского и башкирского произведения, но если соотнести события с дей-

ствительностью, то вся правда жизни нарисована в одном только стихотворении в удачном переложении его на русский язык переводчиком Г. Гайковичем.

Такая же картина воссоздана в романе-эпопее Т. Гариповой: буренушка кормила, спасала детей от смерти, однако, из-за неуплаты налога, начальство забрало её вместе с теленком. Когда конфисковали корову на колхозную ферму, в избе «Насибуллиных воцарилась унылая тишина, какая устанавливается после выноса покойника, лишь сверчки наперебой свиристели за печью» - пишет автор. Правда, в романе, по сравнению со стихотворением, смысл метафоры глубже и объёмнее. Впервые увидевшая отелившуюся корову девочка Мадина внутренне сопротивляется от женской доли - рожать в будущем детей. Даже высказала вслух свои мысли: «Я, мам, никогда замуж не выйду».

На первых страницах романа Л. Кокышева тоже нарисована картина рождения очередного ребенка Арины. От роженицы отвернулись родственники мужа, упрекая ее в появлении суразенка. И все тяготы и лишения пришлось испытать ей самой. После того, как муж ушел на фронт, Арина тоже переселяется в русское село, как в романе-эпопее Т. Гариповой, точнее, Шахарбану с Гульбану переселяются в русский хутор, чтобы скрыть тайну дочери.

Что идентично в обоих романах? Во-первых, начало романов, образы героинь. Первые страницы алтайского романа начинаются с воспоминаний роженицы Арины о своих детских годах, как ее, озорную, беспечную красавицу насильно умыкнули парни из соседнего урочища, как она проболела больше месяца в чужом аиле, как она решилась вернуться к своим родителям, несмотря на сетования матери о том, что «брошенный камень остается там, куда ее выбросили, девушка, выданная замуж, остается в семье жениха». И все же, Арина, нарушив древний запрет предков, возвращается домой и обнаруживает опустевшее урочище. Оказалась, что на Алтае началась гражданская война, люди разделены на белых и красных, и воюют они между собой. Образ Арины нарисован автором так: «Бойкая, хохотунья. У нее длинная коса. Ни у одной девушки нет такой косы! Только мало радости иметь самую красивую косу и веселый характер...» [7,с.21]. Она всегда играла с мальчишками. Примерна такова характеристика Мадины. Ее образ передан в начале романа: «если бы не проскаквали в черных, как спелая черемуха, глазах Мадины, прису-

щие лишь девчонкам озорные искорки, по повадкам вполне сошла бы она за мальчишку» [8,с.5].

Во-вторых, переселение в русское село имеет свои глубокие причины и оправдания. Муж Арины объяснял переезд завуалировано: «В русской деревне хорошая школа. О дочке надо подумать...». Далее автор поясняет: «Не знала Арина, что в городе Одою так сказали: «Выбирай – или дальше будешь учиться, или...». На самом деле у Одоя была безупречная биография – пастух или сын пастуха, бедняк из бедняков, недавно его приняли в партию. Но вот отец у жены, как стало известно... « как будто бы побывал за границей с бандой, а теперь специально заслан на Алтай» и т.д. На самом деле отец Арины «водился с русскими мужиками из соседней деревни, часто работать нанимался у них. Был он умелый плотник и столяр. Первым в урочище поставил деревянную избу, совсем русскую. Даже дочь назвал русским именем – Арина. А забрали его как кулака. Конечно, все это не имело основания, но Одой должен был перевезти свою семью, так как от этого зависела вся его карьера, дальнейшее повышение по партийной линии.

В начале романа-эпопеи Т.Гариповой мы знакомимся с Гульбану и ее детьми: Мадиной и близнецами. Через воспоминания Гульбану читатели «окунаются» вглубь событий, точнее в клубок тайн человеческих судеб. Оказалось, Гульбану не родная дочь Шахарбану, а по соседству с ними поселились родители Гульбану, правда, с другими именами. На самом деле настоящие родители Гульбану «уронили» ее в надежде выжить самим. Из-за преследования за зажиточность в годы советской власти, они даже поменяли имена, сохранив при себе только сына Ихсанбая.

В-третьих, удивило отношение алтайцев и башкир к свиньям. Они относятся их к «чертовым скотам» или «божьим тварям». В воспоминаниях писателя Л. Кокышева описан реальный случай: «В ту пору алтайцы называли свиней «чертовым скотом», и когда колхоз впервые приобрел одну свиноматку с восемью поросятами, в моей деревне не нашлось никого, кто бы согласился близко подойти к ним. Председатель колхоза в порядке приказа передал животных моей матери – она была телятницей. А пасти пришлось мне...»[9,с.3]. В башкирском романе герои соглашаются с тем, что свиньи тоже «божьи твари». Автор поясняет: «Не имела Шахарбану прежде дела с такими мерзкими тварями и теперь за голову хваталась: чуть не доглядишь –

голодные свиноматки начинают пожирать своих поросят. Жрут с жадностью лютых хищников. Гульбану после каждого случая плачет, просится домой в аул» [8,с.27].

Алтайская героиня Арина и башкирские героини Гульбану и Мадина знакомятся с русскими женщинами и перенимают опыт ведения хозяйства. В романе «Арина» прослежена судьба одной алтайской женщины на фоне гражданской и Великой Отечественной войны, а в романе-эпопее Т. Гариповой на протяжении всего действия изображена судьба четырех поколений, женщин с их детьми: бабушка, дочь, внучка, правнучка. Правда, историческая действительность нарисована автором не совсем глубоко.

Путем ретроспекции Т. Гарипова возвращается к корням того или иного героя и преподносит судьбу каждого героя в законченном виде: будь это Хашим или Гульбану, Абдельхат или Ихсанбай и другие. В судьбе каждого героя существует тайна, раскрыть которую должен автор на протяжении всего романа-эпопеи. И на каждом из них лежит печать предостережения: не грехи на святой земле.

Тайна Урус Хашима раскрыта на фронте, когда он лежал под обломками разрушенного дома. Почти умирая, Хашим покаялся во всех грехах, что натворил в своей жизни и просил неведомо кого-то дать ему возможность вернуться домой, если не человеком, так птицей, если не птицей, так облаком для того, чтобы увидеть Гульбану хотя бы еще раз (С.85). В ответ он услышал голос жены: «Мое прощение, Хашим, в моих мальчиках, в близнецах».

Мыклаш, в романе «Цветок степей» Л.Кокышева, вернувшись с войны, встречает умирающую от туберкулеза жену. Первое, что он услышал, оправдание Телеш за свои поступки. «Прости мою глупость... - еле вымолвила она. - Ты знаешь, в моем роду воров не бывало...». Второе - забота о детях: «Если женишься... - она глядела прямо в глаза Мыклашу, - детей не оставляй. Дергелей уже выросла. А за Кларой смотреть надо. Не жалея для нее ничего...»(с.336). Не знала мать о том, что младшую дочь Клару похоронили до возвращения отца.

Урус Хашим, вернувшись с фронта, полюбил незаконорожденных близнецов, как своих родных, хотя это были сыновья Ихсанбая. Автор психологически достоверно рисует встречу двух мальчиков с Хашимом. Ихсанбай, в свою очередь, умертвил родных младенцев своими руками, нарочно, открыто оставив ворота: их растерзала вол-

чица. Чтобы скрыть свои черные проделки, Ихсанбай закопал останки мальчиков в собственном огороде. Казалось бы, невероятные, нечеловеческие картины, но под пером писательницы они обретают явь. В годы войны, как известно, волки рыскали везде, даже рядом с аулами людей.

Такая картина прослеживается в романе «Цветок степей» Л.В. Кокышева. Правда, события происходят на стоянке чабанов. «Не раз долгими зимними ночами слышали они (Здесь имеются в виду две сестры: Дергелей и Клара – Н.К.) такой же унылый вой. Знали, что это – крупные седые степные волки. Им всегда было страшно – и за себя и за овец. Но близко была мама, а с нею чего бояться? Вот когда они остались вдвоем и тоже, как-то случилось слышать волчий вой, страх долго не проходил. До самого утра. Успокаивало одно: в аил волки не пролезут. А напади они на отару, и девочки не отважились бы прогонять их горящими головнями, как позапрошлой зимой вместе с мамой». А в данный момент Дергелей осталась одна, сестру взяла тетя на воспитание.

С самого начала башкирского романа Ихсанбай полюбил Гульбану. Да и Гульбану любила его взаимно. Но Хашим взял ее силой, за что не простила ему всю свою жизнь Гульбану, став уже его женой. От этой любви родилась дочь Мадина. Хашим, как известно, сначала пришел со своим отцом свататься, но родители Гульбану отказали им. Этот позор не смог стерпеть грубый, гордый Урус Хашим. Вот почему он мстил и создавал грубости собственной жене Гульбану.

В романе Л.Кокышева после того, как умыкнули Арину, улучшив момент, сваты договорились о калыме: семь ташауров арачка и семь метров ткани. К сожалению, свадьба не состоялась, Арина, обессиленная, все же убегает, проявив свое несогласие с обычаями предков. Она вышла замуж за Одою по любви. Однако муж оказался слабым, постоянно держался мнения своих сестер.

В романе-эпопее «Буренушка» раскрывается еще одна тайна - оказалось, что Ихсанбай и Гульбану были братом и сестрой. Эту тайну знала только Фаузия-Барсынбике. Словами автора, «Чье проклятье пало на ее семью, за что преследовал ее злой рог?». Фаузия и постаралась вмешаться в их судьбы, чтобы уберечь их от кровосмешения. Не ведая всю эту тайну, Ихсанбай мстил Хашиму за несостоявшийся брак и только в конце романа он узнает от собственной матери всю правду о своей судьбе.

Нелегко сложилась судьба Абдельхата, мужа Мадина. После того, как голодного брата разодрали волки, он чудом спасся, оказавшись на вершине дерева. Своими глазами он увидел звериную жестокость сурового, голодного послевоенного времени. Обустроивая свою судьбу, он встретил красавицу Мадину. От их союза родились мальчик Даут и две одаренные девочки: одна пошла в балерины, другая стала солисткой театра. Даут стал ветеринаром, помощником Мадина. Так распределилась судьба с жизнью героев четвертого поколения романа.

Да и завистливых людей в романе «Буренушка» тоже достаточно. Хорошо, что Гульбану и Мадина не обращали на них внимания. Если Сабия добилась своего суженного Ихсанбая страстной любовью, то Галима, подруга Мадина, всю жизнь завидовала подруге и поплатилась жизнью собственной дочери и внуком. Читая роман-эпопею, поневоле задаешься вопросом: как земля держит таких людей? Дочь Галимы, Самира, к примеру, родила сына от любовника матери. Чтобы скрыть позор дочери, Галима решила «умертвить» собственного внука, отдав его в дом ребенка. Последнего усыновила бездетная семья, точнее, усыновил Кыдрасов, любовник Галимы, родной отец ребенка. Дочь Галимы двадцать лет посещала «могилу» сына, а встреча с ним состоялась в необычной обстановке: сын попал в аварию, а мать, врач по профессии, должна была спасти и выходить собственного сына. В результате Салима поплатилась своей жизнью.

С самого начала романа-эпопеи башкирского и алтайского писателей и до последних его строк причудливо чередуется драма и трагедия. То умирают старики, то уходят из жизни безвинные малые дети, при этом всё это нарисовано автором в нечеловеческих ситуациях. Не зря в романе-эпопее постоянно сравниваются аул людей и логово волка. Близнецов Гульбану убила волчица по имени Кукбуре. Сама Мадина чуть не пострадала от голодных волков и т.д.

Романы алтайского писателя Л. Кокышева тем и интересны, что в основе их положены реальные события, достоверные факты. Иногда задаешься вопросом: откуда у молодого романиста такая всепобеждающая любовь к жизни, одновременно трагизм в творчестве? Поэт с детства испытал развод родителей, познал тяготы сиротства при многодетной матери, трудные военные и послевоенные годы сказались в творчестве писателя. Отсюда и чуткость, и нежность к окружающей природе, судьбе родных и близких. Прослеживая судьбу одной жен-

щины, Лазарь Кокышев окунулся в почти столетнюю историю алтайского народа, страны в целом. В романе-эпопее Т.Гареевой длиною в человеческую жизнь, удачно раскрыты характеры и положительных и отрицательных героев. Философия жизни такова, что не делай плохого, все обернется другой стороной. Как в доброй сказке добро все равно побеждает зло.

Прототипом главной героини романа «Цветок степей» Л.Кокышева, как сказано выше, выступила делегатка партийного съезда Ялкын Тулесова, с кем автор неоднократно встречался в 60-70-е годы XX столетия. Возможно, она рассказала писателю свою судьбу, так как подруга главной героини Нарьян и возлюбленный Дергелей Карастановой по имени Бырчык тоже имеют своих прототипов. Опираясь на реальные события и факты, Л. Кокышев художественно воссоздал обобщенные образы героев, незабываемые встречи и расставания любимых героев романа с читателями. Таков и роман «Созвездие Орион» Л.Кокышева. Молодые, влюбленные не теряют силу духа в самые трудные моменты жизни. Лена должна была помочь ослепшему летчику Карану, вера в собственные силы и надежда на мечту преодолевают все невзгоды жизни и судьбы.

Таким образом, в романах алтайского и башкирского писателей прослежены судьбы героев, достойные восхищения и оправдания. Это история целого народа, охватывающая почти сто лет, это судьба многих героев, длиною в человеческую жизнь. Отдельные сюжеты и образы перекликаются в алтайском и башкирском романах. Образы главных и второстепенных героев в обоих романах нарисованы емко, выпукло, достоверно. В алтайском и башкирском романах прослеживаются сходные темы, сюжеты и образы, которые сближают их и в то же время отличают друг от друга. В целом в упомянутых романах речь идет о драматической судьбе алтайского и башкирского народов.

Список литературы.

1. Мыреева А.Н. Многонациональный роман 1960-1980-х годов. Типологические аспекты/ А.Н. Мыреева.- Новосибирск: Наука. Сибирское предприятие РАН,1997.-159с.; Огорокова В.Б. Поэтика юкагирского романа./ В.Б. Огорокова. – Саарбрюкен: Lambert, 2011. - 194с.; Комбу С.С. Тувинский роман: художественное своеобразие, генезис./ С.С.Комбу//Развитие творческого потенциала личности и общества. Материалы международной научно-практической конфе-

ренции от 17-18 января 2013 г. - Прага, 2013.- С.31-36; Донгак Р.М. Роль фольклора в становлении жанра романа в якутской и тувинской литературах/Р.М.Донгак//Ученые записки Тувинского государственного университета. Вып.5.- Кызыл: ТувГУ, 2012.- С83-95; Палкина Р.А. Роман в литературах народов Сибири./ Р.А.Палкина. - Горно-Алтайск, 1979; Киндикова Н.М. «Услышь в напевах ветра голос мой...». О романах А.О. Адарова./Н.М.Киндикова. - Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2012.- 67с.

2. Серебрякова З.С. Национальный характер в романе Д. Батожабая «Похищенное счастье»/З.С.Серебрякова//Вестник Бурятского государственного университета. Выпуск. Филология, 2013. - №10.- С.24-27

3. Кокышев Л.В. Арина. (Отрывок романа в переводе Л.Леуткина.)/ Л.В.Кокышев //Песни над Катунью.- Горно-Алтайск, 1962.- С.58-101; Кокышев Л.В. Арина (перевод А. Китайника)/ Л.В. Кокышев.- Новосибирск: Алтайское книжное изд-во, 1968.- 327с.

4. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение./В.М. Жирмунский - Л.: Наука, 1979.

5. Каташ С.С. Идеино-тематическое содержание романов Л.В. Кокышева/ С.С.Каташ// Алтайские писатели. Юбилейные материалы и автобиографии. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2001.- С.20-26

6. Кокышев Л.В. Лирика./ Л.В.Кокышев. - Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2012.- 406с.

7. Кокышев Л.В. Женщины. Романы./ Л.В.Кокышев - Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1977.- 428с.

8. Гарипова Т.Х. Буренушка/Т.Х. Гарипова- Уфа: Китап, 2009.- 696с.

9. Кокышев Л.В. О себе, о работе/ Л.В.Кокышев//Кокышев Л.В. Арина. Роман. – Новосибирск, 1968.- С.3-7

Сокровенный Алтай: типология культур, открытость миру

В условиях глобализации мировых процессов актуальной остается проблема локального изучения национальных культур в контексте развития общерегиональных, мировых цивилизаций. Не вдаваясь в глубокую древность, попытаемся типологически сопоставить дея-

тельность трех творческих личностей Н.Ф. Катанова из Хакасии, Г.И. Чорос-Гуркина из Алтая, А.Е. Кулаковского из Якутии (Саха).

Почти до XXI века Алтай существовал в закрытом, замкнутом этнокультурном пространстве. С одной стороны, это позволило сохранить в первозданном виде природу и человека, конкретно алтайца по национальности, поскольку существовал негласный закон - алтайское табу - для инородцев, заложенный в его крови генетически. Зачастую они не осознавали причину этого запрета, но беспрекословно подчинялись ему. С другой стороны, жители современного Алтая психологически оказались неготовыми к такому паломничеству евроазиатских туристов в начале XXI века.

Как известно, в древних источниках Алтай обозначен как «золотые горы» на обетованной земле, в XVIII-XIX веках Алтаем интересовались путешественники-исследователи (Ледебур, Мейер, Спасский и мн.др.). Они восхищались красотой Алтая, сравнивая его со Швейцарией, удивлялись первозданностью природы, дикостью его обитателей. С тех пор прошло много времени.

Алтай географически занимает особое место в Центрально-Азиатском континенте и привлекает современных путешественников. Общеизвестно то, что Алтай – прародина древних и современных тюрков. Смысл слова «алтай» коренные жители Алтая интерпретируют, прежде всего, как «алтай баскан јерим» - «земля, по которой я хожу, перешагивая», тем самым подчеркивалась глубокая взаимосвязанность человека и земли. И действительно, в трудные минуты жизни они обращались к сакральному Алтаю словами благословения:

О, оҕо турган Кудайым
Айлу-күндү тенерим,
Агаш-ташту Алтайым,
Аргада менин тынымды.

О, Верховное божество!
Небо с луной и солнцем,
Алтай с горами и реками
Спаси мою душу!

В этих строках человек оказывается в середине Вселенной, а не над нею, и не под ней, точнее, на виду осознание человеком самого себя всего лишь частицей земного мира.

В настоящее время на этой земле расположены древние курганы, каменные изваяния, имеются наскальные рисунки, рунические надписи и т.д., олицетворяющие вечность и древность Алтая. Алтайцы сохранили себя как народность благодаря наличию родословной. Каждый алтаец обязан был знать свой род до 7-12 колен. Помимо всего этого каждый род имел свою почитаемую гору, тем самым подчер-

кивалось сокровенность древнего Алтая. Такова, например, принадлежность горы особой личности, к примеру, Бабур-каану из рода тодош, Чапты-Каану из рода чапты, Аба-каан из рода кебек или окружающей территории, а именно, названию топонима, к примеру, Улу-каан в Улагане, Самар-каан в Каракольской долине и так далее.

Горы, реки, озера имели своих духов-ээзи и обожествлялись, поскольку древний человек относился к окружающему миру философски, чем современный человек. По мировидению алтаец глубоко чувствует свое единение с природой, а к Алтаю они относятся как к живому существу. Об этом, точнее, о государственной сакрализации священных мест достаточно полно написано в трудах современных исследователей (В.А.Муйтуева, М.Н. Клешев, С.П. Тюхтенева и др.). Нам остается лишь претворить эти правила поведения в жизнь, алтайское табу в практику: не шуметь на вершинах гор, не перешагивать изголовье родника, не бросать деньги в целебные источники и т.д., другими словами, уважать обычаи и традиции коренных жителей Алтая. Основные мифологические локусы Белуха, Катунь, Телецкое озеро стали символическими не только для коренных жителей, но и для путешественников со всего мира.

До настоящего времени превалировал, словами тувинского литературоведа З.Б. Самдан, «европоцентристский подход в изучении духовной культуры» Алтая, «настала пора обратиться к евразийскому синтезу, к восточным нравственным принципам и космоцентристским методам исследования» Алтая и алтайцев. Тогда все встанет на свои места.

Алтай закрыт для тех, кто хищнически относится к его недрам, фауне и флоре, а именно, к его животным, зверям, лекарственным травам и т.д. Алтай открыт для всех, кто растворяется в его таинственности, загадочности, в его философию. Об этом и о судьбе малочисленных народов в начале XX века писали алтайский художник Г.И. Чорос-Гуркин (1870-1937), хакасский ученый Н.Ф. Катанов (1862-1922), якутский писатель А.Кулаковский (1877-1926) в своем обращении к интеллигенции. Они были прозорливее своих соотечественников, великими мыслителями не только своего, но и будущего времени, сильными духом людьми.

В свое противоречивое время вышеупомянутые лидеры поднимали судьбоносные проблемы малочисленного этноса: вопросы экономики, экологии, этики, нравственности и т.д. В своем знаменитом

произведении «Плач алтайца на чужбине» Г.Чорос-Гуркин предсказал сегодняшнюю ситуацию на Алтае. В начале XXI века актуальным остается тот же вопрос: сохраним ли мы наш священный Алтай, прародину тюрков для будущего поколения, для человечества в целом.

Только на исходе XX столетия удалось восстановить рукописи вышеупомянутых личностей из архивов ФСБ, осознать значимость их творческой и политической деятельности, установить на родине памятник трем лидерам Сибири, оживить их образы в художественной литературе, на сцене национального драматического театра в частности. Здесь я имею в виду спектакль «Восхождение на Кан-Алтай» (2011), поставленный якутским режиссером А.С. Борисовым о судьбе алтайского художника Г.И. Чорос-Гуркина, «Рожденный небом» (2012) в постановке калмыцкого режиссера Б. Колаева о судьбе Н.Ф. Катанова. В Москве, в Доме национальностей якуты отметили 100-летие со дня написания послания А.Е. Кулаковского, хакасы провели международные научно-практические конференции, посвященные 150-летию Н.Ф.Катанова в Казани, Абакане. Нам же остается переиздать неизданные рукописи Г.И. Чорос-Гуркина, соорудить скульптурное изображение членов всей семьи репрессированного Г.И. Чорос-Гуркина при восстановленном музее-усадьбе в селе Оносе Чемальского района Республики Алтай. Когда были в Сибири такие яркие личности в истории малочисленных народов, есть чем гордиться новому поколению, думать о перспективе своей республики в контексте развития культуры сибирского региона. Хочется надеяться о том, что в будущем Алтай будет не только туристическим объектом, но и здравницей для жителей республики, местом творческого и научного созидания для ученых, писателей, художников.

Литература

1. Муйтуева В.А. Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев. - Горно-Алтайск: изд-во «Высоцкая Г.Г.», 2004. – 166 с.
2. Клешев В.А. Народная религия алтайцев: вчера, сегодня. – Горно-Алтайск: изд-во «Высоцкая Г.Г.», 2011.- 246 с.
3. Тюхтенева С.П. Земля. Вода. Хан Алтай: этническая культура алтайцев в XX веке. – Элиста: изд-во КалмГУ, 2009. – 150 с.
4. Алтай – сокровище культуры. – СПб.: тип. «Иван Фёдоров», вып. 4. – 383 с.

5. Проблемы перевода литератур Сибиря

Взаимоперевод тюркских литератур: сохранение этнокультурных особенностей

В XXI веке редко кто занимается переводом национальных литератур. До настоящего времени привычно было обращение к русскому переводу тюркских литератур, который публикуется в толстых журналах «Дружба народов», «Сибирские огни», «Дальний восток», «Полярная звезда» и т.д. Через них национальные переводчики выходят к переложению на родной язык заинтересовавшегося художественного произведения. Казалось бы, теория и методика перевода давно разработаны такими специалистами, как В. Рагойша (1980), Г. Гачечиладзе (1980), А. Попович (1980), А. Лилова (1985) и многими другими [1]. Тем не менее, нас интересует проблема сохранения этнокультурных особенностей в переводах тюркской литературы. Прежде всего, зададимся вопросом: что мы вкладываем в понятие этнокультурные особенности и почему этот вопрос становится актуальным сегодня?

Бурятские коллеги по перу разработали целое направление в литературоведении, выпячивая слово «этно» в литературоведении, образовании и культуре как единое целое. В частности, речь идет о научной школе профессоров С.Ж. Балданова, В.Б. Махатова и других, которые пытаются выявить национальное в художественном тексте, в нашем случае, определить этнокультурное составляющее в переводном произведении, точнее, в алтайской, бурятской, тувинской, хакасской, якутской литературах [2]. В частности, профессор С.Ж. Балданов пишет: «Этнолитературоведение - это есть литературоведение, исследующее художественное произведение или художественную литературу с точки зрения национальной ментальности, национальной образности, склада психики, национального характера и мышления» [3, с.107-108]. Здесь сказано все. Кроме прочего, сюда относятся и национальные обычаи и традиции, разные этические и этнографические реалии, включая бытовые, хозяйственные и другие атрибуты. Известно также, что и русские классики (Пушкин, Лермонтов, Толстой, Чехов и др.) реализовывали в своем творчестве азиатскую эстетику – культ гор, степи, воды, неба и т.д.

Национально-культурные кодовые понятия, знаки проявляются в литературе через язык, мифологию, обычаи и традиции, историю и культуру того или иного этноса. Теоретические и методологические основы национально-культурного кода рассмотрены в трудах ведущих теоретиков страны, как Г.И. Ломидзе, Н.С. Надъярных, Ч.Г. Гусейнов, Г.Г. Гачев и др. В частности, К.К. Султанов пишет: «Проблематика этнокультурной самоидентификации в последние годы тотально заявила о себе почти во всех сферах гуманитарного знания и в культурной практике. Ее литературно-художественная репрезентация нередко приобретала программное значение, на которое литературоведение чутко откликалось и пафос реконструкции целостности национально-культурного опыта. В то же время обозначилась тенденция самодостаточного этнокультурного дискурса, который разворачивается на «территории» литературоведческого анализа»[4, с.339]. Литературовед А.Л. Кошелева считает это направление одним из актуальных направлений в исследовании проблемы взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур [5,с.32].

Почему проблема сохранения этнокультурных ценностей в переводе становится злободневным сегодня? Потому что в эпоху глобализации и интенсивного развития коммуникативных технологий наблюдается угроза стирания границ национального пространства. «Регионализм и регионализация сегодня, равно как и движение народов к осознанию своей суверенности, своей национально-этнической и духовной ценности, выступают в качестве реакции на процессы глобализации» - пишет Е.К.Созина относительно литератур Урало-Поволжья [6,с.326]. Применительно к художественному переводу национальных литератур это означает сохранение этнокультурного составляющего в развитии литератур народов России, с одной стороны; с другой – это свидетельство диалогичности художественного текста, его открытости в мир инонациональной культуры.

Именно об этом речь шла на круглом столе, организованном редакцией журнала «Дружба народов» в 2012 году [7]. Участники его из стран СНГ и России сходились на том, что они теряют потенциального читателя из-за отсутствия переводных произведений. Печатаются лишь русскоязычные авторы. Проблемой остаются переводные произведения литератур национальных авторов с родных языков, поскольку за 20 лет практически прекратило свое существование школа художественного перевода. Помимо этого наблюдается языковое рас-

слоение общества: пишущие на родном не выдерживают конкурса при переводе, а русскоязычные теряют образность и выразительность слова.

Переводчик Алина Талыбова из Азербайджана замечает: «во многих «молодых стихах» практически нигде не обозначено «местожительство» поэта, как и не обозначены год и век его проживания, его принадлежность к тому или иному этносу с его культурой, историей, наследием прошлого и «болевыми точками» настоящего...»[7, с.253]. И далее автор подчеркивает: «Современные русскоязычные авторы существуют в других исторических реалиях, на другом временном фоне, стараясь удерживать высокую планку, заданную предшественниками, чтобы и сегодня достойно представлять миру свою многоликую, многоязыкую родину»[7, с.252].

Заместитель главного редактора журнала «Идель» Г. Зайнуллина из Татарстана заявила: «Вообще культуры не должны удушать друг друга в объятиях, при слишком тесном контакте они начинают гасить друг друга» (7, с.247). Если титульные народы заговорили об утрате своего национального, то, что говорить о малочисленных народах в эпоху глобализации? Тем не менее, в сибирском регионе наблюдается тяга нового поколения к взаимоузнаванию через взаимоперевод художественных литератур. Так, переведены с алтайского на якутский, тувинский, хакасский языки произведения алтайских писателей и, наоборот, правда, с помощью русского переложения. Редко где практикуется перевод с языка оригинала.

В современном литературоведении научный интерес представляет проблема создания этнической картины мира применительно к той или иной национальной литературе. При этом национально-культурная специфика той или иной литературы ярко проявляются в сравнении с другими литературами. По этому поводу М.М. Бахтин писал: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывается полнее и глубже... При такой диалогической встрече культур они не сливаются и не смешиваются, каждая из них сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимообогащаются»[8, с.334]. Эту диалогичность культур мы отмечаем в современных переводах. Если это алтайская литература, к примеру, то непременно упоминается Алтай или его горы, реки, озера – Белуха, Катунь, Телецкое озеро - выступают в тексте кодовыми символами. Переводчики ошибаются лишь в философском мирозерцании алтайцев.

Народ с древних пор видит мир целостно: человека во взаимосвязи с Вселенной: «О верховное божество!/ Небо с луной и солнцем, /Земля с горами и деревьями, /Спаси мою душу». В этой картине место человека в середине Вселенной. Если это народная песня, то обязательно упоминаются реки Алтая: Иртыш и Катунь и т.д. К примеру, «Кадынды томон куш келди /Канады този бош келди Кайран Алтайды сананып,/ Кара козимнен јаш келди». Во второй строфе упоминается река Иртыш. Эту особенность устной поэзии перенимают современные алтайские поэты. Обычаи и традиции алтайцев передаются через стихи. Например, в стихотворении Б.У. Укачина мы читаем: «Восходят в гору старики,/ И пожилые, и подростки/ Вязать цветные лоскутки/ К растущей на горе березе и т.д. А в конце автор поясняет: «Да потому он жив в наш век,/Обычай этот, что и ныне/ Природумать чтит человек/ Превыше всяческой святыни» (перевод И.Фонякова). Переводчики стараются сохранить этнокультурные особенности переводимой литературы: лексику, этнореалии, этнопсихологию и т.д. К примеру, в стихотворении «Рождение башкира» («Башкир туулганы») Булата Рафикова алтайским переводчиком Паслеем Самыком сохранена башкирская лексика в тексте: сабантуй, курай, чапчак, аксагал и т.д., которая придает национальный колорит произведению на чужом языке.

Как известно, именно художественный перевод способствует сохранению национальных традиций в культуре того или иного народа, на языке которого он выполняется. А сохранение национальных форм – это залог многообразия и богатства творчества всех народов, каждый из которых вносит свою лепту в мировую культуру.

В любом художественном произведении человек, общество, история, культура и т.д.- в целом образуют подтекст, контекст, интертекст, которые требуют особой расшифровки специалистов разного профиля, а не только филологов. Относительно художественных переводов это означает выявление информационного поля о языке, истории и культуре того иного этноса в историко-культурном пространстве.

Специалист по переводоведению Л.С. Маркина в своей работе «Межкультурный фактор в переводе» (2001) среди прочих атрибутов предлагает учитывать, в первую очередь, культурный символ и национальный характер. Таковыми могут быть, к примеру, символы голубой волчицы или мирового дерева в литературах тюркских на-

родов («бай терек»), предания о родословной в культурной памяти современных тюрков. Тем самым она приблизилась к мысли о том, что важно передать этнические особенности переводимого текста. Однако Л. Маркина ограничилась лишь культурными символами, которые включают в себя идеологию, поэтику и универсалию общения. Идеология – сегодня, казалось бы, прошедший этап, однако в некоторых случаях они подчеркивают время создания произведения. К примеру, в одном из ранних переводов стихотворения «Деревня» («Голубые просторы») алтайского поэта Л. Кокышева в переводе Ю. Полухина теряется национальный колорит из-за опущения смыслообразующего слова «Козуйке». В оригинале автор употребляет это слово дважды - название одноименного героического сказания, сравнивая образ лирического героя с образом богатыря алтайского героического эпоса. Для русскоязычного читателя оно ничего не значит, однако для других - оно несет глубокий этноэстетический смысл. «Универсализация общения основана на общности психического склада нации, его традициях, обычаях и способах выражать свои мысли в речи»[9, с.4]

Прежде чем говорить об особенностях переводов тюркских литератур, попытаемся выяснить вопрос: что же переводится в начале XXI века? Историю переводческого дела в сибирском регионе мы рассмотрели на научном семинаре под названием «Тюркоязычные литературы: проблемы художественного перевода»(2004), по результатам которого издали сборник статей «Перевод тюркских литератур: теория и практика» (2005)[10]. В данном случае речь пойдет о взаимопереводе тюркских литератур, который активизировался с середины 70-х годов XX столетия, а в 90-е годы почти перестали переводить и только в начале XXI века перевод возобновлен. Заметим, первоначально это были единичные произведения той или иной яркой творческой личности того или иного региона, как например, произведения М. Карима из Башкирии, Ч. Айтматова из Киргизии, И. Есенберлина из Казахстана и т.д. Впоследствии алтайские переводчики обратились к переводу крупных жанров или к целому сборнику стихов известных писателей: «И дольше века длится день» Ч. Айтматова, стихи А. Даржая и Ю. Кюнзегеша из Тувы, комедия «Медвежий лог» М. Кильчичакова из Хакасии, «Змея в пазухе» Асхата Мирзагитова из Башкирии, повесть и рассказы «По ту сторону дверей» Сейрана Сехавета из Азербайджана и т.д.

Так, появились взаимопереводы якутской, хакасской, тувинской башкирской, татарской, чувашской литературы. Переводы осуществлены, в основном, на уровне взаимных контактов творческих личностей. А в XXI веке алтайские писатели и исследователи приступили к переводу на родной-алтайский - язык древней поэзии – «Малая и Большая надпись» (2002) - в переводе А. Адарова, «Слово о полку Игореве» (2006) (переводчик К. Кошев), «Сказание об Огуз-кагане» (2010) в переводе историка Г.П. Самаева, «Сокровенное сказание монголов (2010) в переводе д.ф.н. Т.М. Садаловой и т.д. Тем самым они восполнили недостающее звено в периодизации истории алтайской литературы. Сравнивая переводы древней поэзии А. Адаровым на алтайский язык и Д. Монгуш на тувинский язык, исследователь Т. Садалова предлагает создать единый свод переводов на современные тюркские языки, поскольку они отражают не только исторические корни современных национальных литератур, но и широкий контекст нашей современной культурной жизни [11,с.98]. Остается осуществить и стихотворный перевод древней поэзии, поскольку у всех тюркских народов имеется поэтический перевод древней поэзии. А по поводу перевода К.Кошева древнерусского текста она замечает: «Величайший памятник древнерусской литературы зазвучал густым сочным алтайским языком...При всем обилии конкретных топонимов, этнонимов, имен героев и персонажей перевод воспринимается и ложится на алтайский слух, греет сердце даже самого взыскательного алтайского читателя, что свидетельствует и о адекватности, богатстве алтайского поэтического языка» [12]. Значит, нам не стоит прибедняться в скудности родного языка, тем более поэтического. Остается лишь достойно оплатить нелегкий труд переводчика, к сожалению, мы этого не делаем. Ведь над переводом древнерусской литературы К.Кошев, как исследователь, работал почти 30 лет. Первый вариант «Слова о полку Игореве» им осуществлен в 1977 году, второй – в 1987 году, и наконец, завершён 2003-04 годах и только 2006 году его издали, тогда, как хакасы его опубликовали в 2003 году. Причем К. Кошев опирался не на существующие переводы, а исходил из оригинала, сравнивая при этом тюркский алфавит с кириллицей, и опирался он не на текст, а воссоздавал эпоху создания произведения, события отражал через призму авторского восприятия. Этот текст нам дорог и необходим для сравнительно-сопоставительного изучения древнетюркского и древнерусского текстов.

Что касается переводов Ш. Шатинова, то они до сих пор не изданы. В XXI веке им переведены драматургические произведения зарубежных классиков для постановки на сцене национального драмтеатра им. П.В. Кучияка. Эти переводы представляют интерес исследователей не только с художественной стороны, сколько как лингвистический текст, поскольку поэтический язык автора богат и безупречен.

Из современной тюркоязычной литературы на алтайский язык переведены произведения чувашского писателя Н. Ижендея («Голос неродившегося ребенка» (2002) в переводе К.Кошева), на якутский язык переведена повесть «Пепел звезд», рассказы «Дома я дома» Д. Каинчина, алтайские легенды и предания, составленные Б. Бедюровым, на тувинский язык переведена лирика алтайских поэтов тувинским поэтом-переводчиком Менги Ооржак (2008) и т.д.

Почему именно эти произведения Д. Каинчина заинтересовали якутских переводчиков? Думается, прежде всего, отражение в повести древнетюркских событий V1-V111 веков, точнее, история древних тюрков. Таким образом, якутские читатели уже имеют представление о фольклоре и художественных произведениях алтайцев. К таковым относятся также неперевоенные произведения «Племя беркута» алтайских писателей Д. Маскиной и «Синий волк» Н. Бельчевой и др., написанные на основе исторических преданий алтайцев.

Произведения тувинских поэтов, как С. Комбу, Ч. Куулар и др., удачно воспроизведены на алтайский язык поэтессой Г. Елемовой. В свою очередь, тувинские поэты переводят произведения алтайских писателей с оригинала. Этот опыт можно перенять и другим тюркским этносам. Следует заметить, что такие переводы вполне можно предложить для изучения в тувинской и алтайской школах и вузе. Все это свидетельство роста национального самосознания этносов, с одной стороны; с другой – стремление переводчиков сохранить самобытность национальной литературы, осмыслить уникальность своей культуры.

К сожалению, в последние годы мы потеряли профессиональных переводчиков алтайской лирики на русский язык в лице Ильи Фонякова, Рауиля Бухараева, алтайской прозы в лице Абрама Китайника. Из современных поэтов И. Фоняков успел перевести стихи К. Кергилова в сборнике «Гонец» (2008), а некоторые алтайские писатели, не дожидаясь перевода, уже сочиняют на русском языке В. Кертешев, А.. Тадинов, Р. Тодошев и др.

Переводные произведения внедрены в процесс школьного и вузовского обучения. Редко в каких республиках изучается тюркская литература. Изучают ли алтайскую литературу в других регионах, мы не знаем, так как современная алтайская литература почти не переведена на другие языки. Я имею в виду романы, повести и рассказы ведущих прозаиков: А.О. Адарова, К.Ч. Телесова, Д.Б. Каинчина и др. В свою очередь, мы включили переводные произведения национальных писателей, в том числе, тюркских народов России и СНГ в школьные и вузовские программы, так как в школах этот предмет не преподается, а в учебное пособие «Литература народов России» (2009), составленное Р.З. Хайруллиным, не вошли многие писатели сибирского региона. При этом важным остается сохранение в переводе этнокультурных особенностей той или иной литературы. В тюркской культуре читатель обычно ищет свое, родное, близкое. Но есть и отличия в обычаях и традициях этих народов. При знакомстве с переводной литературой он начинает лучше и глубже понимать и оценивать собственную культуру, литературу.

Таким образом, генезис этнокультурной духовности восходит к общетюркским символам, образам. В историческом диалоге с другими культурами каждый из этносов вносит свое, национально-специфическое в культуру, литературу современных народов. Сравнительно-типологическое изучение национальных литератур приводит, словами М. Храпченко, «к раскрытию общих или сходных тенденций как в литературах народов близких по языку и историческим судьбам, так и в литературах, которым не присущи эти черты»[13,с.58]. Сохраним ли мы в переводе этнокультурные особенности той или иной литературы, от этого зависит судьба и дальнейшее развитие национальных литератур в XXI веке.

Литература.

1. Рагойша В.П. Проблемы перевода с близкородственных языков: белорусско-русско-украинский поэтический взаимоперевод. - Минск: изд. БГУ им. Ленина, 1980; Гачечиладзе Г.Р. Введение в теорию художественного перевода. - Тбилиси, 1970; Попович А. Проблемы художественного перевода. - М., 1980; Лилова А. Введение в общую теорию перевода. - М.: Высшая школа, 1985. - 256 с.

2. Бадмаев Б.Б. Об эдиционном проекте научной школы профессора С.Ж. Балданова // Этнолитературоведение, образование, культура. Межвузовский научно-методический сборник. - Улан-Удэ: изд.-во ГУПИД «Буряад унэн», 2009. - С.3-7; сб. «Национально-региональное

в вузовском литературном образовании: перспективы и приоритеты». Межвузовская научно-практическая конференция, посвященная 80-летию профессора В.Б. Махатова. – Улан-Удэ, 2009.-180с.; Балданов С.Ж. Бурятская литература в условиях современных социокультурных процессов// Бурятская литература в условиях современного социокультурного контекста. Материалы региональной научной конференции. Часть 1.-Улан-Удэ: «Буряад унэн»,2006. - С.4-8

3. Балданов С.Ж. Этнолитературоведение – один из разделов современного общего литературоведения//Национально-региональное в вузовском литературном образовании: перспективы и приоритеты». Межвузовская научно-практическая конференция, посвященная 80-летию профессора В.Б.Махатова. – Улан-Удэ: «Буряад унэн»,2006.- С.8-13

4. Султанов К.К. Этнокультурная идентичность как проблема литературоведческого анализа// Международные ломидзевские чтения. Материалы международной научной конференции.- М.: ИМЛИ РАН,2008.- С.338-352

5. Кошелева А.Л. Хакасская литература в ареале национальных литератур народов России // Этнолитературоведение, этнолитературное образование, этнокультура. Межвузовский научно-методический сборник. – Улан-Удэ: «Урjад-унэн»,2009.- С.30-36

6. Созина Е.К. Проблемы исследования истории литературы Урала (к вопросу об изучении региональных и национальных литератур)// Международные ломидзевские чтения. Изучение литератур и фольклора народов России и СНГ: Теория. История. Проблемы современного развития.- М.: ИМЛИ РАН,2008.- С.326-337

7. Дружба народов.- М.,2012, № 6. – С. 245-255.

8. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества.- М.:Наука,1979

9. Маркина Л.С. Межкультурный фактор в переводе.- М.,ПИАМС,2001.- 123с.

10. Тюркоязычные литературы: проблема художественного перевода.- Горно-Алтайск,2004. - 71с.; Перевод тюркских литератур. Теория и практика.- Горно-Алтайск,2005.- 102с.

11. Садалова Т.М. Об опыте переводов древнетюркской поэзии//Перевод тюркских литератур. - Горно-Алтайск,2005.- С.93-98

12. Садалова Т.М. Слово о К.Д.Кошеве// Родник (приложение газ. «Алтайдын Чолмоны»)- Горно-Алтайск, 2011,с.4

13. Храпченко М.Б. Типологическое изучение литературы и его принципы// Вопросы литературы.- М.,1988,№3.- С.58-59

Китайская литература в переводе: история и поэтика

Как известно, Китай открыт для россиян первым востоковедом Н.Я. Бичуриным (1777-1853), основоположником научного китаеведения в России. Чуваши по национальности, в то время, по нашему удивлению и восхищению, он был полиглотом: отлично владел не только родным и русским, но и китайским, латинским, греческим, французским языками. Его труды по истории и культуре Китая, Тибета, Монголии стали впоследствии «путеводителем» в культуру китайского, монгольского, тибетского народов. За 14 лет пребывания в Китае ему удалось даже составить китайско-русский словарь в 9 томах [1].

Второе открытие Китая россиянами связано с революционными событиями в России в XX веке и закончилось «культурной революцией» в Китае. Тем не менее, в те годы издавался глянцевый журнал под названием «Китай» в цветном изображении, которого распространяли по всей России, в том числе и на Алтае. Из него россияне узнавали жизнь и быт простых тружеников, были осведомлены последними событиями за каменной стеной.

Третье знакомство россиян с Китаем началось в XXI веке, когда мир узнал успехи и достижения многомиллионного китайского народа. А литературу «всколыхнули» лауреаты Нобелевской премии: Гао Синцзянь, Лю Сяобо и, наконец, Мо Янь - автор 11-ти романов, 80-ти рассказов, 30-ти повестей [2]. А на Алтае функционирует международный координационный совет под общим названием «Наш общий дом – Алтай», куда входят четыре приграничные государства: Китай, Монголия, Казахстан и Россия. Последнюю географически представляет Республика Алтай.

Мы остановимся на взаимоотношениях двух соседних государств: России и Китая, а точнее, Алтая с Китаем, корни которых уходят к древнейшим временам. Попутно выявим историю и поэтику художественных переводов на Алтае в исторической перспективе. Данная проблема рассматривается в алтайском литературоведении впервые. Между тем о китайской литературе писали еще в 40-е годы XX века (В.М. Алексеев, Н.Г. Федоренко и др.), а в 60-е годы появились статьи И.В. Надеева, Л.З. Эйдлина. В 80-е годы китайской литературой занимались И.С. Смирнов, М.В. Кравцов и др.[3]. В их исследованиях имеются ценные сведения не только об особенностях

развития китайской литературы, но и о поэтике древнейшей поэзии Китая. Опираясь на их исследования, попытаемся проследить литературные контакты двух народов.

История культурных взаимоотношений двух народов: китайцев и тюрков, в том числе алтайцев, началась с торговых связей кочевников, которые впоследствии переросли в политику и культуру обоих народов. Об этом свидетельствуют древнекитайские и древнетюркские источники, обнаруженные на Алтае и в Китае при археологических раскопках. В то время средством передвижения были в основном колесницы, упоминавшиеся в древнекитайской поэзии и найденные в могильнике Пазырык на Алтае. Сегодня эта необычная колесница хранится в Эрмитаже Санкт-Петербурга (Россия), копия выставлена в национальном музее имени А.В. Анохина в Горно-Алтайске (Республика Алтай, Россия). Оба народа с древнейших времен обменивались парчой, сукном, фарфоровой посудой, драгоценными изделиями из камня, серебра, золота. Большой популярностью пользовались врачевание, траволечение и обмен продуктами (зеленый чай). Погребальный обряд обоих народов почти одинаков: вместе с усопшим погребали его жену, слуг, изделия из бытового назначения, лошадей и т.д. [4,с.103].

В литературных источниках мы находим сведения о том, что тюркоязычные тексты нередко были написаны китайскими иероглифами. В содержании самих текстов имеются сведения о том, что отдельные писари получали образование в Китае (1,18). И что удивительно, некоторые эпитафии, в частности «Большая надпись» в честь Куль-Тегину, написаны не только на тюркском, но и на китайском языках [5,с.26]. Помимо всего прочего в содержании надгробных текстах воспеваются подвиги великих предков тюркского народа и рассказывается о покорении тюрков Китаем [5, с.33].

В более поздние времена алтайские предводители всячески старались оградить свой малочисленный народ - алтайцев от смешения с китайцами, поскольку они заметно отличались менталитетом, традиционной культурой и языком общения. Все это запечатлено в поэтических изречениях китайцев и алтайцев, одного из тюркских народов России.

Конечно, несравнима высокая культура древних китайцев с примитивным отношением к окружающему миру и человеку алтайцев, тем не менее, философское осмысление жизни и смерти четко про-

слеживается в древних надписях и литературе обоих народов, о чем свидетельствуют, к примеру, «Девятнадцать древних стихотворений» китайцев в переводе на русский язык Л.Эйдлина или исследование поэзии древних тюрков, осуществленное ведущим тюркологом России И.В. Стеблевой [6,7]. В частности, в надгробных надписях говорится о том, что их обучали письму в Китае [8,с.33].

Литературно-культурные взаимоотношения китайцев с россиянами возобновились в революционные годы XX века. В это время впервые переводились на алтайский язык китайские произведения отдельных авторов, естественно, с русского переложения, поскольку они написаны иероглифами. Так, в сборник «Пламя революции»(1933), переведенный на алтайский язык писателем П. В. Кучияк, наряду с другими писателями мира вошел лишь один рассказ Дин Серала из Китая. А в 50-е годы XX столетия просвещенные алтайцы подписывались на журнал «Китай», в котором широко и красочно освещались политика, история и культура китайцев. Было время, когда переводились и фольклорные, и литературные произведения отдельных авторов. В частности, с большим интересом читались алтайцами книга «Прогрессивные писатели мира (1957), изданная на родном - алтайском языке [9]. В него вошли рассказы китайских прозаиков. Рассказы Хуа Шань под названием «Письмо с петушиными перьями» («Канатту письмо»,1958) переведены на алтайский язык алтаеведом Е.С. Алчубаевой [10].

«Рассказы» (1960) Лу Синя, изданные отдельной книгой, интересны тем, что наряду с широким показом жизни городских и деревенских жителей Китая, автор сосредоточивает свое внимание на внутреннем мире своих героев. Так, главный герой рассказа «Бумажная змея» уже во взрослом возрасте, вспоминая свое детство, пытается просить прощения у младшего брата за то, что растоптал его бумажную игрушку. Сюжетно и психологически рассказ построен именно в этом русле: как он встретиться с братом, как попросит у него прощения. Герой мучается, страдает, переживает и, наконец, «пытается исправить свои ошибки». Однако оказалось, что младший брат давно забыл этот случай с бумажной змеей. Тем не менее, главному герою удалось очиститься от своих мучительных «грехов».

Герой другого рассказа «Учурал болгон кичинек керек» («Эпизод со случайной встречей») приходит к осознанию человеческого достоинства. Именно он нанял рикшу, чтобы добраться в непогоду домой,

однако по пути они случайно сбили женщину коляской. Бедный рикша оказался человечным, по сравнению с «денежным» героем: он помог женщине подняться и проводить ее домой. Богатый же остался в коляске без проводника. Оставшись в коляске, он понял свою ошибку и попросил полицейского передать рикше копейки. Хотя последний и не нуждался в его «деньгах».

В рассказах Хуа Шаня речь идет о сражении китайцев с японцами. Десятилетний пастух с высоты бугорка сообщал о появлении нежелательных повстанцев-японцев. На этот раз ему было поручено важное задание - необходимо было доставить письмо китайским партизанам. Письмо с тремя перьями означало для него срочное сообщение. Так, пастушонок смело пытается доставить письмо его адресату, несмотря на рискованные обстоятельства. Сохранение в переводе типичных китайских слов и выражений способствует воссозданию этнокультурных особенностей художественного произведения.

Помимо рассказов на алтайский язык переводилась лирика. В частности, отдельной книгой издан сборник стихов «Восемнадцать стихотворений» (1960) Мао-Цзедунa в переводе А.О.Адарова [11]. Возможно, в те годы эта работа была заказной, но для переводчика это была первой попыткой перевода зарубежной лирики. И он осуществил его достойно, правда, с русского переложения.

К сожалению, во времена культа личности в Китае эти взаимные переводческие связи резко прервались, а книги были изъяты с полок библиотек. На этом и закончились литературно-культурные взаимоотношения алтайцев и китайцев и, в первую очередь, пострадал перевод художественной литературы на русский и другие языки народов России.

В XXI веке расширились литературно-культурные связи соседних народов. Через русский перевод в культуру алтайцев входят переводные произведения китайских авторов. Чаще всего переводится классическая лирика, причем алтайские поэты переводят самых известных поэтов, таких как: Ли Бо, Ду Фу, Дай Шу-лунь, Вей Ин-у и других. Алтайских переводчиков привлекали, прежде всего, философичность, медитативность и созерцательность древней поэзии.

В настоящее время китайская лирика существует на Алтае в переводе Карана Кошева, Аржана Адарова и других. Карана Кошева, инженера по образованию, алтайского поэта-переводчика, прежде всего, заинтересовало архитектурное строение древней юрты, опи-

санной в стихотворении «Голубая юрта» китайского поэта VIII века Бо Цзюй-и. Переводчик впервые обнаружил его в книге Л. Гумилева «Древние тюрки» (М., 1967). Текст переведен с немецкого на русский язык, затем с русского - на алтайский язык. Естественно, оригинал подвергся некоторому искажению. Тем не менее, каждый из переводчиков, вносит в поэтику стиха свое оригинальное видение. В переводе К.Кошева строки этого стихотворения обогатились яркими эпитетами, сравнениями и олицетворением. В частности, там, где «плясунья пляшет при огне», у Карана Кошева переведено: «танцовщица пляшет, словно веретено» или «постель кажется, словно мягкий войлочный ковер» и т.д. Пламя костра в очаге юрты тоже сравнивается с танцами, а красные угли подобны цветку орхидея. В стихотворении восхваляется удобства передвижной войлочной юрты кочевников по сравнению с богато украшенным дворцом вельмож. Поэт четко рисует образ голубой юрты: «Тень ее прекрасна под луной,/ А зимой она всегда со мной». Перевод К.Кошева: «Айдын тунде колоткози сури/ Карлу кышта сомы сурлу». Помимо всего этого произведение в переводе отличается необычным стихосложением: обогащено ритмикой и конечной рифмой. Смысл этого стихотворения – показать превосходство голубой юрты лирического героя перед дворцом [12,с.4].

У переводчика А. О. Адарова имеется большой опыт перевода восточной лирики. Кроме «Восемнадцати стихотворений» Мао-Цзедуна он в XXI веке опубликовал стихи разных китайских классиков в ежеквартальном журнале «Мир Алтая» (Горно-Алтайск, 2004, №2). Естественно, он переводил с готового русского переложения. Для достоверности автор указал переводчика с китайского языка – М. Басманов - и жанр классической поэзии – «цы». Помимо того расположил свой перевод параллельно с русским переводом, что способствует сравнению русского и алтайского переводов без оригинала. В русском переводе М. Басманов постарался передать этнокультурные особенности оригинала сохранением в переводе китайской лексики «флейта», «цинская дева», башня, географическое название местности – Балин и т.д.

В переводе на алтайский язык А. Адаров в первую очередь попытался донести для алтайского читателя смысл китайского стихотворения. Потому автор-переводчик вводит в перевод дополнительные эпитеты к понятию «башня» - «бийик öргөө», слово «флейта» заменил идентичным алтайским музыкальным инструментом «амыргы» и

т.д. Лицо девушки из Циня переводчик оставляет без изменения для того, чтобы незаметно убрать с текста конкретное место расставания влюбленных - Балин. Все это позволило воспринять китайское стихотворение инонациональному читателю как алтайское произведение.

В целом алтайский переводчик сохранил жанровые и этнокультурные особенности китайского стиха. Однако состояние цинской девушки не совсем точно передано в выражении «разбудил ее сон», а в переложении М. Басманова это всего лишь состояние влюбленности девушки - «цинской деве не спится». Точнее, было бы «цинь кыста уйку јок» и в последних строках этого стихотворения снова передано состояние томления лирического героя. А у А. Адарова получилось: «сердце ее обжигает».

В целом, алтайский переводчик в своих переложениях на родной язык недостаточно полно передал состояние влюбленности китайской девушки. Остальные стихотворения переведены автором идентично русскому переложению. К слову сказать, наиболее удачно переведены отдельные стихи Вэй-ин-у, Дай Шу-лунь, Ли Бо и других китайских поэтов. В целом переводы А.Адарова представляют художественный интерес у исследователей литературы [13].

Карана Кошева интересовало лишь содержание стихотворения «Голубая юрта», неслучайно, он переводит его на алтайский язык под названием «Кок куйме» и опубликовал в местной газете «Алтайдын Чолмоны» («Звезда Алтая», 2001, за 16 января).

Таким образом, китайская литература в какой-то степени существует на алтайском языке и переводчики не случайные люди, а профессионалы. Хочется надеяться, что вслед за профессионалами за перевод китайской литературы возьмутся молодые литераторы. Поскольку классическая лирика переводится на алтайский язык, а современная китайская проза существует на сегодняшний день только на русском языке, предстоит возобновить переводческое дело в России, в том числе на Алтае. Тогда мы за журналисткой Светланой Селивановой скажем: «...хотя Китай я знаю не понаслышке, для меня после прочтения Мо Яня словно раскрылись бездны неведомой доселе жизни, обнажилась ее глубинная корневая система, явился образ Китая – страны, огромной и сложной, противоречивой и уникальной»[14].

Литература.

1. Кривцов В. Отец Иакинф. - Л.,1978
2. Селиванова С. Нобелевская премия по литературе вручена в Стокгольме китайскому писателю//Литературная газета. - М.,2012,№51, за 19-25 декабря. - С.6
3. Алексеев В.М. Китайская литература (Историко-библиографический очерк).- М.-Л., 1940; Федоренко Н.Г.Китайская литература.- М.,1956; Надев И.М. «Культурная революция» и китайская литература.- М.,1968; Смирнов И.С.Современная синология о поэзии и литературной критике Древнего Китая.//Восточная литература древности и средневековье в зарубежных исследованиях 70-х годов.- М.,1982; Кравцов М.Е. Поэзия древнего Китая. Опыт культурологического анализа. – СПб.,1994 и др.
4. Культура Древнего Китая // Мировая художественная культура. Индия. Китай. Япония. От древности до современности. Учебное пособие.- М.: «Книголюб».- С.102-147
5. Надписи в честь Кюль-Тегина. Малая надпись. Поэзия древних тюрков (VI-XII вв). – М: «Раритет»,1993
6. Эйдлин Л. От переводчика.//Китайская классическая поэзия.- М.: Худ.лит-ра,1984.- С.3-10
7. Стеблева И.В. Древняя поэзия.// Поэзия древних тюрков. - М.: Раритет,1993.- С.5-20
8. Большая надпись.//Поэзия древних тюрков. – М.: «Раритет»,1993
9. Революциянын Жалбыжы куйбурейт (Пламя революции). Горно-Алтайск,1933; Телекейдин прогрессивный писательдери (Прогрессивные писатели мира).- Горно-Алтайск,1957
10. Лу Синь. Куучындар (Рассказы).- Горно-Алтайск,1960 - 36с.; Хуа Шань. Канатту письмо (Письмо с петушиным пером) – Горно-Алтайск,1958.-57с.
11. Мао Цзедун. Он сегис улгер (Восемнадцать стихотворений). Перевод на алтайский язык А.О.Адарова.- Горно-Алтайск, 1969.- 24с.
12. Кошев К.Д. Кок куйме (Голубая юрта)// Алтайдын Чолмоны (Звезда Алтая. - Горно-Алтайск,2001, за 16 января. - С.4 (Оригинал в книге «Древние тюрки Л.Н. Гумилева.- М.: «Товарищество: Клышников, Комаров и К»,1993.- С.71-72
13. Ли Бо. Амыргынын карыкчыл куузи (Печальная мелодия флейты); Дай Шу-лунь. Жуучыл турган Jer (Стоянка воина); Вей Ин-

у. Кардын јолы (Дорога снега). (Стихотворения китайских поэтов в переводе на алтайский язык поэтом А.О.Адаровым.// ж. «Мир Алтая». – Горно-Алтайск,2004,№2.- С.8

14. Селиванова С. Нобелевская премия по литературе вручена в Стокгольме китайскому писателю// Литературная газета. - М.,2012,№51, за 19-25 декабря, с.6

Переводная лирика Б. Укачина: проблема идентичности

Всероссийский читатель знает алтайского поэта Бориса Укачиновича Укачина (1936-2003) в основном по переводам Б. Слуцкого, И. Фонякова, А. Преловского. Об этом свидетельствует ряд сборников стихов поэта, в том числе «Календарь души», опубликованный в Барнауле, в 1982 году. К примеру, хрестоматийными стали стихотворения «Автобиография» в переводе Б. Слуцкого, «Я – горного кедра колючая ветка» в переводе И. Фонякова, «Прекрасное мгновенье» в переводе А. Преловского и многие другие.

Символически звучат строки поэта Б. Укачина:

Я – горного кедра, одетого небом,
Колючая, гордая, крепкая ветвь!
В расселены камня вцепившись корнями,
Упрямые соки по жилам гоня,
Зажег он меня, как земное пламя ...
Из сердца однажды он создал меня!

Исследователь Г.В. Кондаков определил тематику и проблематику Б. Укачина двумя словами автора – «кони и горы». Неслучайно поэтически возвышенно звучат строки: «Лунный свет земли коснулся, чуткими лучами. Добрый конь звезды коснулся, чуткими ушами» в переводе И. Фонякова. Оригинал прост и ясен, без возвышенных определений. «Ат кулагыла јылдыска тийер. /Ай јаркыныла јерге тўжер». Переводчик переставил образы, авторское видение от земли к звездам, «от коня к луне» перевернуто поэтически возвышенно. Под пером переводчика он обрел форму двустипшия и звучит поэтически и красочно. Поэт видит мир образами необычными, запоминающимися, присущими только ему одному. Стихотворение «Ночь в горах» начинается чудными строками, идентичными оригиналу. Хотя поэт неоднократно возвращался к оригиналу и нашел наиболее подходящие сравнения: луна на небе сравнивается с сережками. При этом цвет луны в оригинале традиционно обозначен «золотым» оттенком.

Ночь. Алтай.
Луна – как сережка.
Четкий профиль горной гряды.
Можно трубку, привстав немножко,
Раскурить от любой звезды и т.д.

Учитывая своеобразие стихов Б. Укачина, В. Чичинов в своей книге «Адрес поэзии – Горный Алтай» (1976) писал: «Укачин – поэт оригинального таланта. Определяющей чертой его личного дара является способность говорить о высоком, нравственном не общими понятиями, а живыми образами, чувствуя и понимая драматизм жизни, любя, видя и передавая эту жизнь в движении». Таковы, к примеру, стихотворения «Путь язычника – алтайца», «Малые народы» в переводе И.Фонякова, «Вечером не умирайте люди» в переводе Б. Слуцкого, «Голос снега» в переводе А. Преловского и другие.

О переводных произведениях Б. Укачина в свое время писали сами переводчики И. Фоняков и Б. Слуцкий в послесловии сборника стихов «Высокая радуга» (Горно-Алтайск, 1971) и предисловии сборника «Ветка горного кедра» (Москва, 1974), а также местный литературовед Г. В. Кондаков. Последний написал литературный портрет Бориса Укачиновича Укачина для «Истории алтайской литературы» (2004) и опубликовал статью под названием «Слово и перевод» в книге «Магнитное поле поэта» (Барнаул, 1976), посвященный сравнению оригинала и перевода Б. Слуцким стихотворений поэта. По мнению исследователя, «переводчик стремится уловить и передать не только дух, главное – настроение, основную мелодию, но и старается расцветить её, выявить оттенки чувства и переживания, что опять же достигается посредством слова, стилистически окрашенного, колючего, ершистого» (с.142). Текстологическое сравнение оригинала с его переводом приводит к тому, что переводчик Б. Слуцкий не отходил от строки в строфе, от поэтической мысли автора. Таковы его переводы стихотворений «Жил-был старик», «Мычит белая корова», «Исчезнувшие птицы» и др. Как, известно, многим стихам Б. Укачина присущ гражданский, публицистический пафос, кроме того в стихах присутствует «Я» поэта, некоторые стихи сюжетны. В них рассказывается случай из жизни: будь это воспоминание о детстве или рассказ о событиях послевоенных лет. Неслучайно, И. Фоняков правильно замечает: «Борис Укачин – повествователь, почти каждое его стихо-

творение, даже короткое – какая-то история, случай из жизни, он тяготеет к жанру поэма, некоторые свои большие стихотворения называет «маленькими поэмами» или рассказами в стихах (с.210). Таковы, к примеру, стихотворения: «Соль», «На осеннем рынке», «Рассказ о рыжей собаке-бродяге» и т.д. Особенно удачно переведены И. Фоняковым лирические стихи Б. Укачина: «Если ты во сне увидишь», «Женщина расчесывала ночь», «Дремлет мир под звездами большими» и многие другие.

Если ты во сне увидишь,
Как сосна в росе искрится,
Знай, родная: это слезы,
Те, что прожил я в тиши.
Если ты во сне услышишь
Дальний крик подбитой птицы –
Чутким сердцем догадайся:
Это зов моей души.

Однако некоторые переводы И. Фонякова отходят от подлинника. Таковы, к примеру, стихотворения «Рожденные весной», «Бег аргамака», «Малый народ» и другие. Текстологическое сравнение оригинала и перевода приводит к тому, что переводчик допускает вольности в передаче национальных образов стихотворения, но неизменным остается основной смысл стихотворения. В первом стихотворении авторского почти ничего нет, разве что упомянуты «аврора» да имя вождя. В смысловом плане переводчиком сохранены строки «Волга билась в берег», «под сапогами бая» в сочетании, «старый мир бесправия и зла». Другими словами, получилась вольная интерпретация содержания стихотворения.

В оригинале стихотворения «Бег аргамака» автор перечисляет достоинства крылатого коня, бег которого оставил свой след в мелодии национальных инструментов комыса и топшура, в сказках и героических сказаниях алтайского народа, в современных спортивных состязаниях, свадебных обрядах и т.д.

Далее автор углубляется в историческое время, поочередно рисуя события страны, в частности Алтая и подчеркивая роль аргамака в этих событиях, порой драматических и даже трагических. Перевод И. Фонякова заметно отходит от оригинала.

Подобное стихотворение («Аргамак» имеется и у другого алтайского поэта – Лазаря Кокышева, строки которого насыщены необыч-

ными метафорами. Используются специфически национальные сравнения: холмы уподоблены бубну шамана, звезды сравниваются с догорающими в очаге углями и т.д. олицетворением движущегося времени выступает символический образ крылатого коня–аргамака, неустанно мчащегося «через века». Всюду слышно его ржание – знак верности хозяину, преданности – Родине. Поэтические особенности двух поэтов естественно различны. Сохранив лишь образ крылатого коня, переводчик И. Фоняков произвольно интерпретирует стихотворения Л. Кокышева. Лирический герой в переводе сражается с захватчиками, князьями, слышит «танков грохотанье», вместе с кавалеристами идет «в атаку под Москвой» и т. д. ничего этого в оригинале конечно, нет. С помощью традиционных образов автором высказана мысль о вечности жизни на Земле. А смерть воспринимается поэтом как незаметное удаление, естественный уход из жизни: «Когда, устанет конь мой, отпущу его я на волю. Сам же, постелив потник, навеку успокоюсь». Также неудачно переведено стихотворение «Жизнь» Л. Кокышева. Возможно, переводчику достались неудачные подстрочники. Так как тот же И. Фоняков поэтически тонко передал смысл другого стихотворения Л. Кокышева под названием «Осенний цветок». В переводе он обозначен как «Лунной ночью в горах ...». При этом введены приметы Алтая: гора Чаптыган, река Катунь, которые придают стихотворению сказочный оттенок. Автором использованы специфические национальные сравнения, которые, конечно же, трудно поддаются точному переложению на другой язык. В этом смысле переводчику необходимо обратить внимание на особенности поэтического мышления разных поэтов, в том числе разной национальности, так как кроме алтайских поэтов И. Фоняков переводит и других поэтов Сибирского региона.

Во многих стихах Б. Укачин знакомит иноязычного читателя с обычаями и традициями своего народа. В их переводах И. Фоняков сохранил национальный колорит введением отдельных слов=атрибутов («Материнский подарок», «Малый народ», «Путь язычника-алтайца» и др.). Удачно переведены публицистические стихи поэта и стихотворения, посвященные любви к Алтаю: «Мой Алтай! Поклон тебе от сына!», «На тебя загляделся Алтай», «Дремлет мир под звездами большими» и другие.

И. Фонякову адекватно удалось перевести также стихи-миниатюры Б. Укачина, основанные на устной поэзии. В сборнике «Календарь души» они обозначены как «Стихи с кулак».

Двустушия поэта оформлены в виде советов и наставлений отца сыну. Они обычно начинаются со слов: «знай», «умей» «усвой» и т.д. В переводе А. Преловского эти слова упущены, тем не менее, смысл стиха сохранен. К примеру, «В небе плавает только одна луна золотая. На земле не сыскать никогда второго Алтая».

В переводах И. Фонякова сохранены слова-наставления поэта и строки звучат как народная мудрость: «Накрепко, сын, усвой, / Что на земле порой/ слышит глазами глухой», / Видит сердцем слепой».

В некоторых двустушиях Б. Укачина скрыта недосказанная мысль автора, которая требует от читателя сотворчества. Например: «Когда лежит в колыбели / любой ребенок мил ...». Обращение к собеседнику, недосказанность фразы сближают строки Б. Укачина с устной поэзией. Повторы в начале строки зачастую ничего не значат, смысловой акцент в народной лирике падает, как правило, на конечное слово. Эту особенность народной песни Б. Укачин передает по-своему: «Смех алтайца услышишь (только) в горах Алтая/ Стон алтайца услышишь (только) на чужбине». Эта мысль идентично передана И. Фоняковым в других четверостишиях. К примеру:

В крови своей услышать гул Катунь,
И в отчий край тебя он позовет.
Лежит в кармане камешек с Катунь –
Он по-алтайски в грустный день поет!

Третий вариант этих строк звучит так: «Пусть в изголовье камень твердый, гладкий / Коль он с Катунь – спится хорошо! В крови своей / Катунь рокот сладкий / Услышишь ты – и сердцу хорошо...».

Возможно, переводчик хотел как можно доступнее и поэтичнее передать смысл этих строк инонациональному читателю. Потому он акцентирует свое внимание на отличительных признаках Алтая, упомянув при этом конкретную реку Катунь. Многие четверостишия поэта отмечены философским осмыслением мира и человека. По глубине поэтической мысли отличаются такие четверостишия, как «Человеку самое интересное – Человек», «Гладкое-гладкое небо», «Из щели аила, покрытого корой», «Полнолуние на Алтае», в которых запечатлена постановка серьезных нравственных проблем. В заключение за-

дадимся вопросом: поэтична ли поэзия Б. Укачина в переводе на русский язык? Да, конечно. Переводчики далеко не отходят от оригинала. Но встречаются случаи, когда они допускают вольности в передаче содержания стихотворения. Особенно часто это наблюдалось в начале их творческого пути. В дальнейшем переводчики пытаются найти идентичный образ, следовать авторскому замыслу.

Таким образом, нам остается поблагодарить переводчиков за удачные переводы алтайской лирики, в том числе поэзии Б. Укачина и пожелать в дальнейшем целостного подхода к одному произведению, творчеству писателя, национальной литературе в целом, так как при переводе с одного языка на другой в первую очередь учитываются индивидуальные особенности творца писателя, традиции переводческого дела и специфика той или иной национальной литературы.

Литература

1. Фояков И.О. Несколько слов о поэзии Горного Алтая, о переводах её на русский язык и об искусстве поэтического перевода вообще // Высокая радуга. – Горно-Алтайск, 1971. – С. 208-211.
2. Слуцкий Б. Борис Укачин, его родина и его поэзия // Укачин Б.У. Ветка горного кедра. – М., 1974. – С. 4.
3. Чичинов В.И. Адрес поэзии – Горный Алтай. – Горно-Алтайск, 1976. – С. 45-58.
4. Кондаков Г.В. Слово и перевод // Кондаков Г.В. Магнитное поле поэта. – Барнаул, 1976. – С. 129-148.

Сборник Л. Юсуповой в переводе: сравнение с оригиналом

Очередная книга стихов поэтессы Лилии Юсуповой издана на двуязычной основе: русском и алтайских языках. Прежде всего, читатель обратит внимание на скромную обложку сборника и авторский рисунок под названием «Роза в узелке». Да и книга стихов удачно названа как «Узелок на память»(2012), что соответствует содержанию вступительного слова самой поэтессы. В нем Лилия Юсупова запечатлела свои встречи с алтайским поэтом и переводчиком Караном Дмитриевичем Кошевым, рано ушедшим из жизни. В первую очередь, она воспринимает его как зрелого поэта. По ее мнению, К.Кошев - «сложившийся поэт, на счету которого несколько книг на

алтайском языке: драмы, повести, поэтические переводы». Среди переведенных книг поэтесса особо выделяет стихи Омара Хайяма, «Слово о полку Игореве», поэму «Витязь в тигровой шкуре Шота Руставели и другие. В последующие встречи они общались творчески, он сам вызвался перевести стихотворения Л.Юсуповой на родной язык, забегая вперед, скажем, довольно удачные. Так, Л.Юсупова оставила яркую память об алтайском поэте Каране Кошеве, скромном человеке, редком специалисте – инженер-мостостроителе, авторе 50-ти патентов на различные изобретения.

Имя Лилии Юсуповой не стоит лишний раз представлять читателю. Она известна далеко за пределами нашей республики, России, автор более 6-7 поэтических сборников. Ее творчество высоко оценено президентом Татарстана Минтемиром Шаймиевым, она - лауреат Пушкинской премии. К сожалению, у нас ее не так почитают, как должно быть. В последние годы пока поэты сами о себе не заявят, никто и не оценит и не услышит их. Так, поэтесса Л.Юсупова выбрала для презентации своих книг широкую аудиторию, сопроводив свои стихи песнями в музыкальном и художественном оформлении. И ее полюбили читатели, зрители, любители музыки и живописи.

Помнится переполненные залы городского дома культуры с чтением авторских стихов. Так она завоевала сердца многих читателей и притом, навсегда: верных и надежных читателей ее стихов. Первые сборники ее я раздаривала своим знакомым за пределами республики, читателей восхищала ее редкий талант, не только поэтических, но и изобразительных. А по профессии она врач-паразитолог. Парадокс удивительный! В одном человеке раскрыто столько дарования. А сама она хрупкая, обаятельная, нежная и скромная красавица. Так, чем же привлек наше внимание вышеупомянутый сборник?

Во-первых, Лилия Юсупова впервые выступает на алтайском языке. Во-вторых, перевод осуществлен таким же скромным, талантливым человеком, как Каран Кошев. Его дарования тоже не «вмещались» в республиканский масштаб, человек при жизни остался невостребованным. Технолог по образованию, он писал литературные статьи, переводил на русский язык произведения И. В. Шодоева, драматические произведения А. Адарова, на алтайский язык произведения чувашского писателя Н. Ижендея («Неродившееся дитя»). А самый главный исследовательский его труд – перевод «Слова о полку

Игорева»(2006) на родной язык. Книга вышла тиражом всего лишь 400 экземпляров. Богатый дар, любовь и преданность литературе остались незамеченными, не оцененными исследователями литературы.

Что касается переводов лирики Лилии Юсуповой, то он осуществлен безупречно, тем более, в сборнике представлено параллельное расположение оригинала и перевода. Одно дело – прочитать в переводе и в оригинале, другое дело - войти в мир поэтессы и переводчика. Оба таланта, уживаются воедино в мыслях, чувствах, поэтических выражениях. При знакомстве с переводами задаешься вопросом: сохранены ли рукописные записи поэта - переводчика? Поскольку никто у нас в республике не занимается архивом ушедших из жизни алтайских писателей. Ведь Каран Дмитриевич Кошев тщательно подбирал слова, рифму, мелодику стиха, работал со словом, прислушивался к мелодике переводимого стихотворения.

Сборник открывает стихотворение «Остров любви», а в переводе К.Кошева звучит как «Айдыныш» («Признание»). Это стихотворение состоит из трех строф, первая строфа которого метафорически поясняет смысл любви. Островом любви является «болящее сердце» лирического героя. Во второй строфе уточняется значение острова любви. И в третьей автор обращается к метафорическому острову любви с риторическим вопросом: « Остров мой, остров, осколок рая, /Как бы я выжила, если бы не ты?». При переводе на алтайский язык на первое место выступает образ лирического героя. От его имени высказываются мысли о вечной любви. Потому, наверное, стихотворение названо другим словом, в отличие от оригинала. Но это несколько не снижает художественный уровень оригинала. Можно было придраться к слову островок- ортолык, однако, автор сумел использовать его в последней строфе, не повторяясь в первой строфе. Причем для алтайского читателя сравнение «словно с мышкой» удачно заменено с традиционным для алтайского читателя сравнением «чычкан ла киске ойногондый». К сожалению, при перепечатке этих стихов и других допущены ряд грамматических ошибок в переводах, но почему-то ни корректоры не исправили, ни редактор не заметил. Потому нужен оригинал К.Кошева.

А как удачно подбирал К.Кошев образные слова. В стихотворении «Шел мелкий снег, колючий и сухой...» переводчик К.Кошев употреблял необычные сравнения на алтайском языке «чарак кар жааган» или «талкандык карлар». Эти слова легко ошутимы, осязае-

мы, представляемы алтайскому читателю зрительно. И только у Карана Кошева можно встретить такие редкие сравнения!

В стихотворении «Не уходи. Постой еще немного» Л.Юсуповой три строфы чуть растянуты переводчиком, поскольку для алтайского читателя важна конкретизация вместо абстрагирования. Но это ничуть не снижает уровень художественности оригинала. Самое главное, сохранена градация: «На миг. На час. На день. На год. На века.» - «Чүрчеге! Сагатка...Бир кунге, бир айга. Бир жылга. Бир чакка. Жажына».

Также удлиняется стихотворение «Когда со мною рядом нет...» на одну строфу в переводе К.Кошева. Весна в природе, весна в человеке подчеркнута строфой: «Јас эрте келип,/Карларды өртөгөндий-/Көксимде де менив /Көк-таман чечектегендий». Не ради словца, но и для удачной рифмовки автор использует новые сравнения, необычные слова. Цикл стихотворений, посвящен Америке, овеян ностальгией о малой родине. Не будучи за границей, К. Кошев сумел идентично передать чувства и мысли автора, иногда оставляя слова без перевода, а в оригинале. Дополнительные сравнения углубляют смысл сравнения: «кей анда – уур ла тунгандый./ ой анда – баларлу түүнтидий» - «Но воздух там тяжелый и застойный./ Но время там – стоячая вода». В целом сборник стихов переведен славно, в соответствии с оригиналом. В дальнейшем необходимо продолжить такое параллельное издание оригинала и перевода. Лилия Юсупова доступной стала для любителей поэзии, для алтайского читателя в особенности.

Литература

1. Юсупова Л.Д. Узелок на память – Горно-Алтайск: «Алтын-Туу»,2012 – 64с.
2. Киндикова Н.М. Редкий талант// Киндикова Н.М. Алтайская литература: проблемы и суждения.- Горно-Алтайск: «Юч-Сюмер»,2008.- С.152-153

Первоисточники

1. Литература тюркских народов Сибири в научном осмыслении.// ж. «Северо-Восточный гуманитарный вестник».- Якутск,2010.- С.99-102
2. Наследие А.О.Адарова: проблемы изучения и издания//ж. «Сибирские огни».- Новосибирск,2012.-С.164-175
3. Алтайский и хакасский рассказ: типология и поэтика //Научное обозрение Саяно-Алтая. Серия: Филология.- Абакан,2011,№2.-С.161-166.
4. Судьба человека в меняющемся мире//Основные тенденции развития алтаистики в изменяющихся мировоззренческих условиях.- Горно-Алтайск,2012.-С.18-23
5. Проблемы периодизации тюркских литератур в трудах Н.Н.Тобурокова// ж. «Алтаистика и тюркология».- Астана,2012,№4.- С.61-67
6. Вопросы периодизации в алтайском литературоведении// Актуальные проблемы современного литературоведения и литературы, фольклора и археографии: к 85-летию академика АНРБ Г.Б.Хусаинова. - Уфа,2013.-С.58-62
7. Переводная китайская литература в исторической перспективе//Вестник БГУ.- Улан-Удэ: изд БГУ,2013.- С.141-144
8. Проблемы периодизации в тувинском литературоведении//Тюркская руника.- Кызыл: изд. Тув госуниверситета,2013,часть 2.- С.58-59
9. Личность Л.Кокышева в этнокультурном пространстве// Проблемы изучения и преподавания башкирской и тюркской филологии. - Стерлитамак,2014. - С.78-79
10. К вопросу о периодизации хакасской литературы// Учебник – основа изучения родного языка в образовательных учреждениях. Абакан: хакаское кн. изд.-во,2013.- С.14-20
11. Алтайский и башкирский роман: типология тем, сюжетов и образов// Концепт. Научно-методический журнал.- Волгоград,2014.- С.96-98
12. Взаимоперевод тюркских литератур: сохранение этнокультурных особенностей // Взаимоперевод национальных литератур: сохранение этнокультурных особенностей.- Горно-Алтайск,2014.-С.5-16
13. Проблема создания литературной биографии//Научное обозрение Саяно-Алтая.- Абакан: Хак. типография,2014,№2.- С.38-41

14. Рукописное наследие писателя и проблемы публикации//ж. Наука и мир.- Волгоград: научное обозрение, №4.-С. 67-92
15. Тюркские литературы: проблемы взаимодействия.- Горно-Алтайск: РИО ГАГУ,2012.- 196с.
16. «Услышь в напевах голос мой...». Исследование о жизни и творчестве А.Адарова.- Горно-Алтайск: РИО ГАГУ.- 84с.
17. «Прожитая жизнь слишком коротка...». Исследование о жизни и творчестве Л.В.Кокышева. - Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография,2013.- 200с.
18. Художественный перевод. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ,2013.- 76 с.
19. Типологическое исследование тюркских литератур. - Саарбрюккен (Германия): Lambert,2013 -196с.
20. История создания и проблематика произведений И.В.Шодоева// Актуальные проблемы литературы и культуры Саяно-Алтая.- Абакан: Хак.типогр.,2014.-С.18-24
21. Изучение периодизации в литературоведении Сибири//Вестник Бурятского госуниверситета.- Улан-Удэ: изд.БГУ,2014.- С 24-28.
22. Сокровенный Алтай: типология культур, открытость миру // Заповедные этнокультурные ландшафты Арктики и Сибири. – Якутск, Бичик. – 2014. – С. 19-21.